

БИБЛИОТЕКА

БРИУСОВ

БРИУСОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

О С Н О В А Н А М. Г О Р Ь К И М

**МАЛАЯ СЕРИЯ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ**

С о в е т с к и й п и с а т е л ь

В. Б Р Ю С О В

СТИХОТВОРЕНИЯ

Л е н и н г р а д • 1 9 5 2

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Д. Максимова*

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Валерий Брюсов вошел в историю отечественной литературы как выдающийся поэт и ученый, обладающий огромным запасом знаний и многосторонней культурой, как прозаик и переводчик, как литературный критик, исследователь Пушкина, теоретик стиха и, прежде всего, как один из тех немногих представителей буржуазного искусства, которые оказались в силах порвать с капиталистическим миром и перейти на сторону победившего пролетариата.

Мировоззрение Брюсова сложно и противоречиво. В творчестве Брюсова боролись противоположные тенденции. Брюсов был связан с антидемократической идеологией русских декадентов, и некоторые стороны его поэзии для нас неприемлемы. Но содержание поэтического мира Брюсова не исчерпывается этой идеологией. Жизнь и творчество Брюсова — это, в первую очередь, история его идейного роста, движение, ведущее его к изживанию декадентства и к укреплению связей с прогрессивными силами эпохи. Стоя на этом пути, опираясь на

достижения русской классической литературы, Брюсов поэтически разработал целый ряд тем, создал значительное количество интересных и ценных произведений, которые, сыграв свою роль в русской поэзии, не могут быть забыты и в наше время.

1

Валерий Яковлевич Брюсов родился 1 декабря (13 декабря н. с.) 1873 года в Москве в зажиточной купеческой семье. Дед его со стороны отца — по происхождению крепостной крестьянин, — получив небольшое наследство, завел пробочную торговлю, разбогател и откупился на волю. Отец Валерия Брюсова, Яков Кузьмич, принимал в этой торговле участие, но под конец жизни отошел от торговых дел. Это был человек демократически настроенный, атеист, поклонник Писарева и Дарвина. В соответствии с убеждениями отца было организовано и воспитание будущего поэта. Юному Брюсову прививалось независимое отношение к авторитетам и догмам, трезвые, рационалистические взгляды на жизнь и интерес к естественным наукам.

Личность и мировоззрение Брюсова в основном сформировались во второй половине 80-х годов. В истории России это было время политической реакции и подготовки к массовому освободительному движению про-

летариата. Русский капитализм достиг в эту эпоху небывалых темпов развития, усиленно превращался в империализм и порождал новый, реакционный вид буржуазной идеологии. Народничество, политически обанкротившееся, уже неспособно было противостоять этой идеологии. Буржуазно-дворянская литература эпохи переживала жестокий кризис, идейно выдыхалась и мельчала. Но капитализм, разрастаясь, выращивал своего могильщика, которым являлся рабочий класс. Уже тогда «рабочий класс в России начал пробуждаться и повел борьбу с капиталистами». ¹ На этой основе зарождалось социал-демократическое движение, хотя «социал-демократия за десятилетие 1884—1894 годов существовала еще в виде отдельных небольших групп и кружков». ²

Молодой Брюсов не сумел разобраться в этих явлениях, разглядеть и оценить эти новые пробуждающиеся силы. «Писаревский дух» владел им лишь в самой ранней юности и на дальнейшее развитие Брюсова не оказал прямого воздействия. Общение Брюсова с окружавшей его буржуазно-мещанской интеллигенцией способствовало укреплению в нем антидемократических склонностей. Буржуазная культура, вступившая в стадию загнивания, послужила барьером, отделившим молодого Брюсова от передовой

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 8.

² Там же, стр. 17.

гражданской традиции русской жизни и литературы. И Брюсов, изолированный от прогрессивных сил своего времени, не умеющий охватить жизнь России в целом, во всей ее широте, в перспективе ее социально-исторического развития, остался как бы наедине с буржуазно-мещанской действительностью в самом узком и ограниченном ее круге, с ее идеологией, литературой и, конечно, с буржуазным бытом.

Речь идет не только о доме Брюсовых — отца и деда, — в котором еще сильно чувствовались старомосковские купеческие традиции. Обстановка, окружавшая молодого Брюсова, отражала более поздний буржуазный уклад. Брюсов вырос в Москве — огромном капиталистическом городе, который в то время в значительной степени уже потерял свою старозаветность. Брюсову открылась пустая и болезненная жизнь городских задворков, с кафешантанами, публичными домами, тотализатором и карточной игрой. Индивидуализм, эротика, склонность к самым пессимистическим оценкам действительности — эти черты антиобщественного буржуазного сознания были усвоены им и легли в основу его ранней лирики.

Естественно, что для выражения всего этого содержания Брюсов обратился к формам, с которыми оно уже было связано раньше, — к формам, которые были выработаны декадентской поэзией.

Декадентство, как порождение космополитической, реакционной буржуазии эпохи империализма, впервые сложилось в Западной Европе, а в начале 90-х годов, под прямым воздействием Запада, развилось и в России. Отсюда — антинациональный, подражательный, эпигонский характер русского декадентства, его стремление во что бы то ни стало пересадить в Россию традиции зарубежной декадентской поэзии и декадентской философии. Это можно проследить по стихам, прозаическим произведениям и статьям всех старейших представителей русского декадентства: Мережковского, Минского, Сологуба, Бальмонта. Объективное классовое назначение декадентской литературы заключалось в том, чтобы обслужить «буржуазное сознание» на новом этапе его развития и отвлечь внимание общества от очередных задач освободительного движения. Борьба с демократией, осуществляемая в прямой или в завуалированной форме, явилась основным признаком декадентства на всех стадиях его исторической жизни. Недаром лучшие люди России беспощадно разоблачали декадентство в философии, в эстетике, в художественной литературе.

Усвоив и продолжив поэзию Фета, главным образом его любовную лирику, развивая традиции поэтов 80-х годов, стоявших на позициях «чистого искусства», в особенности Фофанова, Валерий Брюсов

с 1892—1893 года решительно поворачивает к декадентству.

Своеобразие ранней поэзии Брюсова, между прочим, и заключается в том, что обе эти линии — «фетовская» и декадентская — сосуществуют в ней, перекрещиваются и взаимодействуют.

В 1895 году под вызывающим заголовком «*Chefs d'oeuvre*» («Шедевры») Брюсов выпускает свой первый лирический сборник. В 1897 году вышла вторая книга его лирики — «*Me eum esse*» («Это — я»). Почти одновременно, в 1894—1895 годах, Брюсов издает три стихотворных сборника «Русские символисты», в которых печатает собственные стихи и переводы, а также стихи близких ему по литературным устремлениям поэтов-любителей. Следовательно, Брюсов вступает в литературу не только как поэт-декадент, но и как один из организаторов «декадентской школы».

«Русские символисты» были задуманы Брюсовым как своего рода проспект различных образцов «нового искусства», составленный так, чтобы нарочно удивить и раздражить публику непривычными ей экстравагантными формами и словосочетаниями. Именно здесь, в одном из этих сборников, посередине страницы, было напечатано известное однострочное стихотворение Брюсова: «О, закрой свои бледные ноги». Скандальная слава этого стихотворения надолго

присоединилась к имени Брюсова. Впрочем, и другие его стихи того времени вызывали в публике почти такое же единодушное осуждение и насмешки.

Первые сборники Брюсова отражали упадок и внутреннюю опустошенность буржуазной личности и сами явились следствием этого упадка. Лирический герой Брюсова пропитан ядом деградирующего капиталистического быта, соблазнен его соблазнами. Сознание покинутости и заброшенности в мире непрочном и угрожающем срастается у него с гнетущим переживанием усталости, отвращения к жизни и с мечтой о смерти. «Усталый», «утомленный», «унылый», «мучительный» — самые характерные эпитеты раннего Брюсова. Чувство обреченности — особенно в сборнике «Это — я» — преобладает над всеми остальными эмоциями.

Действительность отпугивает и отталкивает Брюсова. Его ранняя поэзия во многих отношениях являлась попыткой освободиться от законов реальности, упразднить среду, оградить себя от созерцания этого мрака. Единственным убежищем в бушующей социальными водоворотами жизни могла представляться художнику, занявшему эти позиции, его внутренняя сфера, его собственное «изолированное» сознание. Здесь — источник эстетических установок юноши Брюсова, который ограничивал предмет искусства областью субъективных, главным образом

любовных переживаний. «Человек как личность, — писал Брюсов в брошюре «О искусстве», — отделен от других как бы непреодолимыми преградами» (1898). В стихах Брюсова эти декларации повторяются: «Я чужд тревогам вселенной», «Я не знаю нашего века» и т. д.

На этой почве возникает порыв Брюсова к мечте, к поэтической иллюзии: «Уйдем в мечту! Наш мир фатаморгана...» Этим же стремлением противопоставить тревожному миру реальностей мир, не зависящий от них, не похожий на них и обусловленный одною лишь волею поэта, объясняется брюсовская экзотика, все эти излюбленные им «венки из орхидей», «криптомерии», «журчащая Годавери» и пр.

Характерный для раннего Брюсова упадочный индивидуализм проявился в его поэзии крайне болезненно и разрушительно. Поэтическое творчество, отрешенное от действительности, неизбежно должно было потускнеть, лишиться притока свежих впечатлений, живых образов и красок. Для декадентской поэзии это состояние творческого банкротства было естественным, так сказать «нормальным». Брюсов остро почувствовал кризисность подобного состояния, и это во многом определило его дальнейшую судьбу как человека и как поэта. Душевная боль, неудовлетворенность, сознание идейно-психологического и творческого тупика отражены в ряде его юношеских стихотворений: «Об-

легчи нам страдания, боже!», «Свиваются бледные тени», «Ночью». Тот же мотив звучит и в его дневниковых записках. «Муза, где ты! — пишет он в 1896 году. — Увы, моя прежняя муза умерла, а новая... закрыла лицо и покинула меня, видя, как я оскорбляю ее лучшие заветы». Это чувство неблагополучия представляло собой едва ли не самый здоровый и благополучный элемент в творческом сознании молодого Брюсова.

2

Путь преодоления кризиса был для Брюсова путем к людям, к объективной действительности. На этот путь Брюсов встал под прямым воздействием изменившейся русской жизни.

Русский капитализм продолжал стремительно развиваться, но рядом с ним креп и развивался рабочий класс. На рубеже двух столетий широко развернулась деятельность Ленина. Была создана могучая пролетарская партия, и для всех становилось ясным, что революция не за горами. Обострение классовых противоречий привело литературу к резкому идеологическому размежеванию. Ее прогрессивный лагерь пополнился новыми силами и укрепился. Его вождем и организатором стал великий пролетарский писатель — Горький. Но и реакционная литература росла и перевооружалась. Декаденты

обзавелись своими печатными органами, своими критиками и теоретиками и мало-помалу начинали входить в моду.

Какое же влияние оказала эта новая обстановка на Брюсова и какое место он занял в новых условиях?

Внешняя жизнь Брюсова мало изменилась, если не считать того, что в 1897 году он женился, а в 1899-м окончил историческое отделение Московского университета. К этому времени Брюсов был уже зрелым поэтом и на редкость образованным человеком.

Новый этап в развитии Брюсова ознаменован прежде всего усилением и укреплением его связей с действительностью, расширением его жизненного и культурного кругозора. Крут действительности, питавшей поэзию молодого Брюсова, как уже говорилось, был крайне ограничен. Он определялся, в основном, узкими рамками городского буржуазно-мещанского быта, воспринимаемого в самых болезненных его проявлениях. Поэзия молодого Брюсова, отражая этот быт и беспомощно, декадентскими методами, отмежевываясь от него, на самом деле еще более в него вращалась. Теперь действительность наполняется для Брюсова не только бытовым, но и политическим, историческим и широчайшим культурным содержанием.

Именно в этот период начинается

складываться тот примечательный образ Брюсова, который впоследствии прочно вошел в сознание русского читателя. «Я всегда говорю о вас: это самый культурный писатель на Руси!» — писал Брюсову Горький незадолго до Октябрьской революции. Эту характеристику можно отчасти приложить и к Брюсову 900-х годов.

По многогранности интересов, по широте своих знаний, по разнообразию своей литературной деятельности, по своей страсти к культуре Брюсов занимает среди русских писателей выдающееся место. «Боже мой! боже мой! Если бы мне жить сто жизней, они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня», — отмечает он в одной из своих черновых заметок.

Исторические и мифологические сюжеты, названия народов и городов, имена богов и героев наводняют поэзию Брюсова. Ее жанры пестры и разнообразны. Брюсов создает огромное количество лирических стихотворений, циклы баллад, героические поэмы, описательные поэмы, драмы в стихах и в прозе, овладевает громоздкой формой так называемого «венка сонетов». Он пишет роман из жизни средневековой Германии «Огненный ангел» (1907—1908), два романа и повесть из истории древнего Рима: «Алтарь Победы», «Юпитер поверженный», «Рей Сильвия» (1911—1916), ряд фантастических новелл, рассказы и бытовую повесть.

Показательным примером творческого размаха Брюсова служит его недоосуществленный замысел многотомного цикла стихотворений «Сны человечества». В этом цикле Брюсов пытался отобразить лирику всех времен и народов.

Зная основные европейские языки — древние и новые, — Брюсов выступает как переводчик поэтов и прозаиков самых различных национальных литератур. Он переводит Байрона, Верхарна, Гюго и многих других французских авторов, а позже — «Энеиду» Вергилия и «Фауста» Гете. Особенно должны быть выделены его переводы армянских, латышских и финских поэтов, о которых до Брюсова русские читатели не имели почти никакого понятия. Заслуга Брюсова как знатока, ценителя и популяризатора этих поэтов, как ученого и художника, который занимался ими еще при царском режиме, когда они игнорировались официальной наукой и притеснялись правительством, очень велика. Наибольшее внимание он уделял армянским поэтам. Его многочисленные переводы с армянского, снабженные им ценными историко-литературными примечаниями и статьей, отражают почти всю историю армянской поэзии с древнейших времен до XX века включительно. Не удивительно поэтому, что в советское время Брюсов был удостоен почетного звания народного поэта Армении.

С этого же времени широко разворачивается критическая и литературоведческая деятельность Брюсова. Он выступает как критик современных ему авторов и писателей XIX века, как литературный полемист, как публикатор неизданных текстов Пушкина, как исследователь пушкинского творчества и, наконец, как сотрудник редакции известного историко-литературного журнала «Русский архив».

По своему идейному содержанию вся эта обширная литературная работа Брюсова имела двойственный характер.

Во многих очень существенных отношениях Брюсов сохраняет верность декадентским идеям и вкусам. Вполне закономерно он становится вождем московских символистов, руководителем их главного печатного органа — журнала «Весы» и связанного с этим журналом издательства «Скорпион». Значительная часть его литературной работы тех лет была посвящена пропаганде русского и западноевропейского декадентства.

Однако окружавшая Брюсова атмосфера общественного подъема, обращение к высоким гуманистическим традициям русской культуры способствовали процессу очищения и оздоровления его мировоззрения и творчества. Брюсову удалось в то время изжить некоторые крайности своего раннего декадентства и встать на путь дальнейшего преодоления своих декадентских пристрастий.

Не случайно увлекался он тогда изучением русских классиков: Некрасова, Тютчева и, главным образом, Пушкина, и усиленно переводил такого мятежного поэта, как Верхарн.

Новый, второй период творческого пути Брюсова закреплен в трех книгах его стихов: в переходном сборнике «*Tertia vigilia*», (т. е. «Третья стража», 1900) и в наиболее известных из всех его сборников: «*Urbi et orbi*» («Граду и миру», 1903) и «*Stephanos*» («Венок», 1906). Своеобразие дооктябрьской поэзии Брюсова выявилося в этих книгах особенно ярко. Стихотворения, входящие в них, по своему содержанию и форме столь же многообразны, как и все творчество зрелого Брюсова.

Максим Горький неоднократно писал о кризисе буржуазной идеологии в эпоху социальных революций. Один из основных признаков этого кризиса он видел в распаде буржуазной личности, в утрате ею своего единства, своей цельности. Этот кризис сказался во всех формах буржуазной идеологии, в том числе и в художественной литературе.

Следы этого кризиса можно уловить и в творчестве Брюсова. Многие стихотворения Брюсова лишены той поэтической непосредственности и цельности переживания, того единства содержания и формы, того подлинного лиризма, которыми в такой высокой степени обладали русские классические поэ-

ты XIX века и из современников Брюсова — Александр Блок. В стихах Брюсова вместо живого образа нередко появляется наглядная, но все же придуманная образная схема. Поэтому образы Брюсова часто оказываются недовоплощенными, стихи его — живущими своим «открытием», своим «заданием», своим поэтическим «чертежом» в большей степени, чем конкретно достигнутым результатом, тем творческим осуществлением, которое превращает стихи в факт искусства действенного, заражающего, связанного с людьми «по прямому проводу».

Но этих «открытий» в поэзии Брюсова немало. Он совершает их и постановкой новых тем, и в повороте и трактовке старых, и в разработке еще неизвестных в России жанров и других поэтических форм.

Подход Брюсова к изображению современной ему действительности не мог быть осуществлен камерными средствами декадентской салонной лирики. Брюсов мечтает создать поэзию монументального стиля, поэзию для всех. Произведения декадентских авторов с характерной для них стилистической вычурностью теперь уже не являются для Брюсова образцами, достойными подражания.

В его зрелом творчестве можно различить следы влияния многих поэтов, в числе их — Тютчева, Фета, Баратынского. Но с особенной настойчивостью и сознательностью

Брюсов пробует ориентировать свой стих на Пушкина. «У нас всегда останется общим, — писал он в 1904 году, — восторг и преклонение перед божественной поэзией Пушкина, перед ее чистыми красками и чистыми звуками». И несколько позже: «Выбери себе героя — догони, обгони его», — говорил Суворов. Мой герой — Пушкин». Конечно, Брюсов по своему мировоззрению и мироощущению был бесконечно далек от Пушкина, и подлинного сближения с ним, даже чисто стилистического, у него получиться не могло. И все же стремление усвоить стройный и ясный стиль Пушкина, его ритмы, интонацию и самое движение его поэтической мысли чувствуется в поэзии Брюсова очень явно (см. его стихотворения «Последнее желание», «На скачках» и др.). Обращение к пушкинскому творчеству помогало Брюсову упорядочить, дисциплинировать свою поэзию, бороться за освобождение ее от наиболее резких проявлений декадентской манеры.

Самый строй брюсовского мышления облегчал борьбу поэта за преодоление декадентского начала в его творчестве. Проповедуя в своих стихах, как и другие декаденты, культ страсти, порыва, «священного безумия», Брюсов вместе с тем обладал очень трезвым и рационалистическим интеллектом. В день своего 50-летнего юбилея, отвечая на приветствие, обращенное к нему известным литературоведом П. Н. Сакулиным, Брюсов

говорил: «Павел Никитич Сакулин сказал... обо мне: «среди одержимых... он был наиболее трезвым, наиболее реалистом». Это правда. И он еще добавляет: «он — т. е. я — был и среди символистов утилитаристом». И это верно. Я помню, отлично помню, наши бурные споры с Вячеславом Ивановым, который жестоко упрекал меня за этот реализм в символизме, за этот позитивизм в идеализме».

В самом деле, религиозная проповедь Мережковского, теория мистического символизма Вяч. Иванова и характерный для молодого Блока мистический культ «Прекрасной Дамы» вызывали в Брюсове раздражение. Смутные и зыбкие формы иррационального импрессионистического стиля, которые являлись основой декадентской поэзии, Брюсову удавались лишь в сравнительно редких случаях, хотя он и стремился их усвоить. Брюсов отяжелял их логикой, которой они по природе своей были чужды. Декадентское пренебрежение к человеческой мысли и науке (особенно демонстративно заявлял о нем Бальмонт) было глубоко враждебно Брюсову. Логическая мысль, пафос разумного познания жизни являлись для него одним из главных источников вдохновения.

Этому соответствовал и облик Брюсова-человека. Подтянутый, деловой и четкий, почти педантичный, Брюсов умел организовывать свое время и своей мягкой и настойчивой

аргументацией подчинять окружавших его людей.

Здоровое и трезвое начало в Брюсове отмечал даже Горький, для которого литературная деятельность Брюсова тех лет была во многих отношениях неприемлемой. «Вы производите чрезвычайно крепкое впечатление, — писал Горький Брюсову в 1900 году, — есть что-то в вас уверенное, здоровое». И еще, в 1901 году: «Вы мне страшно нравитесь, я не знаю вас, но в лице вашем есть что-то крепкое, твердое, какая-то глубокая мысль и вера». И еще, тогда же: «Вы, мне кажется, могли бы хорошо заступиться за угнетаемого человека».

К сожалению, простая правда этого благородного призыва (в последнем из цитированных писем) в то время была недоступна Брюсову. Об участии отданных в солдаты студентов, о которых тревожился Горький в этом письме, он не хотел задумываться. И все же в его ответе Горькому звучали не только аполитизм и декадентско-анархистская бравада, но и презрение к буржуазному миру: «Давно привык я на все смотреть с точки зрения вечности. Меня тревожат не частные случаи, а условия, их создавшие. Не студенты, отданные в солдаты, а весь строй нашей жизни, всей жизни. Его я ненавижу, ненавижу, презираю! Лучшие мои мечты, когда все это будет сокрушено».

Неприязнь Брюсова к тому, что он сам

называл «позорно-мелочным, неправым, некрасивым» строем современной жизни. при всей своей непоследовательности и отвлеченности, была искренней и сильной. Она понижает такие стихотворения его, как «Кинжал», поэму «Замкнутые» и др. Более того, это отношение Брюсова к буржуазному миру в известной мере сказалось на всей его поэзии и влияло на его художественный метод.

Тяготясь безобразным, лживым и пошлым содержанием буржуазной действительности, Брюсов не пытался художественно отразить и оценить ее такой, какой она была, — как это делали писатели-реалисты. Он стремился поэтически преодолеть ее, эстетизировать, преобразовать ее в своем творчестве. Поэтому в зрелой поэзии Брюсова огромное значение приобрела создаваемая им норма, сознательно избранный образец того, какой должна быть с его точки зрения действительность и какой должно ее раскрывать искусство.

Идеалом Брюсова становится героика. Но в лагере империалистической буржуазии, своекорыстной и продажной, ничего героического найти было невозможно. Героика же революционной борьбы Брюсов разглядел и оценил далеко не сразу. Брюсову оставалось заимствовать героическое содержание своей поэзии из истории. И вот он обращается к древним культурам и извлекает из них

образы героев и событий, в которых он видит идеальные образцы и типы. Смысл этого поворота к древности отчетливо объясняется Брюсовым в стихотворении «Кинжал».

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча вы,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно бывшие.

Этот «уход в прошлое» не приводил Брюсова к отказу от настоящего. Он всегда вкладывал в свои монументальные мифологические и исторические образы современные ему идеи и переживания.

Ориентация Брюсова на «бывшие века» имела в его поэзии определяющее значение. Многие десятки стихотворений Брюсова являются целиком «антологическими» — построенными на материале древних культур. Таковы, например, его стихотворные циклы «Любимцы веков» (сб. «Третья стража»), «Баллады» (сб. «Граду и миру»), «Правда вечная кумиров» (сб. «Венок»), «Властительные тени» (сб. «Зеркало теней»), «В маске» (сб. «Семь цветов радуги»). Стихотворения этих циклов или прямо развертывают сюжеты, известные в истории культуры, например, миф об Адаме и Еве, Орфее и Эвридике, или являются вольными вариациями на эти сюжеты, или, наконец, дают характеристику персонажей древнего

мира, оформленную иногда как монолог от их лица. При этом особенную близость Брюсов чувствует к деятелям римской и греческой истории и культуры, и отчасти к древнему Востоку. Его притягивают к античной древности ее героика и ее трагическая судьба, в которой он пытается находить аналогии с судьбой буржуазного мира. Римские и греческие пристрастия Брюсова доходили до того, что некоторые из своих основных сборников он называл по-латыни и по-гречески.

Антологическая образность, антологические параллели и сравнения, имена богов, военачальников и героев, все эти Афродиты, Аполлоны, Азраилы, Медузы, Озирисы, Изиды, Цезари, Александры в изобилии вводятся Брюсовым не только в стихотворения, имеющие соответствующие сюжеты, но и в чисто современные и даже злободневные его стихи.

Однако привлечение античности, несмотря на все значение, которое оно имело в творчестве Брюсова, являлось лишь частной формой общего стремления Брюсова к героизированию, к идеализации и поэтическим абстракциям. Это стремление сказалось и в подходе Брюсова к своим темам и в его работе над поэтической речью. Например, говоря о небе, Брюсов не дает его материально-конкретный образ. Напротив, Брюсов подменяет этот образ абстрактной метафорой: «голубая тайна». Поэтому и соответствующий

стих Брюсова становится отвлеченным, абстрактным:

И между сосен тонкоствольных
На фоне тайны голубой.

Часто поэтическая мысль Брюсова направляется не от предметной сути явления к обобщению, а, наоборот, от абстракции к предмету. Так, в одном из стихотворений сборника «Все напевы» предметные образы «пыли» и «придорожья» являются лишь пояснениями отвлеченно-психологических понятий «заботы» и «суеты», а сами никакого самостоятельного значения не имеют:

Под зноем дня, в пыли заботы,
На придорожьях суеты...

Свои эпитеты и сравнения Брюсов нередко вовсе лишает индивидуализирующего смыслового признака и превращает их в отвлеченные оценочные суждения (нежный, прекрасный, величавый). Когда, например, в балладе «Рабыни» он сравнивает свою героиню, царевну, со светом и сиянием:

Она была, как свет, прекрасна
И, как сияние, светла...

читатель об этой героине ничего конкретного не узнает: в его сознании остается лишь обобщенная оценка. Таких примеров можно было бы указать очень много.

Отвлеченность художественного мышления и стремление эстетизировать действительность привели Брюсова к украшающему инносказательному стилю. Брюсов не говорит, например, «я поцелую», а предпочитает употреблять «иносказание» (перифраз): «я прикоснусь обрядом поцелуйным». Брюсов не говорит просто: «склонись», но провозглашает: «клони чело свое до праха». «Мечты» Брюсов обычно заменяет «снами», радостные переживания — «весной», женщин он постоянно именует «царицами» или «сестрами».

Слова, даже в тех случаях, когда они относятся к обыденным вещам, подбираются Брюсовым в пределах «высокого стиля». С этой стороны характерно тяготение Брюсова к архаизмам. В его стихах встречаются и «чресла», и «воскрылия», и «облак», и «севы», и «лоно», и «выя», и «длани» и «рдяный», а иногда чисто культовые, церковные слова: «алтарь», «нирей», «тропарь», «псалом», «купель».

Вся эта брюсовская лексика заставляет вспоминать замечательную характеристику жаргонов, данную И. В. Сталиным «...Диалекты и жаргоны, — пишет товарищ Сталин, — имеют узкую сферу обращения среди членов верхушки того или иного класса и совершенно не годятся, как средство общения людей, для общества в целом. Что же у них имеется? У них есть: набор некоторых специфических слов, отражающих

специфические вкусы аристократии или верхних слоев буржуазии; некоторое количество выражений и оборотов речи, отличающихся изысканностью, галантностью и свободных от «грубых» выражений и оборотов национального языка; наконец, некоторое количество иностранных слов». ¹

Конечно, поэтическая речь Брюсова отличается от жаргонообразной речи таких символистов, как Вячеслав Иванов. И тем не менее целый ряд декадентских жаргонизмов в языке Брюсова мы усматриваем. К ним относятся и «набор некоторых специфических слов», и слова изысканные, и большое количество иностранных слов: имен и названий.

Приподнятому стилю Брюсова целиком отвечала интонационно-ритмическая форма его стихов. Воспользовавшись гомеровским эпитетом, можно было бы сказать, что Брюсов был поэтом с «бронзовым голосом». Сжатость и сила, мужественная твердость и чеканность составляли характерное свойство стихов Брюсова, которым они резко отличались от созерцательно-нежной, самозабвенной певучести блоковской лирики. Недаром он читал их, согласно воспоминаниям одного из современников, «повелительно-властным голосом, точно отдавая приказы по армии».

¹ И. Сталин. Относительно марксизма в языкознании. Издательство «Правда», 1950, стр. 11—12.

Не случайно многие из его стихотворений своей торжественностью и риторической выразительностью и своим холодноватым пафосом заставляют вспоминать о классических одах.

3

Метод героизации, «очищения» действительности осуществлялся Брюсовым в обрисовке основного образа его поэзии — образа «автора», лирического героя. Брюсов говорит об этом герое как о поэте — носителе высокой миссии, как о бесстрашном борце, непреклонном воителе. Мужество и твердость составляют главное внутреннее содержание этого образа:

Но где-то, в глубине последней
Будь мрамором и медью будь.

Образ «воителя» или «избранника» лежит в основе таких стихотворений Брюсова, как «Старый викинг» (1900), «Себастьян» (1907), «Эней» (1908) и многих других. И в создании всех этих образов, мощных, волевых, дерзких и трагических, Брюсов обнаруживает большую художественную силу и мастерство, до которых его молодой поэзии было еще очень далеко.

Мне кто-то предлагает бой
В ночном безлюдьи, под шатром.

И я, лицом к лицу с судьбой...
...Я с богом воевал в ночи.

В этих торжественных, насыщенных сдержанной энергией и страстью строках слышится уже не Фет, и не французские парнасцы и символисты, а подлинный «неповторимый» голос самого Брюсова.

В приведенном выше отрывке Брюсов говорит о себе, о своем лирическом «я». В других стихотворениях, как уже было сказано, он создает объективные образы героев, заимствуя их из истории и мифологии.

Героические образы и героизирующий метод Брюсова следует оценивать с двух сторон.

Брюсов ненавидел пошлость, прозаическую «серединность», мещанскую косность буржуазного общества и своими героическими образами пытался от него оттолкнуться, прославляя подлинных героев: великих патриотов и борцов за родину («Гарибальди», «Завет Святослава»), героев науки и искусства («Халдейский пастух», «Дедал и Икар», «Орфей и Аргонавты»), великого ученого, ставшего защитником отечества («Служителю муз»), безвестных героических труженников («Египетский раб»). Прогрессивный характер этих образов не подлежит сомнению.

Но в своем осуждении буржуазного мира Брюсов не был последователен, не шел до

конца. Он поэтизировал не только высокие, человечески-ценные качества своих героев, но иногда и качества совсем иного, противоположного порядка. В ряде своих стихотворений он окружил поэтическим ореолом образы гордых и одиноких, неистовых и холодных героев-индивидуалистов. Они оторваны от народа («Данте»), иногда глубоко презирают его («Моисей», «Сулла»), попирают свой гражданский долг во имя личной прихоти («Антоний»); толпа служит для них лишь подножием («Г. Г. Бахману»); по своему личному произволу они могут свободно распоряжаться человечеством, превращаются порою в завоевателей, милитаристов, поработителей народов или просто в тиранов («Александр Македонский», «Наполеон», «Сулла»).

Образы таких «героев» были далеки от того, чтобы противостоять буржуазному обществу. Наоборот, они возвышали, идеализировали, «оправдывали» наиболее отрицательные, агрессивные его тенденции. Они создавали героический ореол вокруг тех темных и страшных проявлений империалистического мира, которые по своей сущности являются полной противоположностью высокому героизму, мрачной пародией на него.

Стремление к эстетизации действительности можно обнаружить в разработке всех основных тем поэзии Брюсова. Он подымает их до «нормы», до некоего эстетического

«предела» и украшает всеми доступными ему словесными украшениями.

При этом идейные противоречия Брюсова остаются в его творчестве непреодоленными и дают себя знать в каждой из этих тем.

Каковы же ведущие темы лирики Брюсова?

Одной из самых важных его тем на рубеже нового века и в последующие годы становится тема города. Брюсов в первую очередь — поэт-урбанист, первый русский поэт XX столетия, оразивший в поэзии жизнь города новейшего капиталистического типа. Эту тему в его лирике можно назвать его поэтическим открытием. Она была для него едва ли не самой естественной, лирически-пережитой и органической. Не случайно в широком русле поэзии Брюсова «мотивы природы» составляют сравнительно бледную струю. Зато образ города, зародившийся в его ранней лирике и чрезвычайно усилившийся к концу 90-х годов, стал неременной принадлежностью его творчества.

Верный себе, Брюсов пытается найти в городской действительности красоту и силу. Он любит город: мощными проявлениями его жизненности, «буйством» его толпы, «священным сумраком» его улиц, дерзостью воплощенного в нем человеческого гения («Жадно тобой наслаждаюсь», «Конь блед», «Городу» и др.). Брюсов не

только отбирает в реально существующем городе то, что соответствует его поэтическому идеалу. Он усиливает, дополняет существующее воображаемым — создает утопию будущего, города дворцов «из стали и стекла», небоскребов и «центромашин», города могущественного и грандиозного, до которого еще не доросла современная Брюсову цивилизация. Именно такой образ грядущего города, как признается сам Брюсов, нарисован в одном из наиболее известных его стихотворений «Конь блед».

Вначале Брюсов подходит к городу субъективно-лирически, стремясь лишь к тому, чтобы создать общий «музыкальный» фон городского пейзажа, передать его эмоциональную атмосферу. В дальнейшем тематический круг урбанистических стихов Брюсова расширяется. Он создает ряд стихотворных раздумий о судьбе города, дает его объективный обобщенный образ («Мир», «Париж», «Слава толпе»). Особенно интересна в этом отношении его поэма «Замкнутые» (1900—1901), в которой зашедшая в безысходный тупик культура буржуазного города освещается резким сатирическим светом.

Еще более примечательно то, что в поэзии Брюсова — в противовес декадентской традиции — возникают образы простых людей, образы вполне конкретные и социальные. Это — каменщик всенародно известного

одноименного стихотворения Брюсова. Это — фабричный рабочий, сборщики на церковный колокол, девушка-прачка, грустящая о своем милом, который трудится за станком, и другая, задорная и веселая девушка. Эти образы (кроме каменщика) даны в стихотворениях-песнях, воспроизводящих форму мещанского «жестокého романа», частушки, нищенского речитатива. Введение этих жанров в литературу — смелое начинание Брюсова, продолженное многими поэтами XX века.

В урбанистической лирике Брюсова отразились не только прогрессивные стороны его мировоззрения, но, во многом, и его буржуазная ограниченность и его связь с декадентской идеологией. Так, например, нельзя не отметить у Брюсова фактов прямого эстетического оправдания некоторых упадочных, гангренозных явлений городской капиталистической культуры, ее пошлой изнанки. Причем тот самый метод художественной идеализации, который служил в брюсовской поэзии для борьбы с недостойной действительностью, превращался Брюсовым в орудие этой действительности.

Миру буржуазной пошлости в брюсовской поэзии по идее своей должна противостоять тема любви. Стихи о любви занимают одно из самых центральных мест в лирике Брюсова. Борясь с «малой любовью», с пошлыми «дачными страстями» буржуазно-

мещанской действительности, Брюсов поднимает любовь до большой трагической высоты.

Брюсов пытается возвысить любовь, показать в ней максимум красоты и силы. Для этого он не только возводит ее в «героическое» достоинство, но, в отдельных случаях, окружает ее торжественными культовыми ассоциациями. Иногда украшающие сравнения и метафоры Брюсов заимствует из комплекса «царских» образов. Тогда он называет возлюбленную своего героя «царицей» или «царевной», наделяет ее «изумрудным венцом» и «коронай звездной». Герой именуется тогда «принцем», а место встречи его с возлюбленной — «дворцом».

Это отнюдь не значит, что Брюсову в разработке любовной темы всегда удавалось преодолеть упадочную декадентскую традицию. Украшения не меняли сущности опoэтизированной им любви. Более того, любовная лирика оказалась самым слабым и опасным участком в его борьбе с буржуазным миром. Капиталистическая культура нередко искажала и снижала любовную тему в поэзии Брюсова. Любовь превращалась тогда у Брюсова в чувственность, в эротику. В ряде стихотворений Брюсов изображал любовь как страшную галлюцинацию, мучительство, пытку.

Борьба Брюсова с пошлостью и мещанским застоём городской культуры приводила

его к мысли о природе, как оздоравливающим начале. Зрелый Брюсов, забывая о своем раннем враждебном отношении к природе, обращается к ней за помощью, ищет в общении с ней утраченную человеком буржуазного мира непосредственность, свежесть восприятия и цельность сознания («У земли», «Снова с тайной благодарностью»).

Стихотворения Брюсова о природе, в познавательном и художественном отношении, не могут равняться с урбанистической или «антологической» его лирикой. И все же они характерны для Брюсова.

Брюсов стремится поднять тему природы так, как он подымал смежную с нею тему любви. В своих стихах он рассказывает в первую очередь об «экзотической», «усиленной» природе, о пейзажах Крыма, гранитах и мхах балтийских побережий и диких арктических льдах. Только в поздней лирике появляется у него среднерусский пейзаж. В его циклах, посвященных природе, есть удачные и даже сильные стихотворения (например, «Приветствие»). И вместе с тем ясно, что Брюсову — поэту, сформированному городской культурой и замкнутому в ней, — не всегда удавалось «заразиться» природой, войти в нее «изнутри», лирически. Его пейзажные стихи добросовестны и точны, но иногда вялы и суховаты — лишены подлинного внутреннего одушевления.

Особенности и противоречия поэзии Брюсова ярко проявились в его многочисленных политических стихотворениях, к созданию которых Брюсов впервые приступает на втором этапе развития своего творчества. В противоположность всем другим тематическим жанрам его лирики, эти стихотворения возникли как непосредственный отклик на текущие исторические события русской жизни. Именно в этих стихотворениях с особенной наглядностью отразилась связь Брюсова с современностью. Вместе с тем именно они представляют собой наиболее важную веху в эволюции его дооктябрьского творчества и показатель его роста.

Одной из самых существенных особенностей поэтического развития Брюсова являлось его неуклонное и последовательно возрастающее тяготение к объективному миру и понимание своей причастности к текущему историческому моменту. Несомненным преимуществом Брюсова перед многими современными ему буржуазными писателями, и в первую очередь декадентами, следует признать также и то, что он чувствовал грандиозность переживаемой эпохи. Недаром так раздражали Брюсова те «благоразумные» и самодовольные авторы, которые пытались отмахнуться от истории и притвориться, что в мире ничего не происходит.

Историзм в оценке современности, пафос истории, оглядка на историю составляли неотъемлемое и в высшей степени прогрессивное качество в поэтическом мышлении Брюсова. И это отношение его к истории было не только интеллектуальным, но и эмоциональным. Брюсов умел находить в ней, в протекающем историческом времени, особый лиризм. Понимание Брюсовым обреченности буржуазного мира и самый факт существования его политических стихов без этого высоко развитого в нем чувства истории были бы невозможны.

Гражданская лирика Брюсова была связана не только с его историзмом, но и с его патриотизмом. Космополитические влияния декадентства не могли уничтожить в Брюсове «скрытой теплоты» национального чувства, его любви к родине. «Мой дед был крепостным. Боже мой! — писал он П. Перцову в 1900 году. — Да ведь я знаю, чую, что каждую минуту во мне может проснуться та стихийная душа, родная — глыбе земли, которая создавала 1612 год, которая жива, которая образует то единое, обособленное и нам явное, близкое, понятное, что когда-то названо было Русью...» Это неискоренимое сознание связи с родной страной, эта законная национальная гордость, несомненно, соответствовали той здоровой и крепкой основе личности Брюсова, которую увидел и оценил в нем Максим Горький.

Большое значение для политического развития Брюсова имели уроки русско-японской войны. Вначале не понявший ее авантюристической, антинародной сущности и даже приветствовавший ее в своих стихах, позднее Брюсов пересматривает свои позиции: военные неудачи царской армии на Дальнем Востоке помогают Брюсову преодолеть свои наивные великодержавные иллюзии, наглядно убеждают его в гнилости и обреченности самодержавия.

Революционные события 1905 года встретили горячее сочувствие со стороны Брюсова.

«Для меня это был год бури, водоворота... — признавался он в письме к Перцову в сентябре 1905 года. — Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь снова». Представлениям Брюсова о высоком и героическом, исходя из которых он оценил политику правительства как жалкую и бессильную, вполне отвечала героика русской революции. Ряд стихотворений из цикла «Современность», вошедшего в сборник «Венок» («Знакомая песнь», «Довольным», «Паломники свободы», «К счастливым»), несомненно проникнут революционным пафосом.

В этих стихотворениях Брюсов отчасти уже подымается над классовым сознанием русской буржуазии, например в своем

отношении к либерализму. «Насколько мне всегда была (и остается теперь) противна либеральная болтовня, — писал он Чулкову в октябре 1905 года, — настолько мне по душе революционное действие». Конечно, от буржуазных идеологов, полных страха перед революцией, такие высказывания услышать было трудно.

Тем не менее, приветствуя революционные действия, Брюсов с беспокойством размышлял о том, что они могут привести к разрушению той культуры, с которой он был связан всей своей жизнью. Здесь, казалось Брюсову, его высокий идеал, его представление о норме вступали в противоречие с проблемой собственного существования его как носителя культуры. И внутреннее чувство Брюсова требовало, чтобы это противоречие было разрешено в пользу революции. Горячее, революционное стихотворение «Довольным», брошенное как негодующий вызов той части общества, которая удовлетворилась «куцой конституцией» 1905 года, Брюсов оканчивает призывом к революционерам — «детям пламенного дня»:

На этих всех, довольных малым,
Вы, дети пламенного дня,
Восстаньте смерчем, смертным шквалом,
Крушите жизнь — и с ней меня!

Та же мысль звучит и в известном стихотворении Брюсова «Грядущие гунны», в

котором ложное буржуазное толкование революции, как силы чисто разрушительной, совмещается с прославлением ее за то, что она должна сокрушить старый мир и обновить человечество.

В непосредственной идейной близости к «Грядущим гуннам» стоит стихотворение Брюсова «Близким» (1905). Идея этого стихотворения, адресованного революционерам, которых он называл «близкими», выражена в его заключительном стихе:

Ломать — я буду с вами! строить — нет!

Хотя Брюсов не включил это стихотворение в собрание своих сочинений, т. е. в конце концов отверг его, но, по существу, отойти от этих позиций в то время ему не удалось. Сочувственное отношение к революции совмещалось в нем с полным непониманием «разума революции», ее созидательной, творческой, организующей воли. Недаром В. И. Ленин в одной из своих статей,¹ написанных по другому поводу, процитировав заключительную строчку этого стихотворения (см. выше), назвал ее автора «поэтом анархистом».²

¹ В. И. Ленин. «Услышишь суд глупца». Соч., изд. 4, т. 11, стр. 428.

² Эта формула основана не только на смысле брюсовского стихотворения, но и на том, что оно было напечатано в анархистско-декадент-

В самом деле, позицию Брюсова в революции 1905 года правильнее всего было бы назвать анархистской — колеблющейся и неопределенной. По-анархистски он приветствовал революцию и вместе с тем, по-анархистски же, допускал против нее враждебные выпады. Таким антиреволюционным выпадом является полемическое выступление Брюсова против основополагающей статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература». Все наследие декадентской, индивидуалистической идеологии, которое Брюсов носил в себе, было выявлено и оформлено этим выступлением. Оно показывает, что Брюсов не мог высвиться до понимания великой ленинской мысли о том, что литература буржуазного общества, называвшая себя свободной, на самом деле несвободна, зависит от «денежного мешка» и что истинно свободной может быть лишь литература, «открыто связанная с пролетариатом». Брюсова не убедили ясные ленинские аргументы, и он продолжал верить в мнимую свободу индивидуалистического искусства. Заявляя о своей ненависти к буржуазному обществу, он утверждал в то же время, что социал-демократия посягает на свободу искусства

ском сборнике «Факелы». Сотрудничество Брюсова в «Факелах» было очень кратковременным и кончилось резким расхождением его с редакцией этого издания.

не меньше, чем эксплуататорские классы. Таким образом, эта декларация о ненависти к капиталистической действительности неизбежно теряла всякое реальное содержание и приобретала чисто словесный характер.

Буржуазный, антиреволюционный смысл этого выступления Брюсова очевиден. Здесь, как и в стихотворении «Близким», Брюсов готов приветствовать в революции опять-таки лишь разрушительную ее сторону, отрицая ее цели и идеалы.

Однако образом гуннов-разрушителей не исчерпывалось представление Брюсова о революции. В его творческом сознании мелькает и другое — образ «нового мира», который должен возникнуть как осуществление положительных, созидательных идеалов революционного человечества. Речь идет о стихотворении «К счастливым» (1905). В этом стихотворении Брюсов возвращается на новой, революционно-гуманистической основе к своей излюбленной теме о будущем человечества. В результате нарисованный в «Замкнутых» мрачный образ бездушного, механического города уступает здесь место городу просветленному и счастливому. И эта счастливая страна будущего изображается Брюсовым как апофеоз демократии, «свободы, братства, равенства», благодаря которым мир будет «ни твой, ни мой, ни чей, но общий дар идущих поколений».

В упомянутых здесь стихотворениях Брюсов не отступил от своего героизирующего метода и удачно использовал в них героические образы революционной истории человечества (Гармодий, Брут, Робеспьер, Марат). Эта особенность политических стихов Брюсова, их торжественный пафос обуславливает их художественное своеобразие, выделяет их на фоне русской гражданской поэзии начала XX века.

5

Увлечение Брюсова революцией 1905 года было кратким, стихийным и внутренне противоречивым. Гражданская тема недолго противостояла в его поэзии теме личной, индивидуалистической. Причины этой идейной неустойчивости Брюсова очевидны.

Русская революция была временно побеждена. В России восторжествовала реакция. Декадентство расползлось по всей стране и в значительной мере подчинило себе буржуазную литературу.

Брюсов стал всероссийски известным поэтом, хотя все еще был связан с узким кругом московских эстетствующих литераторов: редактировал «Весы», а позже, в 1910—1912 годах — литературный отдел буржуазного кадетского журнала «Русская мысль». Эта реакционная обстановка и эти литературные

связи тормозили развитие прогрессивных тенденций в мировоззрении Брюсова, питали в нем декадентские настроения и способствовали его отходу от революционных увлечений. И тем не менее тот идейный и жизненный опыт, который получил Брюсов от революционных лет, имел в его творческом развитии большое положительное значение. Усвоение этого опыта сказывалось в поэзии Брюсова прежде всего как дальнейшее сближение ее с внешним миром, с действительностью.

«Стало яснее, — заявлял Брюсов в статье 1910 года, — что начало всякого искусства — наблюдение действительности...» «Как только искусство отрывается от действительности, — писал он в 1911 году, — его создания лишаются плоти и крови, блекнут и умирают... Молодая поэзия захотела летать в стране мечты, отказавшись от крыльев наблюдения... Отсюда ее безжизненность и ее подражательность... Когда художник не хочет наблюдать действительность, он невольно заменяет личные наблюдения подражанием другим художникам». И вывод: «В наши дни «идеалистическое» искусство... вынуждено очищать позиции... Будущее явно принадлежит какому-то, еще не найденному синтезу между «реализмом» и «идеализмом» (1910).

В этих декларациях, несмотря на упоминание об идеализме, ясно обозначился

прогрессивный сдвиг в развитии эстетических взглядов Брюсова. Понятно, что декадентское окружение начинало его тяготить и раздражать. «Хотя извне я и кажусь главарем тех, кого по старой памяти называют нашими декадентами, — писал Брюсов Е. А. Ляцкому, — но в действительности среди них я — как заложник в неприятельском лагере. Давно уже все, что я пишу, и все, что я говорю, решительно не по душе литературным моим сотоварищам, а мне, признаться, не очень нравится то, что пишут и говорят они».

Новые позиции Брюсова отразились в его очередных лирических сборниках: «Все напевы» (1909), «Зеркало теней» (1912) и «Семь цветов радуги» (1916). Эти сборники соответствуют третьему этапу его литературного пути.

Что же представляла собой поэзия Брюсова эпохи реакции?

Как уже было сказано, декадентские мотивы все еще занимали в лирике Брюсова видное место. Все еще раздавались в ней голоса разочарования, слабости, усталости, покорности и одиночества. С большой силой продолжала звучать в стихах Брюсова тема болезненно переживаемой любви. Все это для брюсовской поэзии эпохи реакции далеко не случайные и очень характерные явления. Но не им принадлежала в ней ведущая роль.

Лирика Брюсова, обогащенная опытом первой русской революции, изменилась по своей идейно-художественной структуре. Она сделалась менее торжественной и абстрактной. Не превратившись в реалистическую поэзию, она в большей степени, чем до сих пор, насыщалась бытовыми деталями, психологией, стала более конкретной и отчасти даже «обиходной».

Сближение Брюсова с действительностью укрепляет оптимистические мотивы его лирики. Развиваясь параллельно с декадентской, упадочной темой, они мало-помалу отесняют ее и берут над ней перевес. В этом смысле существенную роль получают в поэзии Брюсова образы, проникнутые пафосом произрастания, плодородия, творческих сил природы («Жизнь», «Земля», ср. «К Деметре»).

Еще большее значение приобрела у Брюсова тема человека как завоевателя природы, неутомимого труженика и вдохновенного создателя. Героизированный образ человека-строителя был нарисован Брюсовым в его стихотворении «Хвала человеку». «Человечество, — писал Брюсов, — пока тратит свою жизнь как беспечный юноша... Как много очередных задач перед человечеством, всем понятных, простейших, не говоря о более сложных! Должно на земле оросить пустыни, осушить болота, утеплить холодные страны, прорыть каналы... А что сделано

человечеством, чтобы занять достойное положение в семье обитателей нашей солнечной системы?» Легко понять, как далеко уводили Брюсова эти гуманистические мысли от декадентского индивидуализма.

На фоне антидемократической паразитарной декадентской идеологии резко выделяется глубокое уважение Брюсова к человеческому труду. Труд осмыслился Брюсовым как высокая норма, как творческое, оздоравливающее и освежающее начало в жизни. Брюсов прославляет труд уже в 1901 году в стихотворении «Работа». Написанное еще в то время, когда Брюсов был далек от какого бы то ни было демократизма, оно явно окрашено в демократические тона. Брюсов мыслил труд в общечеловеческих масштабах, как огромную, почти космическую ценность, как великую преемственность бесчисленного числа поколений и основу их органической связи с природой. Войны переходящи, думает Брюсов, и только труд символического Микулы неизменен и вечен:

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрезает им грудь бороздой.

(«Век за веком», 1907)

В дальнейшем к теме труда Брюсов возвращается с еще большей настойчивостью.

В 1917 году он пишет стихотворение под прежним названием «Работа», а в 1919 году оду «Труд». Не удивительно, что и революционную Россию он приветствовал в первую очередь как республику свободного труда (стих. «Праздник труда»).

Тема труда связана у Брюсова с темой поэтического творчества. Даже музу свою Брюсов решает сравнить с пашущим волком, которого он, как погонщик, понукает кнутом. Это сравнение в высокой степени соответствовало литературным взглядам зрелого Брюсова. В представлении таких символистов, как Бальмонт, Вячеслав Иванов, А. Белый, поэт является «жрецом», «теургом», владеющим «магией слов», а поэзия — фактом иррациональным, результатом таинственного вдохновения, наития. Отсюда — распространенное у символистов, но собственное и другим представителям так называемого «чистого искусства» презрение к литературному профессионализму, к «писательству». На иных позициях стоял Брюсов. Основываясь на мысли о высоком значении поэзии, он утверждал вместе с тем, что одним «вдохновением» и «наитием» поэт не проживет. Поэт — «пророк», но одновременно и работник, ремесленник, мастер своего дела. Поэзия — «пророчество», но, кроме того, и упорная работа и, как всякая работа, требует квалификации и предварительной выучки. «Творчество поэта, — писал

Брюсов, полемизируя с Бальмонтом, — не есть какое-то безвольное умоисступление, но сознательный, в высшем значении этого слова, труд...» Именно в этих взглядах следует искать объяснения огромного интереса Брюсова к «технике стиха» и его большой теоретической работы в области русского стихосложения.

Рассматривая поэзию Брюсова пред-октябрьского десятилетия, не следует переоценивать ее положительных сторон. Разумеется, героическая тема человека — искателя и созидателя, пафос труда и науки подымает Брюсова над уровнем салонной декадентской литературы. Но буржуазное мировоззрение еще сохраняет над ним свою власть. Особенно резко оно дает себя знать в первые годы мировой войны, характерные сильнейшей активизацией империалистической идеологии. Шовинистский азарт, распространившийся не только на декадентов, но и на многих демократических писателей, в период первоначального нарастания военных событий коснулся и Брюсова. Об этом свидетельствует ряд стихотворений Брюсова, посвященных войне. Патриотическое чувство Брюсова было искажено в них, как и в период русско-японской войны, влиянием буржуазного шовинизма.

И это не все. Поэзия Брюсова в годы войны во многих отношениях переживала кризис. Ее темы заметно мельчали. Мону-

ментальность грозила превратиться в ней в эстетизм. В сборнике «Семь цветов радуги» появился ряд «комнатных» стихотворений, поэтизирующих детали быта. Некоторые из них не отличались от распространенной тогда в буржуазной литературе массовой стихотворной продукции. Характерны сентиментальные названия «детских» стихотворений Брюсова: «Девочка с куклой», «Девочка и ангелы», «Девочка с цветами», «Вербная суббота», «Квартет» (стихотворение о крокете), «Две головки», «Детская площадка», «Детская спевка», «Колыбельная».

К этому времени начала обнаруживаться некоторая убыль поэтических сил Брюсова. Во «Всех напевах» даже благожелательная Брюсову критика усматривала перепевы и «реминисценции из самого себя». В его дальнейших сборниках количество этих перепевов и готовых стилистических формул, «общих мест», еще более увеличилось.

И тем не менее ни тенденция к эстетизации и к поэтическим штампам, ни шовинистские увлечения не подчинили себе лирику Брюсова целиком. Ширина и размах творческого мышления Брюсова, его историзм, сознание обреченности буржуазного мира спасли его из того безвыходного идейного тупика, в котором в дни Октября очутились некоторые буржуазные поэты и в котором они вскоре превратились во внутренних эмигрантов или в активных контрреволюционеров.

К концу империалистической войны Брюсов начинает понимать ее во всем ее ужасном содержании и возвышает против нее свой голос (стих. «Тридцатый месяц», «Зачто?»). Разочарование в войне, которая «обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы»,¹ идеологически подготавливает Брюсова к Великой Октябрьской социалистической революции.

Вместе с тем важно отметить, что именно к этому времени — к концу войны — относится весьма активное участие Брюсова в издательских начинаниях Горького. Именно тогда Брюсов переводил латышских и финских поэтов и, совместно с Горьким, редактировал посвященные им сборники. Тогда же он становится сотрудником горьковского журнала «Летопись». И это дружественное трудовое общение его с великим пролетарским писателем отнюдь не случайно. В этом легко убеждают признания Горького в его письмах к Брюсову. Так, например, в письме 1915 года Горький называет Брюсова «товарищем по работе на пользу русской культуры», а через год еще более определенно: «Мне кажется, — пишет он, — что нам — судьба работать вместе; по крайней мере я очень хо-

¹ В. И. Ленин. Мертвый шовинизм и живой социализм. Соч., изд 4, т. 21, стр. 81.

тел бы вашей помощи, вашего доброго совета во всех моих затеях». Свой вывод он дает в следующем письме: «Очень хочется работать с вами много и долго, и — это не комплимент, поверьте! — я не знаю в русской литературе человека более деятельного, чем вы. Превосходный вы работник!» И тут же прибавляет: «Вы — поэт божьей милостью, что бы ни говорили и ни писали люди «умственные».

Конечно, эти высокие оценки и сотрудничество Брюсова с Горьким являются в идейной биографии Брюсова предоктябрьского периода фактом в высшей степени показательным и значительным.

6

Товарищ Сталин в своем отчетном докладе на 18 Съезде партии обратил внимание на «мучительный процесс дифференциации и разлома старой интеллигенции». «Наиболее влиятельная и квалифицированная часть старой интеллигенции, — говорит товарищ Сталин, — уже в первые дни Октябрьской революции откололась от остальной массы интеллигенции, объявила борьбу Советской власти и пошла в саботажники...» Однако, как указывает он в том же докладе, не все группы и не все представители интеллигенции вели себя таким образом. «...Старая интеллигенция дала отдельные единицы и

десятки смелых и революционных людей, ставших на точку зрения рабочего класса и связавших до конца свою судьбу с судьбой рабочего класса». ¹

К этим лучшим представителям интеллигенции принадлежал и Брюсов. Великая Октябрьская революция явилась для него единственным, ни с чем не соизмеримым событием, раскрывшим в его жизни и творчестве совершенно новые горизонты.

В противоположность большинству буржуазных интеллигентов, Брюсов понял всю грандиозность происходящих перемен почти сразу после Октябрьского переворота. В повседневных событиях революционной действительности Брюсов в несравненно большей степени, чем в 1905 году, мог воочию наблюдать ту героину, которой он тщетно искал в буржуазном мире. Он увидел в революции реальное воплощение того величия и пафоса, которые до тех пор он поэтически представлял лишь в абстрактных образах. Поэтому отклик его на революцию был искренен и внутренне закономерен. Он оценил, принял и приветствовал Октябрь. Более того, он не удовольствовался ролью пассивного «благожелателя» революции и, вступив в Коммунистическую партию, до самой своей смерти (он умер 9 октября

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, 1947, стр. 607.

1924 г.) принимал непосредственное участие в строительстве революционного общества.

Эта практическая деятельность его была очень широкой и напряженной. Брюсов заведовал Книжной палатой в Москве, Отделом научных библиотек Наркомпроса, а позже, опять-таки в Наркомпросе, руководил Литературным отделом (Лито). Он работал на ответственных должностях в Главпрофобре, в Государственном Ученом совете и в различных секциях этих учреждений.

В своих воспоминаниях о Брюсове А. В. Луначарский называет его необыкновенно точным исполнителем. «Добросовестность, — рассказывает Луначарский, — вот что бросалось в нем, как в сотруднике нашем по Наркомпросу. Широкой инициативы он не проявлял. Эта инициатива отводилась у него целиком в его богатое поэтическое творчество. Она вылилась тоже на почве художественного образования в России, но не столько в его «чиновничьей» работе, сколько в работе живой, педагогической...»

В самом деле, послеоктябрьская деятельность Брюсова была наиболее плодотворной и приносила ему наибольшее моральное удовлетворение именно в области педагогической. Главной удачей и заслугой Брюсова на педагогическом фронте следует считать организацию Высшего литературно-художественного института. Этот институт предназначался для подготовки молодых писа-

тельских кадров и являлся воплощением давней мысли Брюсова о необходимости профессионального образования для писателей. Брюсов не только создал свой институт, но, в качестве его ректора, внимательно руководил им, заботился об укреплении его и улучшении его работы. Однако преподавательская деятельность Брюсова в стенах созданного им института заслуживает еще большего внимания, чем административная. По своей многогранности и объему она представляла собой необычайное явление. Достаточно сказать, что Брюсов читал в институте историю русской, греческой и римской литературы, «энциклопедию стиха», сравнительную грамматику индоевропейских языков, латинский язык и даже историю математики. Кроме того, он преподавал в Московском университете, в Коммунистической академии и в Институте слова.

Политическое самоопределение Брюсова оказало глубокое воздействие на все его мировоззрение: «Я считаю, — писал Брюсов незадолго до смерти, — что около 1917 года закончился один, совершенно явный период как моей жизни, так и моих литературных работ. Нет сомнения, что я, как, конечно, и всякий сколько-нибудь мыслящий человек, немало менялся за сорок с лишком лет своей жизни, так что и в том, что я писал до 1917 года, можно, при желании, усмотреть ряд «периодов». Но для меня столь

же несомненно, что великие события конца 10-х годов, Европейская война и Октябрьская революция побудили меня в самой основе, в самом корне пересмотреть все свое мировоззрение. Переворот 1917 года был глубочайшим переворотом и для меня лично: по крайней мере, я сам вижу себя совершенно иным до этой грани и после нее».

Усиленная идейная работа Брюсова над собой, его большой, честный и плодотворный труд как поэта, критика, педагога и общественного деятеля не прошли незаметно. В конце 1923 года советская общественность торжественно отпраздновала пятидесятилетний юбилей Брюсова, а Советское правительство, в лице Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, в особой грамоте отметило его заслуги перед страной и выразило ему благодарность.

Послеоктябрьские революционные стихи Брюсова открывают четвертый, последний период развития его поэзии. Этот период представлен сборниками «В такие дни» (1921), «Миг» (1922), «Дали» (1922) и вышедшим в 1924 году, уже после смерти автора, «Меа» (т. е. «Спеш»).

Поэзия Брюсова советского периода отразила и новый поворот в его мировоззрении и те трудности, болезни идейного роста, которые он тогда переживал.

На основании таких стихотворений Брюсова, как «Россия», «Третья осень», «Только

русский», можно заключить, что Брюсова привлекла к себе правда революции, ее героиня и сила. Октябрь был воспринят Брюсовым как национальное возрождение и возвышение родины. Высокий подъем патриотического чувства, переживаемый Брюсовым в то время, не подлежит сомнению, как не подлежит сомнению и оживление его демократических симпатий. Кроме того, он почувствовал в революции благородный трудовой пафос, и это не могло не вызвать в нем самого искреннего и сердечного сочувствия. Поэтому, как уже было сказано, Советская Россия была для Брюсова прежде всего страной труда — «содружного» и «бодрого» труда. Легко представить, какие огромные прогрессивные возможности заключал для Брюсова такой подход к революционной действительности. Брюсов показал себя способным проникаться и заражаться волей к созиданию и строительству, которую несли в себе революционные массы советского народа. С наибольшей убедительностью это сказалось в стихотворении «Оклики» (1921), в котором он славил победу, одержанную Советской страной над разрухой.

Здесь, как и в других стихах о революции, намети лась вполне конкретная возможность сближения Брюсова с новой, советской действительностью. Действительность старой России была «неправой и некрасивой», и Брюсов или уходил от нее в

поэтические абстракции, или «нейтрализовал» ее социальное содержание поэтическими украшениями. Советская Россия была воспринята и воспета Брюсовым как «республика труда», хозяином которой сделался «свободный человек» и на улицах которой звучал «новый пламенный язык». Естественно, что прежний метод Брюсова — метод отвлечения, идеализации и украшений — в этом новом мире был противопоставлен, хотя в те годы к нему и прибегали многие революционно настроенные поэты. Советская действительность не нуждалась в искусственных украшениях и требовала изображения правдивого, реалистического в широком смысле слова.

В стихотворении «Только русский» такой подход к изображению действительности выражен вполне отчетливо. В «Третьей осени» он обнаруживается еще рельефнее. Образ хмурой и героической России третьего года революции раскрывается здесь правдиво, конкретно и жизненно. «Третья осень» — одно из бесспорных достижений в изображении Брюсовым революционной действительности. Но из общей массы его послеоктябрьских стихотворений типу «Третьей осени» соответствуют немногие. Большинство из них основано на ином эстетическом принципе.

Торжественность и абстрактность поэтики Брюсова, значительно смягченные в «Семи

цветах радуги», возрождаются в этих стихотворениях. Опираясь на свои прежние художественные традиции, Брюсов считает, например, вполне естественным изображать Советскую Россию в «венце рубинном и сапфирном», который «превыше туч пронзил лазурь», или сказать, что облик этой новой России «реет властной чарой». Цель, к которой стремятся революционные народы, названа Брюсовым «великой всеобщей лазурностью». Революцию он именует «циклоном, влекущим мир на свой суд», или, употребляя свои излюбленные религиозно-культовые образы, — «огненной купелью», «красным псалмом» и т. п.

Ясно, что этот стиль не соответствовал требованиям эпохи. Отвлеченность художественного метода осталась «творческим проклятием» Брюсова. Показав себя в жизни полезным, деятельным и честным советским работником, Брюсов в своей поэзии лишь в редких случаях действительно приближался к явлениям и интересам революционной повседневности, к ее конкретному творческому содержанию. В результате многие из его революционных стихотворений получились риторическими и мало-выразительными.

В последние годы своей жизни много сил и труда Брюсов посвятил тому, что он называл «научной поэзией». Он настойчиво доказывал право этой поэзии на существова-

ние и создавал многочисленные образцы «научных стихотворений». Отличительный признак «научной поэзии», в понимании Брюсова, заключался в ее специфической тематике. Лирические размышления о прошлом и будущем человечества и вселенной, о ничтожестве личности в круговороте мировых сил, о теории относительности, об электроны, о проблеме жизни и смерти — вот круг тем, разрабатываемых Брюсовым в его последних стихах. Стихи эти были насыщены большим количеством имен различных представителей науки и целым арсеналом терминов из области математики, астрономии, биологии, вплоть до химических формул. Нельзя не отметить проявившуюся в этих стихах эрудицию и широту мысли. Но мы найдем здесь также следы идеализма и пессимизма, которые показывают, что Брюсову не удалось перестроить свое мировоззрение до конца. Оценивая «научную поэзию» Брюсова, следует принять во внимание и ее художественную сторону. Ориентация на «научное содержание» и соответствующее словарно-образное его оформление сочетались в ней с энергичными попытками Брюсова переработать всю структуру, весь интонационный и языковой строй своих стихов. Попытки эти в большинстве случаев имели формалистический характер и поэтому не могли привести к успеху. Нарочито затрудненные, искусственно затемненные, до

отказа перегруженные эрудицией «научные стихи» Брюсова получались громоздкими, чрезвычайно трудными для понимания и не были восприняты советским читателем.

«Сознавая все свои недостатки и ошибки, — говорил Брюсов на своем юбилее в 1923 году, — я все-таки не даром делал тот путь, по которому я прошел». И Брюсов был прав. Литературный путь его представляется в высокой степени знаменательным и поучительным. Брюсов вступил в литературу представителем декадентской поэзии, впитавшей в себя атмосферу «страшного мира» — последних стадий существования буржуазного общества. Брюсов прошел сквозь строй сложной и бурной эпохи. И жизнь, развернувшая перед ним две войны и две революции, показавшая ему и мрачную «столыпинскую» реакцию и годы небывалого революционного подъема, многому его научила. Она поставила его на путь преодоления декадентства, субъективизма и скепсиса. Она укрепляла в нем трезвое отношение к миру, все прочнее и прочнее связывала его с прогрессивными силами русского народа. Она обнажила перед ним все безобразие окружающей его буржуазной действительности. Она, наконец, подготовила его к самому значительному шагу в его жизни — к разрыву с капиталистическим обществом и переходу в лагерь революции.

Д. Максимов

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОКТАВА

Ты знаешь, чью любовь мы изливаем в
звук?
Ты знаешь, что за скорбь в поэзии царит?
То мира целого желания и муки,
То человечество стремится и грустит.
В моленьях о любви, в мучениях разлуки
Не наш, а общий стон в аккордах дивных
слит.

Страдая за себя, мы силою искусства
В гармонии стиха сливаем мира чувства.

20 июня 1892

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Серебро, огни и блески, —
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.

Это — область чьей-то грезы,
Это — призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.

Воплощение мечтаний,
Всемогущего игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!

21 января 1894

СОНЕТ К ФОРМЕ

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.

Пуškai мой друг, открывши том поэта,
Упьется в нем и прелестью сонета
И буквами спокойной красоты!

6 июня 1894

Последний день
Сверкал мне в очи,
Последней ночи
Встречал я тень.

А. Полежаев

И ночи и дни примелькались,
Как дольные тени волхву.
В безжизненном мире живу,
Живыми лишь думы остались.

И нет никого на земле
С ласкающим, горестным взглядом,
Кто б в этой томительной мгле
Томился и мучился рядом.

Часы неизменно идут,
Идут, и минуты считают...
О, стук перекрестных минут!
— Так медленно гроб забивают.

12 января 1895

КУЧИ СВЕЗЕННОГО СНЕГА

Кучи свезенного снега.
Лужи, ручьи и земля...
Дышит весенняя нега
В этом конце февраля.

Образы ночи греховной
Гаснут и тают, как сон;
Сердцу привольно — и словно
Прошлому я возвращен.

Прежним беспечным мальчишкой
Я пробираюсь домой,
Ранец сжимаю подмышкой,
Шлепаю в воду ногой.

Счастье-то! нынче суббота!
Завтра — раздолье игре,
Завтра война и охота
Будут у нас на дворе.

Мы заготовили копья,
Сделали ружей запас
(Грязные снежные хлопья
Пулями служат у нас).

План я устрою счастливо,
Смело врагов разобью —
И отпирую на диво
Новую славу свою...

Веря грядущей победе,
Мчусь я по лужам домой
И на беспечных соседей
Брызжу и брызжу водой.

В воздухе ж юная нега,
Всюду следы февраля,
Кучи свезенного снега,
Лужи, ручьи и земля.

24 февраля 1895

ОПЯТЬ СОН

Мне опять приснились дебри,
Глушь пустынь, заката тишь.
Желтый лев крадется к зебре
Через травы и камыш.

Предо мной стволы упрямо
В небо ветви вознесли.
Слышу шаг гиппопотама,
Заросль мнущего вдали.

На утесе безопасен,
Весь я — зренье, весь я — слух.
Но виденья старых басен
Возмущают слабый дух.

Крылья огненного змея
Не затмят ли вдруг закат?
Не взлетит ли, искры сея,
Он над нами, смерти рад?

Из камней не выйдет вдруг ли
Племя карликов ко мне?
Обращая ветки в уголи,
Лес не встанет ли в огне?

Месяц вышел. Громче шорох.
Зебра мчится вдалеке.
Лев, взрывая листьев ворох,
Тупо тянется к реке.

Дали сумрачны и глухи.
Хруст слышнее. Страшно. Ведь
Кто же знает: это ль духи
Иль пещеры царь — медведь!

ТУМАННЫЕ НОЧИ

Вся дрожа, я стою на подъезде
Перед дверью, куда я вошла накануне,
И в печальные строфы слагаются буквы
созвездий.

О, туманные ночи в палящем июне!

Там, вот там, на закрытой террасе
Надо мной наклонялись зажженные очи,
Дорогие черты, искаженные в страстной
гримасе.

О, туманные ночи! туманные ночи!

Вот и тайна земных наслаждений...
Но такой ли ее я ждала накануне!
Я дрожу от стыда — я смеюсь! Вы солгали
мне, тени!

Вы солгали, туманные ночи в июне!

12—13 августа 1895

Холод ночи; смерзлись лужи;
Белый снег запорошил.
Но в дыханьи злобной стужи
Чую волю вешних сил.

Завтра, завтра солнце встанет,
Побегут в ручьях снега,
И весна с улыбкой взглянет
На бессильного врага!

16 марта 1896. Ночь

Не плачь и не думай:
Прошедшего — нет!
Приветственным шумом
Врывается свет.

Уснувши, ты умер
И утром воскрес, —
Смотри же без думы
На дали небес.

Что вечно — желанно,
Что горько — умрет. . .
Иди неустанно
Вперед и вперед.

9 сентября 1896

О, когда бы я назвал своею
Хоть тень твою!
Но и тени твоей я не смею
Сказать: люблю.

Ты прошла недоступно-небесной
Среди зеркал,
И твой образ над призрачной бездной
На миг дрожал.

Он ушел, как в пустую безбрежность,
Во глубь стекла...
И опять для меня — безнадежность,
И смерть, и мгла!

28—29 октября 1897

АССАРГАДОН АССИРИЙСКАЯ НАДПИСЬ

Я — вождь земных царей и царь,
Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный
трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном
сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величием упоен,
Я вождь земных царей и царь — Ассаргадон.

17 декабря 1897

Месячный свет электрический
В море дрожит, извивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

Волны избегают упорные,
Мечутся, дикие, пленные,
Гибнут в борьбе, непокорные,
Гаснут разбитые, пенные...

Месячный свет электрический
В море змеится, свивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

21 апреля 1898

Я люблю большие дома
И узкие улицы города —
В дни, когда не настала зима,
А осень повеяла холодом.

Пространства люблю площадей,
Стенами кругом огражденные, —
В час, когда еще нет фонарей,
А затеплились звезды смущенные

Город и камни люблю,
Грохот его и шумы певучие —
В миг, когда песню глубоко гаю,
Но в восторге слышу созвучия.

29 августа 1898

ХАЛДЕЙСКИЙ ПАСТУХ

Отторжен от тебя безмолвием столетий,
Сегодня о тебе мечтаю я, мой друг!
Я вижу ночь и холм, нагую степь вокруг,
Торжественную ночь при тихом звездном
свете.

Ты жадно смотришь в даль; ты с вышины
холма
За звездами следишь, их узнаешь и числишь,
Предвидишь их круги, склонения...
Ты мыслишь,
И таинства миров яснеют для ума.

Божественный пастух! среди тиши и мрака
Ты слышал имена, ты видел горний свет:
Ты первый начертал пути своих планет,
Нашел названия для знаков Зодиака.

И пусть безлюдие, нагая степь вокруг;
В ту ночь изведal ты все счастье
дерзновенья,
И в этой радости дай слиться на мгновенье
С тобой, о искренний, о неизвестный друг!

7 ноября 1898

МЫШИ

В нашем доме мыши поселились,
И живут, живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят;
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал — свечу объели,
Масло в кладовой,
Что поменьше, утащили в щели...
Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

8 января 1899

Жадно тобой наслаждаюсь,
Сумрак улиц священный!
Тайно тебе поклоняюсь,
Будущий царь вселенной!

Ты далеко руки протянешь,
В пустыни, ко льдам, на горы;
Солнечный свет затуманишь,
К полутьме приучишь взоры.

Тайно тебе поклоняюсь,
Гряди, могущ и неведом!
Пред тобой во прах повергаюсь,
Пусть буду путем к победам.

Апрель 1899

Люблю вечерний свет, и первые огни,
И небо бледное, где звезд еще не видно.
Как странен взор людей в медлительной тени,
Им на меня глядеть не страшно и не стыдно.

И я с людьми как брат, я все прощаю им,
Печальным, вдумчивым, идущим в тихой смене,
За то, что вместе мы на грани снов
скользим,
За то, что и они, как я, — причастны тени.

Октябрь 1899

СЛЕПОИ

Люблю встречать на улице
Слепых без провожатых.
Я руку подаю им,
Веду меж экипажей.
Люблю я предразлучное
Их тихое спасибо;
Вслед спутнику минутному
Смотрю я долго, смутно.
И думаю, и думаю:
Куда он пробирается,
К племяннице ли, к другу ли?
Его кто дожидается?
Пошел без провожатого
В путину он далекую;
Не примут ли там старого
С обычными попреками?
И встретится ль тебе, старик,
Бродяга вновь такой, как я же?
Иль заведет тебя шутник
И бросит вдруг меж экипажей?

18 октября 1899

В ДНИ ЗАПУСТЕНИЙ

Прийдут дни последних заустений,
Земные силы оскудеют вдруг.
Уйдут остатки жалких поколений
К теплу и солнцу, на далекий Юг.

А наши башни, города, твердыни
Постигнет голос страшного суда,
Победный свет не заблестит в пустыне,
В ней не взгремят по рельсам поезда.

В плюще померкнут зодчего затеи,
Исчезнут камни под ковром травы,
На площадях плодиться будут змеи,
В дворцовых залах поселятся львы.

Но в эти дни последних заустений
Возникнет — знаю! — меж людей смельчак.
Он потревожит гордый сон строений,
Нарушит светом их безмолвный мрак.

На мшистых улицах заслышат звери
Людскую поступь в ясной тишине,
В домах застонут, растворяясь, двери,
Ряд изваяний встанет при огне.

Прочтя названья торжищ и святилищ,
Узнав по надписям за ликом лик,
Пришлец проникнет в глубь книгохранилищ,
Откроет тайны древних, наших книг.

И дни и ночи будет он в тревоге
Впивать вещанья, скрытые в пыли,
Исканья истины, мечты о божь,
И песни, гимны сладостям земли.

Желанный друг неведомых столетий!
Ты весь дрожишь, ты потрясен былым!
Внемли же мне, о, слушай строки эти:
Я был, я мыслил, я прошел, как дым...

1899

В НЕКОНЧЕННОМ ЗДАНИИ

Мы бродим в неконченном здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании,
Не веря вечерним часам.

Бессвязные, странные лопасти
Нам путь отрезают... мы ждем.
Мы видим бездонные пропасти
За нашим неверным путем.

Оконные встретив пробоины,
Мы робко в пространства глядим:
Над крышами крыши надстроены,
Безмолвие, холод и дым.

Нам страшны размеры громадные
Безвестной растущей тюрьмы.
Над безднами, жалкие, жадные,
Стоим, зачарованы, мы.

Но первые плотные лестницы,
Ведущие к балкам, во мрак,
Встают как безмолвные вестницы,
Встают как таинственный знак!

Здесь будут проходы и комнаты!
Все стены задвинутся сплошь!
О думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертеж!

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет
И в глубь, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род.

И вот почему — в ожидании
Не верим мы темным часам:
Мы бродим в неконченном здании,
Мы бродим по шатким лесам!

1 февраля 1907

ИЗ ПОЭМЫ „ЗАМКНУТЫЕ“

I

Я год провел в старинном и суровом,
Безвестном Городе. От мира оградясь,
Он не хотел дышать ничем живым и новым,
Почти порвав с шумящим миром связь.
Он жил былым, своим воспоминаньем,
Перебирая в грезах быль и сны,
И весь казался обветшалым зданьем,
Каким-то сказочным преданьем
О днях далекой старины.

Казалось мне: он замкнут безнадежно.
Давила с Севера отвесная скала,
Купая груди в облачном просторе,
С Востока грань песков, пустыня, стерегла,
А с двух сторон распростиралось море,
Безлюдно, беспощадно, безнадежно.
На пристани не раз, глаза с тоской
прилежной
В узоры волн колеблемых впериw,

Следил я, как вставал торжественный
прилив,
Как облака неслись — вперед, и мимо,
мимо...

Но не было вдали ни паруса, ни дыма —
Никто не плыл к забытым берегам...
Лишь абрис острова порой мелькал мне там,
Где явственно заря, когда без солнца
светит,

Границу крутозора метит,
Но гасло все в лучах, мне памятно едва,
Все в благостный простор вбирала синева,
И снова мир был замкнут безнадежно.

Весь Город был овеян тайной лет.
Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.
На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен.
В проходах темных, полных тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми нарушив ход стены,
Кончали дом краснеющие кровли;
Виднелись с улицы в готическую дверь
Огромные и сумрачные сени,
Где вечно нежились сырые тени...
И затворялся вход, ворча, как зверь.

Из серых камней выведены строго,
Являли церкви мощь свободных сил.
В них дух столетий смело воплотил
И веру в гений свой, и веру в бога.

Передавался труд к потомкам от отца,
Но каждый камень, взвешен и размерен,
Ложился в свой черед по замыслу творца,
И линий общий строй был строг и верен,
И каждый малый свод продуман до конца
В стремлении в высь, величественно смелом.
Вершилось здание свободным острием,
И было конченным, и было целым,
Спокойно замкнутым в себе самом.

В музеях запертых, в торжественном покое,
Хранились бережно останки старины —
Одежды, утвари, оружие бывшее,
Трофеи победительной войны:
То кормы лодок дерзких мореходов,
То кубки с обликом суровых лиц,
Знамена покорявшихся народов
Да клювы неизвестных птиц.
И все в себе былую жизнь таило,
Иных столетий пламенную дрожь.
Как в ветер верило истлевшее вагрило!
Как жаждал мощных рук еще сверкавший
нож! ..

А все кругом пустынно-глухо было.

II

Я в их церквах бывал, то пышных,
то пустынных.
В одних все статуи, картины и резьба,
Обряд, застывший в пышностях старинных,
Бессмысленно-пустая ворожба!

Над миром скованным гудящий вопль органа,
Зов пастыря — как божий голос — строг,
Вещает он с Синая, из тумана,
Лишь «*Dominus vobiscum*» — «с вами бог!»
В других церквах восторг опустошенья,
На черных стенах цифры, ряд страниц;
Молящиеся, в чинном исступленьи,
Кричат псалмы, как стаи хищных птиц.
Но вопль органа вдруг замрет, как самый
камень.
Друг другу повторив, что это лишь обряд,
Они для памяти причастие творят,
И пастырь в сюртуке вещает важно: «*Amen*»

Я залы посещал ученых заседаний
И слушал с ужасом размерность их речей.
Казалось мне: влекут кумир огромный Знаний
Покорные быки под щелканье бичей.
Глубокой колеей, со стоном, визгом, громом,
Телега тянется — в веках намечен путь, —
Все было в тех речах безжалостно-знакомым,
И в смене скучных слов не изменялась суть.
Однажды ошибаясь при выборе дороги,
Они упрямо шли, глядя на свой компас.
И был их труд велик, шаги их были строги,
Но уводил их прочь от цели каждый час!

К художникам входил я в мастерские.
О бедность горькая опустошенных дум!
Искусство! вольная стихия!
Сюда не долетал твой вдохновенный шум!

Художник быть не может не пророком,
И рабство с творчеством согласовать нельзя!
Кто не прошел пустынь в томлении одиноком,
Не знает, где лежит святой мечты стезя!

.

III

А жизнь крутом лилась, как степью льются
воды.

Как в зеркале, днем повторялся день,
С покорностью свой круг кончали годы,
С покорностью заря встречала тень.
Случалось в праздник мне, на площадь
выйдя рано,

Зайти в собор с толпой нарядных дев.
Они молились там умильно, и органа
Я слушал в их кругу заученный напев.

Случалось вечером, взглянув за занавески,
Всецело выхватить из мирной жизни миг:
Там дремлют старики, там эвонек голос
детский,

Там в уголке — невеста и жених.
И только изредка над этой сладкой прозой
Вдруг раздавалась песнь ватаги рыбаков,
Идущих улицей, да грохотал угрозой
Далекий смех бесчинных кабаков.

За городом был парк, развесистый и старый,
С руиной замка в глубине.

Туда под вечер приходили пары —
«Я вас люблю» промолвить при луне.
В воскресный летний день весь город ратью
чинной

Сходился там — мечтать и отдохнуть.
И восхищались все из года в год руиной
И ряд за рядом совершали путь.
Им было сладостно в условности давнишней,
Казались сочтены движенья их.
Кругом покой аллея был радостен и тих,
Но в этой тишине я был чужой и лишний.
Я к пристани бежал от оскорбленных лип,
Чтоб сердце вольностью хотя на миг

растрогать,
Где с запахом воды сливал свой запах
деготь,
Где мачт колеблемых был звучен скрип.

О пристань! я любил твой неумолчный
скрип,
Такой же, как в былом, дошедший
из столетий, —

И на больших шестах растянутые сети,
И лодки с грузом серебристых рыб.
Любил я моряков нахмуренные взоры
И твердый голос их, иной, чем горожан.
Им душу оберегли свободные просторы,
Их сохранил людьми безлюдный океан.
Там было мне легко. Присевши на бочонок,
Я забывал тюрьму меня обставших дней
И облака следил, как радостный ребенок,
И волны пели мне все громче, все ясней.

И ветер с ними пел; и чайки мне кричали;
Что было вокруг меня, все превращалось
в зов...

И раскрывались вновь торжественные дали:
Пути, где граней нет, простор без берегов!

IV

И понял я, что здесь царил кумир единый:
Обычной внешности. Пред искренностью
страх

Торжествовал и в храме и в гостиной,
В стихах и вере, в жестах и словах.
Жизнь, подчиненная привычке и условию,
Елеем давности была освящена.
Никто не смел ни скорбью, ни любовью
Упитья, как вином пылающим, до дна;
Никто не подымал с лица холодной маски,
И каждым взглядом лгал, и прятал каждый
крик;

Расчетом и умом все оскверняли ласки
И берегли свой пафос лишь для книг!

От этой пошлости, обдуманной, привычной,
Как жаждал, хоть на час, я вольно
отдохнуть!

Но где в глаза живым я мог, живой,
взглянуть?

Там, где игорный дом, и там, где дом
публичный!

Как пристани во мгле, вы высились, дома,
И люди знали вновь, отдавшись вашей власти,

И, как кошмарный сон, виденьем
беспощадным,
Чудовищем размеренно-громадным,
С стеклянным черепом, покрывшим шар
земной,
Грядущий Город-дом являлся предо мной.
Приют земных племен, размеченный по
числам,
Обязан жизнию (машина из машин!)
Колесам, блокам, коромыслам,
Предвидел я тебя, земли последний сын!
Предчувствовал я жизнь замкнутых

поколений,
Их думы, сжатые познанием, их мечты,
Мечтам былых веков подвластные как тени,
Весь ужас переставшей пустоты!
Предчувствовал раба подавленную ярость
И торжествующих многообразный сон,
Всех наших помыслов обманутую старость.
Срок завершившихся времен!

.
.

Но нет! Не избежать мучительных падений,
Погибели всех благ, чем мы теперь горды!
Настанет снова бред и крови и сражений,
Вновь разделится мир на вражьи две орды.

Борьба, как ярый вихрь, промчится
по вселенной
И в бешенстве сметет, как травы, города,
И будут волки выть над опустелой Сеной,
И стены Тоуэра исчезнут без следа.

Во глубинах души, из тьмы тысячелетий,
Возникнут ужасы и радость бытия,
Народы будут хохотать, как дети,
Как тигры, прыгаться, жалить, как змея.

И все, что нас гнетет, снесет и свет
время,
Все чувства давние, всю власть заветных
слов,
И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов.

В руинах, звавшихся парламентской палатой,
Как будет радостен детей свободных крик,
Как будет весело дробить останки статуй
И складывать костры из бесконечных книг.

Освобождение, восторг великой воли,
Приветствую тебя и славлю из цепей!
Я — узник, раб в тюрьме, но вижу поле,
поле...
О солнце! о простор! о высота степей!

Ревель, 1900 — Москва, 1901

У СЕБЯ

Так все понятно и знакомо,
Ко всем изгибам глаз привык;
Да, не ошибся я, я — дома:
Цветы обоев, цепи книг...

Я старый пепел не тревожу, —
Здесь был огонь и вот остыл.
Как змей на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чем прежде был.

Пусть много гимнов не допето
И не исчерпано блаженств,
Но чую блеск иного света,
Возможность новых совершенств!

Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем
И нежива и холодна!

Лучей зрачки горят на росах,
Как серебром все залито...
Ты ждешь меня у двери, посох!
Иду! иду! со мной — никто!

1901

РАБОТА

Здравствуй, тяжелая работа,
Плуг, лопата и кирка!
Освежают капли пота,
Ноет сладостно рука!

Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!

Я хочу изведать тайны
Жизни мудрой и простой.
Все пути необычайны,
Путь труда — как путь иной.

В час, когда устанет тело
И ночлегом будет хлев, —
Мне под кровлей закоптелой
Что приснится за налев?

Что восстанут за вопросы,
Опьянят что за слова
В час, когда под наши косы
Ляжет влажная трава?

**А когда, и в дождь и в холод,
Зазвенит кирка моя,
Буду ль верить, что я молод,
Буду ль знать, что силен я?**

Август 1900. Июль 1901

ФАБРИЧНАЯ

Как пойду я по бульвару,
Погляжу на эту пару.
Подарил он ей цветок —
Темносиний василек.

Я ль не звал ее в беседку?
Предлагал я ей браслетку.
Она сердца не взяла,
И с другим гулять пошла.

Как они друг другу любы!
Он ее целует в губы,
И не стыдно им людей,
И меня не видно ей.

Он улестит, он упросит,
Стыд девичий она бросит!
Их до дома провожу,
Перед дверью посижу.

Будет лампы свет в окошке...
Различу ее сережки...
Вдруг погаснет тихий свет, —
Я вздохну ему в ответ.

Буду ждать я утра в сквере,
Она выйдет из той двери.
На груди ее цветок —
Темносиний василек.

23 декабря 1900

ФАБРИЧНАЯ

Есть улица в нашей столице.
Есть домик, и в домике том
Ты пятую ночь в огневице
Лежишь на одре роковом.

И каждую ночь регулярно
Я здесь под окошком стою,
И сердце мое благодарно,
Что видит лампадку твою.

Ах, если б ты чуяла, знала,
Чье сердце стучит у окна!
Ах, если б в бреду угадала,
Чья тень поминутно видна!

Не снятся ль тебе наши встречи
На улице, в жуткий мороз,
Иль наши любовные речи
И ласки, и ласки до слез?

Твой муж, задремавши на стуле,
Проспит, что ты шепчешь в бреду;
А я до зари караулю
И только при солнце уйду.

Мне вечером дворники скажут,
Что ты поутру отошла,
И молча в окошко укажут
Тебя посредине стола.

Войти я к тебе не посмею,
Но, земный поклон положив,
Пойду из столицы в Рассею
Рыдать на раздолии нив.

Я в камнях промучился долго,
И в них загубил я свой век.
Прими меня, матушка Волга,
Царица великая рек.

26 июня 1901

Каменбизия.

- Каменбизия, каменбизия, в скартуйт брале,
Что ти там строиш? каму?

- Ё! не матай кам, моі саветы! Камо,
Строиш моі, строиш таврау.

- Каменбизия, каменбизия, в вяртай сапаті
Что же в ней будзе родаць?

- Паро, не ты и не твой брат, ~~белавіч~~!
Несартуй ваіс вороват

- Каменбизия, каменбизия, долізі нозы,
Кто прыведзе в ней вясела?

- Моцет брале, саіс моі, ~~спаскоі~~ ~~ча~~ ~~наблудзі~~,
Ялім мата долі палца.

- Каменбизия, каменбизия, вачаіш, ~~афкаід~~
Мажы ты, што кее? кырмен.

- Ё! береме! годзі абсаіт не бачуі-
Імаеіс вё саіс, моіс.

Валерій Гросовіч.

КАМЕНЩИК

— Каменщик, каменщик, в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик, с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

— Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

— Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.

— Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!

— Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем все сами, молчи!

16 июля 1901

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНЬЕ

Где я последнее желанье
Осуществлю и утолю?
Найду ль немыслимое знание,
Которое, таясь, люблю?

Приду ли в скит уединенный,
Горящий главами в лесу,
И в келью бред неутоленный
К ночной лампаде понесу?

Иль в городе, где стены давят,
В часы безумных баррикад,
Когда Мечта и Буйство правят,
Я слиться с жизнью буду рад?

Иль, навсегда приветив книги,
Веков мечтами упоен,
Я вам отдамся, — миги! миги! —
Бездонный, многозвонный сон?

Я разных ратей был союзник,
Носил чужие знамена,
И вот опять, как алчный узник,
Смотрю на волю из окна.

Январь 1902

Надо струны перестроить
Вновь на новый лад.
Песни вещи усвоить
Я готов, я рад.

Сердце, мертвое от жажды,
Слышишь? — бьют ключи!
Песнь одну не петь нам дважды,
Лучше замолчи.

Я, как феникс, в пламя кинут,
Гибну, взор смежив...
Но едва мученья минут,
Встану юн и жив.

Я в земле, под грудой гнили, —
Мертвое зерно.
Но дожди меня вспоили —
Цвести мне суждено!

Дух живительный и юный
Влился в грудь мою, —
Строю заново я струны,
Верю и пою.

21 февраля 1902

У ЗЕМЛИ

Помоги мне, мать-земля!
С тишиной меня сосватай!
Глыбы черные деля,
Я стучусь к тебе лопатой.

Ты всему живому — мать,
Ты всему живому — сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мне в комьях праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком!
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг — с росой, зарю — со мраком.

Помоги сыскать кольцо!..
Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать
На грядках, недавно взрытых.

Я — твой сын, я тоже — прах,
Я, как ты, — звено созданий.
Так откуда — страсть и страх,
И бессонный бред исканий?

В синеве плывет весна,
Ветер вольно носит шумы...
Где ты, дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?..

Помоги мне, мать! К тебе
Я стучусь с последней силой!
Или ты, в ответ мольбе,
Обручишь меня — с могилой?

1902

НА СКАЧКАХ

Люблю безумное стремленье
К столбу летящих лошадей,
Их равномерное храпенье
И трепет вытянутых шей.

Когда вначале свежи силы,
Под шум о землю бьющих ног,
Люблю задержанной кобылы
Уверенный упругий скок.

Люблю я пестрые камзолы,
В случайный сбитые букет,
И финиш, ярый и тяжелый,
Где миг колеблет «да» и «нет».

Когда счастливец на прямую
Выходит, всех опередив,
Я с ним победу торжествую,
Его понятен мне порыв!

Быть первым, вольно-одиноким!
И видеть, что близка мета,
И слышать отзвуком далеким
Удары ног и щелк хлыста!

1902

В ОТВЕТ

П. П. ПЕРЦОВУ

Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.

А. Хомяков

Еще я долго поброжу
По бороздам земного луга,
Еще не скоро отрешу
Вола усталого от плуга.

Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

Нельзя нам мига отдохнуть,
Взрывай земли сухие глыбы!
Недолог день, но длинен путь,
Веди, веди свои изгибы!

Уж полдень. Жар палит сильнее.
Не скоро тень над нами ляжет.
Пустынен крутозор полей.
«Бог помочь!» нам никто не скажет.

А помнишь, как пускались мы
Весенним, свежим утром в поле
И думали до сладкой тьмы
С другими рядом петь на воле?

Забудь об утренней росе,
Не думай о ночном покое!
Иди по знойной полосе,
Мой верный вол, — нас только двое!

Нам кем-то высшим подвиг дан,
И спросит властно он отчета...
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!

А в час, когда нам темнота
Закроет все пределы круга,
Не я, а тот, другой, — мечта,
Сам отрешит тебя от плуга!

22 августа 1902

НОЧЬ

Горящее лицо земля
В прохладной тени окунула.
Пустеют знойные поля,
В столицах молкнет песня гула.

Идет и торжествует мгла,
На лампы дует, гасит свечи,
В постели к любящим легла
И властно их смежила речи.

Но пробуждается разврат.
В его блестящие приюты
Сквозь тьму, по улицам, спешат
Скитальцы покупать минуты.

Стрелой вонзаясь в города,
Свистя в полях, гремя над бездной,
Летят немолчно поезда
Вперед по полосе железной.

Глядят насытые ряды
Фабричных окон в темный холод,
Не тихнет резкий стон руды,
Ему в ответ хохочет молот.

И, спину яростно клоня,
Скрывают бешенство проклятий
Среди железа и огня
Давно испытанные рати.

Сентябрь 1902

БЛУДНЫЙ СЫН

Так отрок Библии, безумный
расточитель. . .

Пушкин

У жели, перешедши реки,
Завижу я мой отчий дом
И упаду, как отрок некий,
Повергнут скорбью и стыдом?

Я уходил, исполнен веры,
Как лучник опытный на лов,
Мне снились тирские гетеры
И сонм сидонских мудрецов.

И вот, что грезилось, все было:
Я видел все, всего достиг.
И сердце жгучих ласк вкусило
И ум речей, мудрее книг.

Но, расточив свои богатства
И кубки всех отрав испив,
Как вор, свершивший святотатство,
Бежал я в мир лесов и нив.

Я одиночество, как благо,
Приветствовал в ночной тиши,
И трав серебряная влага
Была бальзамом для души.

И вдруг таким недостижимым
Представился мне дом родной,
С его всходящим тихо дымом
Над высыхающей рекой!

Где в годы ласкового детства
Святыней чувств владел и я —
Мной расточенное наследство
На ярком пире бытия!

О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть,
И безраздумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!

Декабрь 1902. Январь 1903

К УСТЬЮ

На волны набегают волны,
Растет прилив, отлив растет,
Но, не скудея, вечно полны
Вместилища свободных вод.

На годы набегают годы,
Не молкнет ровный стук минут,
И дни и годы, словно воды,
В просторы вечности текут.

Дыша то радостью, то грустью,
И я мгновеньям отдаюсь,
И, как река стремится к устью,
К безбрежной дали я стремлюсь.

Промчится жизни быстротечность,
За днями дни, за годом год,
И утлый челн мой примет вечность
В неизмеримость черных вод.

1903

КОНЬ БЛЕД

I

Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались omnibusы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком,
С неба, с страшной высоты тридцатых
этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес
и скоком
Выкрики газетчиков и шелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле — души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

II

И внезапно — в эту бурю, в этот адский
шопот,
В этот воплотившийся в земные формы бред
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный
топот,

Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и стал с огнем
в глазах.
В воздухе еще дрожали — отголоски, крики,
Но мгновенье было — трепет, взоры были —
страх!
Был у всадника в руках развитый длинный
свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
В высоте над улицей вдруг разгорелась
твердь.

III

И в великом ужасе, скрывая лица, люди
То бессмысленно зывали: «Горе! с нами
бог!»
То, упав на мостовую, бились в общей
груде...
Звери морды прятали, в смятении, между
ног.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, в восторге бросилась
к коню,
Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневеющему дню.
Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
«Люди! Вы ль не узнаете божией десницы!
Сгибнет четверть вас — от мора, глада
и меча!»

Но восторг и ужас длились — краткое
МГНОВЕНЬЕ.

Через миг в толпе смятенной не стоял никто:
Набежало с улиц смежных новое движение,
Было все обычным светом залито.
И никто не мог ответить в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.
Только женщина из зал веселья да безумный
Всё стремили руки за исчезнувшей мечтой.
Но и их решительно людские волны смыли,
Как слова ненужные из позабытых строк.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

Июль—декабрь 1903

МИР

Я помню этот мир, утраченный мной
с детства,
Как сон непонятый и прерванный, как
бред...

Я берегу его — единое наследство
Мной пережитых и забытых лет.
Я помню формы, звуки, запах... О! и запах!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы под полом, в прудях земли,
Со сходами, припрятанными в трапах;
Картинки в рамочках на выцветшей стене,
Старинные скамьи и прочные конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свет
незоркий,

Лежащий без теней в ленивой тишине;
И запах надо всем, нежалящие когти
Вонзающий в мечты, в желанья, в речь,
во все!

Быть может, выросший в веревках или дегте
Иль вползший, как змея, в безлюдное жилье,
Но царствующий здесь над всем житейским
складом,
Проникший все насквозь, держащий все
в себе!

Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой, сливался с ним
в одно.

Я мальчиком глядел в то пыльное окно,
У сумрачных весов играл в большие гири,
И лазил по мешкам в сараях, где темно.
Мечтанья детские в те дни уже светлели:
Мне снились: рощи пальм, безвестный океан,
И тайны полюсов, и бездны подземелий,
И дерзкие пути междупланетных стран.
Но дряхлый ветхий мир на все мои химеры
Улыбкой отвечал, как ласковый старик,
И тихо надо мной — ребенком — ник,
Громадный, неподвижный, серый.
И что-то было в нем родным и близким мне.
Он глухо мне шептал, и понимал его я...
И смешивалось все, как в смутном сне:
Мечта о неземном и сладкий мир покоя...
.

Недавно я прошел знакомым переулком
И не узнал заветных мест совсем.
Тот, мне знакомый, мир был тускл и нем —
Теперь сверкало все, тремело в гуле тулком!
Воздвиглись здания из стали и стекла,
Дворцы огромные, где вольно бродят
взоры...
Разрыты навсегда таинственные норы,
Бесстрастный свет вошел туда, где жалась
мгла.
И лица новые, и говор чужд... Все ново!
Как сказка смелая — воспоминанья лет!

Нет даже и во мне тогдашнего былого,
Напрасно я ищу в душе желанный след...
В душе все новое, как в городе торговли,
И мысли, и мечты, и чаянья, и страх.
Я мальчишкой мечтал о будущих годах:
И вот они пришли... Ну, что же? Я таков ли,
Каким желал я быть? Добыл ли я венец?
Иль эти здания, все из стекла и стали,
Восставшие в душе, как призрачный дворец,
Все утоленные восторги и печали,
Все это новое — напрасно взяло верх
Над миром тем, что мне — столетья завещали,
Который был моим, который я отверг!

Москва, 1903

КИНЖАЛ

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей — вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я — отзыв вам кричу, я — песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми — затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

1903—1904

ПРИВЕТСТВИЕ

Поблек предзакатный румянец.
На нитях серебряно-тонких
Жемчужные звезды повисли,
Внизу — ожерелье огней,
И пляшут вечерние мысли
Размеренно-радостный танец
Среди еле слышных и звонких
Напевов встающих теней.

Полмира, под таинством ночи,
Вдыхает стихийные чары
И слушает те же напевы
Во храме разверстых небес.
Дрожат, обессилевши, девы,
Целуют их юноши в очи,
И мучат безумных кошмары
Стремительным вихрем чудес.

Вам всем, этой ночи причастным,
Со мной в эту бездну глядевшим,
Искавшим за поясом млечным
Священным вопросам ответ,

Сидевшим на пире беспечном,
На ложе предсмертном немевшим,
И нынче, в бреду сладострастном,
Всем з́ачатым жизням — привет!

17—18 февраля 1904

ВЕЧЕРОВА́Я ПЕСНЯ

Воздух становится синим,
Словно разреженный дым...
Час упоительно мирный
Мы успокоенно минем,
Близясь к часам роковым.

Выгнулся купол эфирный,
Двигается мерно с Востока
Тень от ночного крыла,
В бездне бездонно-глубокой
Все откровенное тонет,
Всюду — лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны
Валом бессильных огней?
Черные всадники гонят
Черных быков миллионы —
Стадо полночных теней!

Февраль 1904

ПОМНЮ ВЕЧЕР

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи,
Над померкшим старым Кёльном
Золотые нимбы света,
В этом храме богомольном —
Взоры нежные твои...

Где-то пели, где-то пели
Песню милой старины.
Звуки, ветром тиховейным
Донесенные, слабели
И сливались там, над Рейном,
С робким ропотом волны.

Мы любили! мы забыли,
Это вечность или час!
Мы тонули в сладкой тайне,
Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!

6 марта 1904

К ДЕМЕТРЕ

Небо четко, небо сине,
Жгучий луч палит поля;
Смутно жаждущей пустыней
Простирается земля;

Губы веющего ветра
Ищут, что поцеловать...
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови уснувших, мать!

Глыбы взрыхленные черны,
Их вспоил весенний снег.
Где вы, дремлющие зерна,
Замышляйте свой побег!

Званы вы на пир вселенной!
Стебли к солнцу устремляя,
К жизни новой, совершенной
Воскресайте, озимя!

И в душе за ночью зимней
Тоже — свет, и тоже — тишь.
Что ж, душа, в весеннем гимне
Ты проснуться не спешишь?

Как засеянное поле,
Простираются мечты,
И в огнистом ореоле
Солнце смотрит с высоты.

Брошен был порой осенней
И в тебя богатый сев, —
Зерна страсти и мучений,
Вскоснитесь, как напев!

Время вам в движеньях метра
Прозвучать и проблистать.
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови к уснувшим, мать!

1904

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

О р ф е й

Слышу, слышу шаг твой нежный,
Шаг твой слышу за собой.
Мы идем тропой мятежной,
К жизни мертвенной тропой.

Э в р и д и к а

Ты — ведешь, мне — быть покорной,
Я должна идти, должна...
Но на взорах — облак черный,
Черной смерти пелена.

О р ф е й

Выше! выше! все ступени —
К звукам, к свету, к солнцу вновь!
Там со взоров стают тени,
Там, где ждет моя любовь!

Э в р и д и к а

Я не смею, я не смею,
Мой супруг, мой друг, мой брат!
Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад.

О р ф е й

Верь мне! верь мне! у порога
Встретишь ты, как я, весну!
Я, заклывший лирой — бога,
Песней жизнь в тебя вдохну!

Э в р и д и к а

Ах, что значат все напевы
Знавшим тайну тишины!
Что весна — кто видел севы
Асфоделевой страны!

О р ф е й

Вспомни, вспомни луг зеленый,
Радость песен, радость пляск!
Вспомни, в ночи — потаенный,
Сладко-жгучий ужас ласк!

Э в р и д и к а

Сердце — мертво, грудь — недвижна.
Что вручу объятью я?
Помню сны, — но непостижна,
Друг мой бедный, речь твоя.

О р ф е й

Ты не помнишь! ты забыла!
Ах, я помню каждый миг!
Нет, не сможет и могила
Затемнить во мне твой лик!

Э в р и д и к а

Помню счастье, друг мой бедный,
И любовь, как тихий сон...

Но во тьме, во тьме бесследной
Бледный лик твой затемнен...

О р ф е й

— Так смотри! — И смотрит дико
Вспять, во мрак пустой, Орфей.

— Эвридика! Эвридика! —
Стонут отзвуки теней.

10—11 июня 1904. Ночь

КРЫСОЛОВ

Я на дудочке играю
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочке играю,
Чьи-то души веселя.

Я иду вдоль тихой речки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлют тихие овечки,
Кротко зыблются поля.

Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
За лугами красной кашки
Стройно встали тополя.

Малый домик там таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой девушке приснится,
Что ей душу отдал я.

И на нежный зов свирели,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выйдет, словно к светлой цели,
Через сад, через поля.

И в лесу под дубом темным,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Будет ждать в бреду истомном,
В час, когда уснет земля.

Встречу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вплоть до утра зацелую,
Сердце лаской утоля.

И, сменившись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя.

18 декабря 1904

СЛАВА ТОЛПЕ

В пропасти улиц закинута,
Городом взятые в плен,
Что мы мечтаем о солнце потерянном!
Области солнца задвинуты
Плитами комнатных стен.
В свете искусственном,
Четком, умеренном
Взоры от красок отучены,
Им ли в расплавленном золоте зорь
потонуть!

Гулом сопутственным,
Лязгом железным
Празднует город наш медленный путь.
К безднам все глубже уводят излучины...
Нам к небесам, огнезарным и звездным,
Не достичь!

Здравствуй же, Город, всегда озабоченный,
В свете искусственном,
В царственной смене сверканий и тьмы!
Сладко да будет нам в сумраке чувственном
Этой всемирной тюрьмы!
Окна кругом заколочены,
Двери давно замуравлены,

Сабли у стражи отточены —
Сабли, вкусившие крови, —
Все мы — в цепях!
Слушайте ж песнь храмовых славословий,
Вечно живет, как кумир нам поставленный, —
Каменный прах!

Славлю я толпы людские,
Самодержавных колодников,
Славлю дворцы золотые разврата,
Славлю стеклянные башни газет.
Славлю я лики благие
Избранных веком угодников
(Черни признание — бесценная плата,
Дара поэту достойнее нет!),
Славлю я радости улицы длинной,
Где с дерзостным взором и мерзостным
хохотом

Предлагают блудницы
Любовь,
Где с ропотом, топотом, грохотом
Двигутся лиц вереницы,
Вновь
Странно задеты тоской изумрудной
Первых теней,
И летят экипажи, как строй безрассудный,
Мимо зеркальных сияний,
Мимо рук, что хотят подаяний,
К ликующим вывескам наглых огней!

Но славлю и день ослепительный
(В тысячах дней неизбежный),

Когда среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо,
Толпа возвышает свой голос мятежный,
Властительный,
В безумии пьяных веселий
Все прошлое топчет во прахе,
Играет, со смехом, в кровавые плахи,
Но, словно влекома таинственным гением
(Как река свои воды к простору несущая),
С неуклонным прозрением
Стремится к торжественной цели
И, требуя царственной доли,
Глуха и слепа,
Открывает дорогу в столетья грядущие!

Славлю я правду твоих своеволий,
Толпа!

1904

ФОНАРИКИ

Столетия — фонарики! О, сколько вас
 во тьме,
На прочной нити времени, протянутой в уме!
Огни многообразные, вы тешите мой
 взгляд...

То яркие, то тусклые фонарики горят.
Сверкают, разноцветные, в причудливом саду,
В котором, очарованный, и я теперь иду.
Вот пламенники красные — подряд по десяти.
Ассирия! Ассирия! мне мимо не пройти!
Хочу полюбоваться я на твой багряный свет:
Цветы в крови, трава в крови, и в небе
красный след.

А вот гирлянда желтая квадратных фонарей.
Египет! сила странная в неяркости твоей!
Пронизывает глуби все твой беспощадный
луч,
И тянется властительно с земли до хмурых
туч.
Но что горит высоко там и что слепит мой
взор?
Над озером, о Индия, застыл твой метеор.

[illegible]

1904

К ТИХОМУ ОКЕАНУ

Снилось ты нам с наших первых веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и в пеньи полдневных валов,
Южное море.

Топкая тундра, тугая тайга,
Страны шаманов и призраков бледных
Гордым грозили, закрыв берега
Вод заповедных.

Но нам вожатым был голос мечты!
Зовом звучали в веках ее клики!
Шли мы, слепые, и вскрылся нам ты,
Тихий! Великий!

Чаша безмерная вод! дай припасть
К блещущей влаге устами и взором,
Дай утолить нашу старую страсть
Полным простором!

Вот чего ждали мы, дети степей!
Вот она, сродная сердцу стихия!
Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россия.

Брат-Океан! ты — как мы! дай обнять
Братскую грудь среди вражеских станов.
Кто, дерзновенный, захочет разъять
Двух великанов?

1904

НА НОВЫЙ 1905 ГОД

И вот в железной колыбели,
В громах родился новый год.

Ф. Тютчев (1855)

Весь год прошел как сон кровавый,
Как глухо душащий кошмар,
На облаках, как отблеск лавы,
Грядущих дней горит пожар.

Как исполин в ночном тумане,
Встал новый год, суров и слеп,
Он держит в беспощадной длани
Весы таинственных судеб.

Качнулись роковые чаши,
При свете молний взнесены:
Там жребии врага и наши,
Знамена тяжкие войны.

Молчи и никни, ум надменный!
Се — высшей истины пора!
Пред миром на доске вселенной
Веков азартная игра.

И в упоении и в страхе
Мы, современники, следим,
Как вьется кость, в крови и прахе,
Чтоб выпасть знаком роковым.

Декабрь 1904

ГРЕБЦЫ ТРИРЕМЫ

Тесно во мгле мы сидим,
Люди, над ярусом ярус.
Зыблются ветром живым
Где-то и стяги и парус!

В узкие окна закат
Красного золота бросил.
Выступил сумрачный ряд
Тел, наклоненных у весел.

Цепи жестоки. Навек
К месту прикованы все мы.
Где теперь радостный бег
Нами влекомой триремы?

Режем ли медленный Нил,
Месим ли фризскую тину?
Или нас Рок возвратил
К белому мысу Пахину?

Песню нам, что ли, начать?
Но не расслышат и жалоб
Те, кто достойны дышать
Морем с разубранных палуб!

Кто там? Нагая ль жена
Дремлет на шкуре пантеры?
Чу! это песня слышна
В честь венценосной гетеры.

Или то Цезарь-певец
Лирой тревожит Тритона,
Славя свой вечный венец,
Славя величие трона?

Нет! то военных рожков
Вызов, готовящий к бою!
Я для друзей иль врагов
Волны упругие рою?

Эх, что мечтать! Все равно —
Цезаря влечь или пирата!
Тускло струится в окно
Отблеск последний заката.

Быстро со мглой гробовой
Снова сливаемся все мы,
Мча на неведомый бой
Бег быстролетной триремы.

АХИЛЛЕС У АЛТАРЯ

Знаю я, во вражьем стане
Изогнулся меткий лук,
Слышу в утреннем тумане
Тетивы певучий звук.

Встал над жертвой облак дыма,
Песня хора весела,
Но разит неотвратимо
Аполлонова стрела.

Я спешу склонить колена,
Но не с трепетной мольбой.
Обручен я, Поликсена,
На единый миг с тобой!

Всем равно в глухом Эребе
Годы долгие скорбеть.
Но прекрасен ясный жребий —
Просиять и умереть!

Мать звала к спокойной доле...
Нет! не выбрал счастья я!
Прошумела в ратном поле
Жизнь мятежная моя.

И, вступив сегодня в Трою
В блеске царского венца, —
Пред стрелою не укрою
Я спокойного лица!

Дай, к устам твоим приникнув,
Посмотреть в лицо твое,
Чтоб не дрогнув, чтоб не крикнув
Встретить смерти острие.

И, не кончив поцелуя,
Клятвы тихие творя,
Улыбаясь, упаду я
На помосте алтаря.

27 января 1905

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Они кричат: за нами право!
Они клянут: ты бунтовщик,
Ты поднял стяг войны кровавой,
На брата брата ты воздвиг!

Но вы, что́ сделали вы с Римом,
Вы, консулы, и ты, сенат!
О вашем гнете нестерпимом
И камни улиц говорят!

Вы мне твердите о народе,
Зовете охранять покой,
Когда при вас Милон и Клодий
На площадях вступают в бой!

Вы мне кричите, что не смею
С сенатской волей спорить я,
Вы, Рим предавшие Помпею,
Во власть секиры и копья!

Хотя б прикрыли гроб законов
Вы лаврами далеких стран!
Но что же! Римских легионов
Значки — во храмах у парфян!

Давно вас ждут в родном Эребе!
Вы — выродки былых времен!
Довольно споров. Брошен жребий.
Плыви, мой конь, чрез Рубикон!

Август 1905

ЗНАКОМАЯ ПЕСНЬ

Эта песнь душе знакома,
Слушал я ее в веках.
Эта песнь — как говор грома
Над равниной, в облаках.

Пел ее в свой день Гармодий,
Повторил суровый Брут,
В каждом призванном народе
Те же звуки оживут.

Это — колокол вселенной
С языком из серебра,
Что качают миг мгновенный
Робеспьеры и Марá.

Пусть ударят неумело:
В чистой меди тот же звон!
И над нами загудела
Песнь торжественных времен.

Я, быть может, богомольней,
Чем другие, внемлю ей,
Не хваля на колокольне
Неискусных звонарей.

16 августа 1905

ОДНОМУ ИЗ БРАТЬЕВ

Свой суд холодный и враждебный
Ты произнес, но ты неправ!
Мои стихи — сосуд волшебный
В тиши отстоянных отрав!

Стремлюсь, как ты, к земному раю
Я под безмерностью небес:
Как ты, на всех запястьях знаю
Следы невидимых желез.

Но, узник, ты схватил секиру,
Ты рубишь твердый камень стен,
А я, таясь, готовлю миру
Яд, где огонь запечатлен.

Он входит в кровь, он входит в душу,
Преображает явь и сон...
Так! я незримо стены рушу,
В которых дух наш заточен.

Чтоб в день, когда мы сбросим цепи
С покорных рук, с усталых ног,
Мечтам открылись бы все степи
И волям — дали всех дорог.

20 августа 1905

В. Добровинский.

Мне столько ваших поздравлений,
Мне столько ваших горячих слов!
Добро было утешением
Пред нелегкою жизнью веков!

Добро было вам — радости сады,
Намедни венок мрамора.
Там спала — больше вам не надо,
Есть правда — и блаженны вы!

Прекрасен, в леске крутой влады,
Полночный узор, Асартадон,
И океан народной мечты,
А щель дроблений утны аэры

Но ненавистны полумеры,
Не море, а тучной канал,
Не море, а подем серый,
Не аэра, а общий зал.

На этих вехах, добрых и горьких,
Вн, вети пламенного дня,
Поэзия энергии, аэрации тавалон,
Крутите вихрь — и с ней море!

18 октября 1905.

ДОВОЛЬНЫМ

Мне стыдно ваших поздравлений,
Мне страшно ваших гордых слов!
Довольно было унижений
Пред ликом будущих веков!

Довольство ваше — радость стада,
Нашедшего клочок травы.
Быть сытым — больше вам не надо,
Есть жвачка — и блаженны вы!

Прекрасен, в мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадон
И океан народной страсти,
В щепы дробящий утлый трон!

Но ненавистны полумеры,
Не море, а глухой канал,
Не молния, а полдень серый,
Не агорá, а общий зал.

На этих всех, довольных малым,
Вы, дети пламенного дня,
Восстаньте смерчем, смертным шквалом,
Крушите жизнь — и с ней меня!

18 октября 1905

К ОЛИМПИЙЦАМ

Все как было, все как вечно.
Победил и побежден!
Рассечен дорогой млечной
Бесконечный небосклон.

Миллионы, миллионы
Нескончаемых веков
Возносили в бездну стоны
Оскорбляемых миров.

Все — обман, все дышит ложью,
В каждом зеркале двойник,
Выполняя волю божью,
Кажет вывернутый лик.

Все победы — унижение,
Все восторги — боль и стыд.
Победитель на мгновенье,
Я своим мечом убит!

На снегу нетленно-белом
Я простерт. Струится кровь...
За моим земным пределом,
Может быть, сильна любовь!

Здесь же, долу, во вселенной —
Лишь обманность всех путей,
Здесь правдив лишь смех надменный
Твой, о брат мой Прометей!

Олимпиец! бурей снежной
Замети мой буйный прах,
Но зажжен огонь мятежный
Навсегда в твоих рабах!

15—16 декабря 1905

К НАРОДУ

Давно я оставил высоты,
Где я и отважные товарищи мои.
Мы строили быстрокрылый áрго —
Птицу пустынных полетов, —
Мечтая перелететь на хребте ее
Пропасть от нашего крайнего кряжа
До сапфирного мира безвестной вершины.
Давно я с тобой, в твоём теченьи, народ.
В твоём многошумном, многоцветном
водовороте,
Но ты не узнал моего горького голоса,
Ты не признал моего близкого лика —
В пестром плаще скомороха,
Под личиной площадного певца,
С гусями сказителя вечных времен.

Кто мудрец? — у меня своя мудрость!
Кто венценосец? — у меня своя воля!
Кто пророк? — я не лишен благодати!
Но твой голос, народ, — вселенская
власть.
Твоему желанию — лишь покоряться,
Твоему кумиру — только служить.

Ты дал мне, народ, мой драгоценный дар:
Язык, на котором слагаю я песни.
В моих стихах возвращаю твои тайны —
тебе!
Граню те алмазы, что ты сохранил в своих
недрах!
Освобождаю напевы, что замкнул ты
в золотой скорлупе!
Я — маг, вызывающий духов, тобою
рожденных, нами убитых!
Без тебя я — звезда без света,
Без тебя я — творец без мира,
Буду жить, пока дышишь — ты и
созданный тобою язык.
Повелевай, — повинуюсь.
Повяжи меня, как слепого, — пойду,
Дай мне быть камнем в твоей праше,
Войди в меня, как в одержимого демон,
Я — уста, говори, кричи мною.

Псалтырь моя!
Ты должна звенеть по воле властителя.
Я разобью тебя об утес, непослушная.

К СЧАСТЛИВЫМ

Свершатся сроки: загорится век,
Чей луч блеснит на быстрине столетий,
И твердо станет вольный человек
Пред ликом неба на своей планете.

Единый Город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стекла,
Чтоб вечно жить ласкательной весной,
Чтоб листьев зелень осенью не блекла,

Чтоб не было рассветов и ночей,
Но чистый свет, без облаков, без тени,
Чтоб не был мир ни твой, ни мой, ни чей,
Но общий дар идущих поколений.

Цари стихий, владыки естества,
Последыши и баловни природы
Начнут свершать, в весельи торжества,
Как вечный пир, ликующие годы.

Свобода, братство, равенство, все то,
О чем томимся мы почти без веры,
К чему из нас не припадет никто, —
Те вкусят смело, полностью, сверх меры.

Разоблаченных тайн святой родник
Их упоит в бессонной жажде знанья,
И Красоты осуществленный лик
Насытит их предельные желанья.

И ляжем мы в веках как перегной,
Мы все, кто ищет, верит, страстно дышит,
И этот гимн, в былом пропетый мной,
Я знаю, мир грядущий не услышит.

Мы станем сказкой, бредом, беглым сном,
Порой встающим тягостным кошмаром.
Они придут, как мы еще идем,
За все заплатят им, — мы гибнем даром.

Но что ж! Пусть так! Клони меня, Судьба!
Дышать грядущим — гордая услада!
И есть иль нет дорога сквозь гроба,
Я был! я есмь! Мне вечности не надо!

1902—1905

ВЕЧЕРНИЙ ПРИЛИВ

Кричат афиши, пышно-пестрые,
И стонут вывесок слова,
И магазинов свету острые
Язвят, как вопли торжества.

Там спят за стеклами материи,
Льют бриллианты яркий яд,
И над звездой червонцев — серии
Сияньем северным горят.

Прорезан длинными колодцами
Горящих улиц, город жив.
Киша бессчетными уродцами,
Вечерний празднует прилив.

Скрыв небеса с звездами чуткими,
Лучи синеют фонарей —
Над мудрецами, проститутками,
Над зыбью пляшущих людей.

Кадрилей нарушая линии,
Меж пар кружащихся звеня,
Трамваи мечут молнии синие,
Автомобили — снопы огня.

Позор, под музыку колесную,
Вознес смычок, как дирижер,
И слил толпу многоголосную
В единый и священный хор:

«Мы славим, Прах, Твое Величество,
Тебе ведем мы хоровод,
Вкруг алтарей из электричества,
Вонзивших копыя в небосвод!»

Апрель—декабрь 1906

СУМЕРКИ

Горят электричеством луны
На выгнутых, длинных стеблях;
Звенят телеграфные струны
В незримых и нежных руках;

Круги циферблатов янтарных
Волшебно зажглись над толпой,
И жаждущих плит тротуарных
Коснулся прохладный покой.

Под сенью пленительно-зыбкой
Притих отуманенный сквер,
И вечер целует с улыбкой
В глаза — проходящих гетер.

Как тихие звуки клавира —
Далекие ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!

5 мая 1906

НА ГОТЛАНДЕ

Тощий мох, кустарник чахлый,
Искривленная сосна,
Камень, сумрачный и дряхлый,
Белой пыли пелена...

Древней пылью поседели
Можжевельник и гранит.
Этот мир достиг до цели
И, как мудрый старец, спит.

А за гранями обрывов
Волн восторженный разбег,
И на камнях, вдоль заливов,
Пена, чистая, как снег.

8 июля 1906

НА ГРАНИТАХ

Снова долгий тихий вечер.
Снова море, снова скалы.
Снова солнце искры мечет
Над волной роскошно-алой.

И, не зная, здесь я, нет ли,
Чем дышу — мечтой иль горем, —
Запад гаснет, пышно-светел,
Над безумно светлым морем.

Им не слышен — им, бесстрастным, —
Шопот страсти, ропот гнева.
Небо хочет быть прекрасным.
Море хочет быть — как небо!

Волны быстро нижут кольца,
Кольца рдяного заката...
Сердце! сердце! успокойся:
Все — навек, все — без возврата!

30 июля 1906

НИТЬ

Отдамся ль я случайному наитью,
Сознательно ль кую и правлю стих, —
Я все ж останусь телеграфной нитью
Протянутой в века из дней моих!

И я смотрю, раскрыв с усилием веки
Мечты, уставшей, словно слабый глаз,
В грядущее! — как некогда ацтеки
Смотрели в мир, предчувствуя в нем нас.

1906

ХВАЛА ЧЕЛОВЕКУ

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.

Вечно властен, вечно молод,
В странах сумрака и льда
Петь заставил вещий молот,
Залил блеском города.

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,

Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

В древних, вольных океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.

Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов.

И, шипя под хрупким шаром
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь насытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств;

Но, отважный, со стихией
После бьешься с грудью грудь,
Чтоб еще над новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Верю, дерзкий! ты поставишь
Над землей ряды ветрил.

Ты по прихоти направишь
Бег в пространстве, меж светил.

И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!

1 декабря 1906

ГОРОДУ

(Дифирамб)

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — неслабеющий магнит.

Драконом, хищным и бескрылым,
Засев, ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода.

Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта, —
В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщин, для картин, для книг;

Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов — орду
И шлешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И в ночь, когда в хрустальных залах
Хочет огненный Разврат
И нежно пенится в бокалах
Мгновений сладострастных яд, —

Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, исступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.

Коварный змей, с волшебным взглядом!
В порыве ярости слепой.
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам поднимаешь над собой.

1907

ВЕК ЗА ВЕКОМ

Взрываюг весенние плуги
Корявую кожу земли,
Чтоб осенью снежные выюги
Пустынный простор занесли.

Краснеет лукаво гречиха,
Синеет младенческий лен...
И снова все бело и тихо,
Лишь волки проходят, как сон.

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрезает им грудь бороздой.

А древние пращуры зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

И дальше тропой неизбежной,
Сквозь годы бедствий и смут,
Влечется, суровый, прилежный,
Веками завещанный труд.

Январь 1907

СЛУЖИТЕЛЮ МУЗ

Свой хор заветный водят музы
Вдали от дольних зол и бед.
Но ты родные Сиракузы
Люби, как древле Архимед!

Когда бросает ярость ветра
В лицо нам вражьи знамена —
Сломай свой циркуль геометра,
Прими доспех на рамена!

И если враг пятой надменной
На грудь страны поникшей стал —
Забудь о таинствах вселенной,
Поспешно отточь кинжал!

Священны миги роковые,
В порыве гнева тайна есть,
И лик склоняет Урания,
Когда встает и кличет мсты!

Пусть боги смотрят безучастно
На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!

Ночь на 1 сентября 1907

СЕЯТЕЛЬ

Я сеятеля труд, упорно и сурово,
Свершил в краю пустом,
И всколосилась рожь на нивах; время
снова

Мне стать учеником.

От шума и толпы, от славы и приветствий
Бегу в лесной тайник,
Чтоб снова приникать, как в отдаленном
детстве,

К тебе, живой родник!

Чтоб снова испытать раздумий одиноких
И огненность и лед,
И встретить странных грез, стокрылых
и стооких,

Забытый хоровод.

О радость творчества, свободного, без
цели,

Ко мне вернешься ты!
Мой утомленный дух проснется в колыбели
Восторженной мечты!

Вновь, как Адам в раю, неведомым и новым
Весь мир увижу я
И буду заклинать, простым и вещим словом,
Все тайны бытия!

1907

НАЧИНАЮЩЕМУ

...доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один поинт!

А. Пушкин

Нет, мы не только творцы, мы все
и хранители тайны!
В образах, в ритмах, в словах есть
откровенья веков.
Гимнов заветные звуки для слуха жрецов
не случайны,
Праздный в них различит лишь
сочетания слов.
Пиндар, Вергилий и Данте, Гете и Пушкин —
согласно
В явные знаки вплели скрытых намеков
черты.
Их угадав, задрожал ли ты дрожью
предчувствий неясной?
Нет? — так сними свой венок: чужд
Полигимнии ты.

1907

ДЕДАЛ И ИКАР

ФРЕСКА В ПОМПЕЯХ

Д е д а л

Мой сын! мой сын! Будь осторожен.
Спокойней крылья напрягай.
Под ветром путь наш ненадежен,
Сырых туманов избегай.

И к а р

Отец! ты дал душе свободу,
Ты узы тела разрешил.
Что ж медлим? Выше! к небосводу!
До вечной области светил!

Д е д а л

Мой сын! Мы вырвались из плена,
Но пристань наша далека:
Под нами — гривистая пена,
Над нами реют облака...

И к а р

Отец! Что облака! Что море!
Удел наш — воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе,
Метаться в далях без границ!

Д е д а л

Мой сын! Лети за мною следом
И верь в мой зрелый, зоркий ум.
Мне одному над морем ведом
Воздушный путь до белых Кум.

И к а р

Отец! К чему теперь дороги!
Спеши насытить счастьем грудь!
Вторично не позволят боги
До сфер небесных досягнуть!

Д е д а л

Мой сын! Не я ль убор пернатый
Сам прикрепил к плечам твоим?
Взлетим мы дважды, и трикратно,
И сколько раз ни захотим!

И к а р

Отец! Сдержать порыв нет силы!
Я опьянел! я глух! я слеп!
Валетаю в высь, как в глубь могилы,
Бросаюсь к солнцу, как в Эреб!

Д е д а л

Мой сын! мой сын! Лети серединой,
Меж первым небом и землей...
Но он — над стаей журавлиной,
Но он — в пучине золотой!

О юноша! презрев земное,
К орбите солнца взнесся ты.
Но крылья растопились в зное,
И в море, вечно голубое,
Безумец рухнул с высоты.

1 апреля 1908

ЛИКОРН

(Сонет)

Столетний бор. Вечерний сумрак зелен.
Мне щеки нежит мох и мягкий дерн.
Мелькают эльфы. Гномы из расщелин
Гранита смотрят. Крадется ликорн.

Зачем мой дух не волен и не целен!
Зачем в груди пылает ярый горн!
Кто страсть мне присудил? и кем он велен,
Суровый приговор бесстрастных норн?

Свободы! Тишины! Путем знакомым
Сойти в пещеру к празднующим гномам,
Иль с дочерьми Царя Лесного петь,

Иль мирно спать, со мхом, с землей,
с гранитом...

Нет! голосом жестоким и несатым
Звучит во мне, считая миги, медь.

11 июля 1908

КОМУ-ТО

Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был!
Спеши! настал последний час!
Корабль исканий в гавань прибыл,
Просторы неба манят нас!

Над поколением пропела
Свой вызов пламенная медь,
Давая знак, что косность тела
Нам должно волей одолеть.

Наш век вновь в Дёдала поверил,
Его суровый лик вознес
И мертвым циркулем измерил
Возможность невозможных грез.

Осуществители, мы смеем
Ловить пророчества в былом,
Мы зерна древние леем,
Мы урожай столетий жнем.

Так! мы исполним завещанье
Великих предков. Шар земной
Мы полно примем в обладанье,
Гордясь короной четверной.

Пусть, торжествуя, вихрь могучий
Врезают крылья корабля,
А там, внизу, в прорывах тучи,
Синеет и скользит земля! •

Жювизи, 1908.

НА ФОРУМЕ

Не как пришлец на римский форум
Я приходил — в страну могил,
Но как в знакомый мир, с которым
Одной душой когда-то жил.

И, как во сне родные тени,
Встречал я с радостной тоской
Базилик рухнувших ступени
И плиты древней мостовой.

А надо мною, — как вершина
Великих, пройденных веков,
Венчали арки Константина
Руину храмов и дворцов.

Дорог строитель чудотворный,
Народ Траяна! Твой завет,
Спокойный, строгий и упорный,
В гранит и мрамор здесь одет.

Твоих развалин камень каждый
Напоминает мне — вести
К мете, намеченной однажды,
Среди пустынь свои пути.

Рим, август 1908

К СОБОРУ КЭМПЕРА

Я был разорван мукой страстной,
Язвим извилистой тоской,
Когда, безмерный, но безгласный,
Во тьме ты вырос предо мной.

Созданье канувших столетий!
Вонзая в небо две иглы,
Ты встал при тихом, звездном свете,
Как властелин надземной мглы.

Моим мечтам, всегда тревожным,
Моей бессильной воле — ты
Сказал без слов о невозможном
Слияньи силы и мечты!

Меня сдавил ты, неотступный,
Всей тяжестью былых времен,
И был я, жалкий и преступный,
Твоим величьем обличен.

И вот — бродяга безымянный
На темной площади поник
Перед тобой, старик венчанный,
Как пред Изидой ученик.

Кэмпер, 1—14 сентября 1908

ЭНЕЙ

К встающим башням Карфагена
Нептуна гневом приведен,
Я в узах сладостного плена
Дни проводил как дивный сон.

Ах, если боги дали счастье
Земным созданиям в удел,
В те дни любви и сладострастья
Я этой тайной овладел!

И быть всю жизнь в такой неволе —
Царицы радостным рабом —
Душе казалось лучшей долей
И всех былых трудов венцом!

И ночь была над сонным градом...
Был выпит пламенный фиал...
В тиши дворца, с царицей рядом,
На ложе царском я дремал.

Еще я помнил вздохи, стоны,
Весь наш порыв — в неясном сне,
И грудь горячая Дидоны
Все льнула трепетно ко мне...

И вот — внезапный свет сквозь тени,
И шелест окрыленных ног.
Над ложем сумрачным — Циллений
Склоняет посох, вестник-бог.

«Внемли, — вещает, — сын богини!
Ты медлишь, но не медлит Рок!
Ты избран был хранить святыни,
И подвиг твой, в веках, высок.

Земная страсть да спит в герое!
Тебе ль искать ливийских нег,
Когда ты призван — Новой Трои
Взрастить торжественный побег?

Узнай глаголы Громовержца:
Величью покорись, плыви
К пределам Итала, — из сердца
Исторгнув помыслы любви!»

Виденье скрылось, как зарница,
И голос замер, как мечта.
Сквозь сон, открыв глаза, царица
Ко мне приподняла уста...

Но я, безумный, с ложа прынул,
Я отвратил во тьму глаза.
И утром трубный голос грянул;
И флот наш поднял паруса

Сентябрь 1908

КОВАРНСТЬ

Снова, с тайной благодарностью,
Глубоко дышу коварностью
В сердце льющейся весны,
Счастье тихое предчувствую
И живой мечтой сопутствую
Птицам в далях вышины.

Снова будут сны и радости!
Разольются в поле сладости
Красных кашек, свежих трав.
Слух занежу в вешней прелести,
В шуме мошек, в легком шелесте
Вновь проснувшихся дубрав.

Снова ночи обнаженные
Заглядятся в воды сонные,
Чтоб зардеться на заре.
Тучка тонкая привесится
К золотому рогу месяца,
Будет таять в серебре.

Эти веянья и таянья,
Эти млеянья и чаянья,

Этот милый майский шум, —
Увлекая к беспредельности,
Возвращают тайну цельности
Снов и мира, слов и дум...

1909

На сухой осине серая ворона,
Поле за оврагом, отдаленный лес,
Серый молочайник у крутого склона,
Мухомор на кочке, вздутый словно бес.

Грустно, нелюдимо, пусто в мире целом,
Колеи дороги поросли травой,
Только слабо в небе, синевато-белом,
Виден дым далекий, верно над избой.

Взором утомленным вижу в отдалении
Разноцветный веер недожатых нив.
Где-то есть жилище, где-то есть селенье,
Кто-то здесь, в просторах, уцелел и жив...

Или я чужой здесь, в этой дикой шире,
Одинок, как эта птица на суку,
Говорящий странник в молчаливом мире,
В даль полей принесший чуждую тоску?..

1910

НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

По дороге встречный странник,
В сером, рваном армяке,
Кто ты? может быть, избранник,
Бога ищущий в тоске?

Иль безвестный проходящий,
Раздружившийся с трудом,
Божьим именем просящий
Подаянья под окном?

Иль, тая свои надежды,
Ты безлунной ночи ждешь,
Под полой простой одежды
Проносся разбойный нож?

Как узнать? Мы оба скроем
Наши мысли и мечты.
Лишь на миг мелькнут обоим
Те ж дорожные кусты,

Лишь на миг увидят двое,
Меж незыблемой листвы,
Те же, дремлющие в зное,
Дали вечной синевы.

Разошлись — и ты далече...
Колеи крутой изгиб...
И уж я забыл о встрече,
Заглядысь на красный гриб.

2—6 августа 1910

В РЕСТОРАНЕ

Вспоминаю под жалобы скрипки,
В полусне ресторанных огней,
Ускользящий трепет улыбки —
Полудетской, желанной, твоей.

С тихим вальсом, знакомо печальным,
В темный парк ускользают мечты.
Липы дремлют в наряде венчальном,
И во мгле улыбаешься — ты.

Этот вальс, этот зов, эти звуки
Возвращают и годы и дни.
Я целую дрожащие руки,
Мы — во сне, мы — в тени, мы — одни.

Вижу вызовы дерзкого взгляда,
Вижу алые губы, как кровь...
Ах, не надо, не надо, не надо,
Душу снова качает любовь.

Неподвижны у стойки лакей,
Искры брызжет вино и хрусталь...
Мы идем по вечерней аллее
В непостижно-прозрачную даль.

Все безжалостней жалобы скрипки,
Все безумней взлетают смычки...
Ивы темные нежны и гибки
Над лукой потемневшей реки.

1911

НА ЗАРЕ

Бледнеет ночь. Свой труд окончив,
С улыбкой думаю о ней,
О той, чей детский взор уклончив,
Чей голос — дрожь весенних дней.

Все это видел я когда-то,
И этот взор и эту дрожь...
Но все земное вечно свято,
И в жизни каждый миг хорош!

Я снова с радостным мученьем
Готов, как в годы первых встреч,
Следить покорно за движеньем
Ее стыдливо-робких плеч.

И все, что мне казалось мертвым,
В моей душе живет опять,
И краскам выцветшим и стертым
Дано гореть, дано блистать!

Как неизменны, как всеильны,
Вы, звуки нежные: люблю!
Пушай умру, как стебель пыльный, —
В час смерти жизнь благословлю!

Склонясь к окну, о ней мечтаю —
Мечтами тысячи веков,
И, как врата к земному раю,
Горят завесы облаков.

1911

МОСКВА

(Отрывок)

Нет тебе на свете равных,
Стародавняя Москва!
Блеском дней, вовеки славных,
Будешь ты всегда жива!

Град, что строил Долгорукий
Посреди глухих лесов,
Вознесли любовно внуки
Выше прочих городов!

Здесь Иван Васильич Третий
Иго рабства раздробил,
Здесь, за длинный ряд столетий,
Был источник наших сил.

Здесь нашла свою препону
Поляков надменных рать;
Здесь пришлось Наполеону
Зыбкость счастья разгадать.

Здесь, как было, так и ныне —
Сердце всей Руси святой,
Здесь стоят ее святыни,
За Кремлевскою стеной!

Здесь пути перекрестились
Ото всех шести морей,
Здесь великие учились
Верить родине своей!

Расширяясь, возрастая,
Вся в дворцах и вся в садах,
Ты стоишь, Москва святая,
На своих семи холмах...

1911

К МОЕЙ СТРАНЕ

Моя страна! Ты доказала
И мне и всем, что дух твой жив,
Когда, почуяв в теле жало,
Ты заметалась, застонала,
Вся — исступленье, вся — порыв!

О, страшен был твой недвижимый,
На смерть похожий, черный сон!
Но вдруг пронесся гул Цусимы,
Ты задрожала вся, и мнимый
Мертвец был громом пробужден.

Нет, не позор бесправной доли,
Не зов непризванных вождей,
Но жгучий стыд, но ярость боли
Тебя метнули к новой воле
И дали мощь руке твоей!

И как недужному, сквозь бреды,
Порой мелькают имена, —
Ты вспомнила восторг победы
И то, о чем сказали деды:
Что ты великой быть — должна!

Пусть ветры вновь оледенили
Разбег апрельский бурных рек:
Их жизнь — во временной могиле,
Мы смеем верить скрытой силе,
Ждать мая, мая в этот век!

1911

ЕГИПЕТСКИЙ РАБ

Я жалкий раб царя. С восхода до заката,
Среди других рабов, свершаю тяжкий труд,
И хлеба кус гнилой — единственная плата
За слезы и за пот, за тысячи минут.

Когда порой душа отчаяньем объята,
Над сгорбленной спиной свистит жестокий
И каждый новый день товарища иль брата ^{кнут,}
В могилу общую крюками волокут.

Я жалкий раб царя, и жребий мой безвестен;
Как утренняя тень, исчезну без следа,
Меня с лица земли века сотрут, как
плесень;

Но не исчезнет след упорного труда,
И вечность простоят, близ озера Мерида,
Гробница царская, святая пирамида.

7—20 октября 1911

РОДНОЙ ЯЗЫК

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!

Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил,
Меня спасал в часы бессилья,
И сокрушал избытком сил.

Как часто в тайне звуков странных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев — неожиданных,
Овладевавших мной стихов!

Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей отзвук твой!

Ты ждешь, подобен великану.
Я пред тобой склонен лицом.
И все ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством!

Нет грани моему упорству.
Ты — в вечности, я — в кратких днях,
Но все ж, как магу, мне покорствуй
Иль обрати безумца в прах!

Твои богатства по наследству
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю — ты ответствуй,
Иду — ты будь готов к борьбе!

Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты — Мститель мой, ты — мой Спаситель,
Твой мир — навек моя обитель,
Твой голос — небо надо мной!

31 декабря 1911

ОФЕЛИЯ

Ты не сплетала венков Офелии,
В руках не держала свежих цветов;
К окну подбежала, в хмельном веселии,
Раскрыла окно, как на радостный зов!

Внизу суежилась толпа безумная
Под стуки копыт и свистки авто,
Толпа деловая, нарядная, шумная,
И тебя из толпы не видел никто.

Кому было дело до лика странного
Высоко, высоко, в чужом окне!
Чего ж ты искала, давно желанного,
Блуждающим взором, внизу, на дне?

Никто головы не поднял — и с хохотом
Ты кинулась вниз, на пустой гранит.
И что-то упало с тяжелым грохотом
Под зовы звонков и под стук копыт.

Метнулась толпа и застыла, жадная,
Вкруг бедного тела, в крови, в пыли...
Но жизнь шумела, все та же, нарядная,
Авто и трамваи летели вдали.

1912

SED NON SATIATUS...

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — этой жизнью хмельной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — вечно юной весной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — высотой, глубиной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — тайной муки страстной!

Вновь я хочу все изведать, что было...
Трепеты, сердце, готовы!
Вновь я хочу все изведать, что было:
Ужас, и скорбь, и любовь!
Вновь я хочу все изведать, что было,
Все, что сжигало мне кровь!
Вновь я хочу все изведать, что было
И чего не было, — вновь!

Руки насытые я простираю
К солнцу и в сумрак опять!
Руки насытые я простираю
К струнам: им должно звучать!

Руки несытые я простираю,
 Чтобы весь мир осязать!
Руки несытые я простираю —
 Милое тело обнять!

14 августа 1912

ЗЕМЛЕ

Как отчий дом, как старый горец горы,
Люблю я землю: тень ее лесов,
И моря ропоты, и звезд узоры,
И странные строенья облаков.

К зеленым далям с детства взор приучен,
С единственной луной сжилась мечта,
Давно для слуха грохот грома звучен
И глаз усталый нежит темнота.

В безвестном мире, на иной планете,
Под сенью скал, под лаской алых лун,
С тоской любовной вспомню светлы эти
И ровный ропот океанских струн.

Среди живых цветов, существ крылатых
Я затоскую о своей земле,
О счастья рук, в объятьи тесном сжатых,
Под старым дубом, в серебристой мгле.

В Эдеме вечном, где конец исканьям,
Где нам блаженство ставит свой предел,
Мечтой перенесусь к земным страданиям,
К восторгу и томленью смертных тел.

Я брат зверью, и ящерам, и рыбам,
Мне внятн рост весной встающих трав.
Молюсь земле, к ее священным глыбам
Устами неистомными припав!

1913

СЫН ЗЕМЛИ

Я — сын земли, дитя планеты малой,
Затерянной в пространстве мировом,
Под бременем веков давно усталой,
Мечтающей бесплодно о ином.

Я — сын земли, где дни и годы кратки,
Где сладостна зеленая весна,
Где тягостны безумных душ загадки,
Где сны любви баюкает луна.

От протоплазмы до ихтиозавров,
От дикаря, с оружием из кремня,
До гордых храмов, дремлющих меж
лавров,
От первого пророка до меня —

Мы были узники на шаре скромном,
И сколько раз, в бессчетной смене лет,
Упорный взор земли в просторе темном
Следил с тоской движения планет!

К тем сестрам нашей населенной суши,
К тем дочерям единого отца
Как много раз вносились наши души,
Мечты поэта, думы мудреца!

И, сын земли, единый из бесчисленных,
Я в бесконечное бросаю стих, —
К тем существам, телесным иль бесплотным,
Что мыслят, что живут в мирах иных.

Не знаю, как мой зов достигнет цели,
Не знаю, кто привет мой донесет,
Но если те любили и скорбели,
Но если те мечтали в свой черед

И жадной мыслью погружались в тайны,
Следя лучи, горящие вдали, —
Они поймут мой голос неслучайный,
Мой страстный вздох, домчавшийся
с земли!

Вы, властелины Марса иль Венеры,
Вы, духи света иль, быть может, тьмы, —
Вы, как и я, храните символ веры:
Завет о том, что будем вместе мы!

Май 1913

ИМАТРА

Кипит, шумит. Она — все та же,
Ее не изменился дух!
Гранитам, дремлющим на страже,
Она ревет проклятья вслух.

И, глыбы вод своих бросая
Во глубь, бела и вспенена,
От края камней и до края
Одно стремление она.

Что здесь? драконов древних гривы?
Бизонов бешеных стада?
Твой грозный гул, твои извивы
Летят, все те же, сквозь года.

Неукротимость, неизменность,
Желанье сокрушить свой плен
Горят сквозь зыбкую мгновенность
Венчанных радугами пен!

Кипи, шуми, стремись мятежней,
Гуди, седой водоворот,
Дай верить, что я тоже прежний
Стою над распрей прежних вод!

Иматра, 1913

У КРУГЛОГО КАМНЯ

Белея, ночь приникла к яхте,
Легла на сосны пеленой...
Отава, Пейва, Укко, Ахти,
Не ваши ль тени предо мной?

Есть след ноги на камне старом,
Что рядом спит над гладью вод.
Туони! ты лихим ударом
Его отбросил от ворот!

Бывало в грозные хавтаймы,
Неся гранитные шары,
Сюда, на тихий берег Саймы,
Вы все сходились для игры.

Где ныне косо частоколом
Вдали обведены поля,
Под вашим божеским футболом
Дрожала древняя земля.

И где теперь суровый шкипер
Фарватер ищет между скал,
Когда-то Юмала-голькипер
Лицо от пота омывал.

Былые матчи позабыты,
И вы — лишь тени в белой мгле,
Но тяжкие мячи — граниты —
Лежат в воде и на земле.

Вуоксенниска, 1913

НАД СЕВЕРНЫМ МОРЕМ

Над морем, где древние фризы,
Готовя отважный поход,
Пускались в туман серо-сизый
По гребням озлобленных вод,

Над морем, что, словно гигантский,
Титанами вырытый ров,
Отрезало берег британский
От нижнегерманских лугов, —

Бреду я в томленьи счастливом
Неясно-ласкающих дум
По отмели, вскрытой отливом,
Под смутно-размеренный шум.

Волна набегают, узорно
Извивами чертит песок
И снова отходит покорно,
Горсть раковин бросив у ног;

Летит красноклювая птица,
Глядя на меня без вражды,
И чаек морских вереница
Присела у самой воды;

Вдали, как на старой гравюре,
В тумане уходит из глаз,
Привыкший к просторам и к буре,
Широкий рыбацкий баркас...

Поют океанские струны
Напевы неведомых лет,
И слушают серые дюны
Любовно-суровый привет.

И кажутся сердцу знакомы
И эти напевы тоски,
И пенные эти изломы,
И влажные эти пески,

И этот туман серо-сизый
Над взрытыми далями вод...
Не с вами ли, древние фризы,
Пускался я в дерзкий поход?

Голландия, 5—18 июля 1913

СУХИЕ ЛИСТЬЯ

Сухие листья, сухие листья,
Сухие листья, сухие листья
Под тусклым ветром кружат, шуршат.
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром сухие листья,
Кружась, что шепчут, что говорят?

Трепещут сучья под тусклым ветром;
Сухие листья под тусклым ветром
Что говорят нам, нам шепчут что?
Трепещут листья под тусклым ветром,
Лепечут листья под тусклым ветром.
Но слов не понял никто, никто!

Меж черных сучьев синее небо,
Так странно-нежно синее небо,
Так странно-нежно прозрачна даль.
Меж толых сучьев прозрачно небо,
Над черным прахом синее небо.
Как будто небу земли не жаль.

Сухие листья шуршат о смерти,
Кружась под ветром, шуршат о смерти:

Они блестели, им время тлеть.
Прозрачно небо. Шуршат о смерти
Сухие листья, — чтоб после смерти
В цветах весенних опять блестеть!

1913

ПРОСТЕНЬКАЯ ПЕСНЯ

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девочкой играла
Утром рано-рано.

Дед твердил с улыбкой,
Ласков, сед и важен,
Что далеким предком
Был платан посажен.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девушкой скрывалась
В первый час тумана.

Целовалась сладко
В тихом лунном свете,
Так, как целовались
Люди ряд столетий.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Женщиной рыдала
Под напев фонтана.

Горестно рыдала
О минутной сказке,
Опалившей страсти,
Обманувшей ласки.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
В старость вспоминала
Жизнь, как мир обмана,

Вспоминала, с грустной
Тишиной во взоре,
Призрачное счастье,
Медленное горе.

И, в тени прозрачной
Светлого платана,
Так же сладко дремлет
Прежняя поляна.

Ты же на кладбище,
Под плакучей ивой,
Спишь, предавшись грезе,
Может быть счастливой.

1913

ЭМИЛЮ ВЕРХАРНУ

Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных
Впервые расслышал шум жизни мировой:
От гула поездов до стога волн прибрежных,
От утренних гудков до воплей безнадежных
Покинутых полей, от песни роковой
Столиц ликующих, от властного напева
Раздумий, что в тиши поют нам мудрецы,
Бросающие хлеб неведомого сева
На ниве жизненной во все ее концы, —
Я вдруг почувствовал, как страшно
необъятен
Весь мир передо мной, и ужаснулся я
Громадности Земли, и вдруг мне стал
понятен
Смысл нашего пути среди туманных пятен,
Смысл наших малых распрь в пучине бытия!
Верхарн! ты различил «властительные
ритмы»
В нестройном хаосе грядущих голосов.

1918

ГАРИБАЛЬДИ

Что сделал ты, кем был, не это важно!
Но ты при жизни стал священным мифом,
В народной памяти звенишь струной
 протяжной.
Горишь в веках святым иероглифом!

Что свято в слове роковом «свобода»,
Что в слове «родина» светло и свято,
Для итальянского народа
Все в имени твоём объято.

Кто б ни был итальянец: ладзарони,
Купец, поэт, вельможа иль убийца —
Он склонится, как пред царем в короне,
Пред красным колпаком гарибальдийца.

Ты в сотнях изваяниях умножен,
В деревне, в городе, в открытом поле;
Стоишь, восторжен и тревожен,
Зовя сограждан к торжеству и к воле.

Но, пламенный трибун и вождь толпы
упорный,
При всех падениях не терявший веры,
Твой пьедестал нерукотворный —
Гранит Капреры!

10 декабря 1913

ЭЛЛИСУ

Нет! к озаренной сиянием бездне
Сердце мое не зови!
Годы идут, а мечте все любезней
Грешные песни любви.

Белые рыцари... сень Палестины...
Вечная Роза и крест...
Ах! поцелуй заменяет единый
Мне всех небесных невест!

Ах! за мгновенье под свежей сиренью
С милой — навек я отдам
Слишком привычных к нездешнему пенью
Оных мистических Дам.

Их не умею прославить я в песне...
Сердце! опять славословь
С годами все умиленней, чудесней
Вечно земную любовь!

1914

ЮНОШАМ

Мне все равно, друзья ль вы мне, враги ли
И вам я мил иль ненавистен вам,
Но знаю — вы томились и любили,
Вы душу предавали тайным снам;

Живой мечтой вы жаждете свободы,
Вы верите в безумную любовь,
В вас жизнь бушует, как морские воды,
В вас, как прибой, стучит по жилам кровь;

Ваш зорек глаз и ваши легки ноги,
И дерзость подвига волнует вас,
Вы не боитесь — ищете тревоги,
Не страшен — сладок вам опасный час;

И вы за то мне близки и мне милы,
Как стеблю тонкому мила земля:
В вас, в вашей воле черпаю я силы,
Любуясь вами, ваш огонь деля.

Вы — мой прообраз. Юности крылатой
Я, в вашем облике, молюсь всегда.
Вы то, что вечно, дорого и свято,
Вы — миру жизнь несущая вода!

Хочу лишь одного — быть вам подобным
Теперь и после: легким и живым,
Как волны океанские, свободным,
Вносящимся в лазурь, как светлый дым.

Как вы, в себя я полон вещей веры,
Как вам, судьба поет и мне: живи!
Хочу всего, без грани и без меры,
Опасных битв и роковой любви!

Как перед вами, предо мной — открытый,
В неизвестное ведущий, темный путь!
Лечу вперед изогнутой орбитой —
В безмерностях пространства потонуть!

Кем буду завтра, нынче я не знаю,
Быть может, два-три слова милых уст
Вновь предо мной врата раскроют к Раю,
Быть может, вдруг мир станет мертв и пуст.

Таким живу, таким пребуду вечно —
В моих, быть может, чуждых вам стихах,
Всегда любясь дерзостью беспечной
В неутасимых молодых эрачках!

23 января 1914

ДЕТСКИЕ УПОВАНИЯ

Снова ночь и небо, и надменно
Красный Марс блистает надо мной.
Раб земли, окованный и пленный,
Что томиться грезой неземной?

Не свершиться детским упованиям!
Не увидишь, умиленный, ты
Новый луч над вечным мирозданием:
Наш корабль в просторах пустоты!

Не свершишь ты первого полета,
Не прочтешь и на столбах газет,
Что безвестный, ныне славный, кто-то,
Как Колумб, увидел новый свет.

Что ж, покорствуй! Но душа не хочет
Расставаться с потаенным сном
И, рыдая, радостно пророчит
О великом имени земном.

О, ужель, как дикий краснокожий,
Удивится пришлецам Земля?
И придет крестить любимец божий
Наши воды, горы и поля?

Нет! но мы, своим владея светом,
Мы, кто стяг на полюс донесли,
Мы должны нести другим планетам
Благовестье маленькой Земли!

Зегевольд, 1914

ОРЕЛ ДВУГЛАВЫЙ

Бывало, клетотом тревожа целый мир
И ясно озарен неугасимой славой,
С полуночной скалы взлетал в седой эфир
Орел двуглавый.

Перун Юпитера в своих когтях он нес
И сеял вокруг себя губительные громы,
Бросая на врагов, в час беспощадных гроз,
Огней изломы.

Но с диким кобчиком, за лакомый кусок
Поспорив у моря, вступил он в бой без
чести
И, клюнутый в крыло, угрюм, уныл и строг,
Сел на насесте.

Пусть рана зажила — все помня о былом,
Он со скалы своей слетать не смеет в доли,
Лишь подозрительно бросает взор кругом,
Страшась крамолы.

Пусть снова бой идет за реки, за моря,
На ловлю пусть летят опять цари пернатых;
Предпочитает он, чем в бой вступать,
Сидеть в палатах! паря, —

Но, чтоб не растерять остаток прежних сил,
Порой подымлет он перун свой, как
бывало...

И грозной молнией уж сколько поразил
Он птицы малой!

И сколько вкруг себя он разогнал друзей,
Посмевших перед ним свободно молвить
слово.

Теперь его завет один: «Дави и бей
Все то, что ново!»

Бывало, пестунов он выбирать умел,
Когда он замышлял полет гигантский,
Потемкин был при нем, Державин славу пел,
Служил Сперанский.

Но пустота теперь на северной скале;
Крыло орла висит, и взор орлиный смутен,
А служит птичником при стихнувшем орле
Теперь Распутин.

10 июля 1914

Так! слишком долго мы коснели
И длили Вальтасаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенным выйдет мир!

Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков, —
В неверном озареньи славы
Грядущий мир да будет нов!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы, —
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!

20 июля 1914

КРУГИ НА ВОДЕ

От камня, брошенного в воду,
Далеко ширятся круги.
Народ передает народу
Проклятый лозунг: «мы — враги!»

Племен враждующих не числа:
Круги бегут, им нет числа;
В лазурной Марне, в желтой Висле
Влачатся чуждые тела.

В святых просторах Палестины
Уже звучат шаги войны;
В Анголе девственной — долины
Ее стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флот, не отважившийся в бой.

Везде — вражда! Где райской птицы
Воздушный зыблется полет,
Где в джунглях страшен стон тигрицы,
Где землю давит бегемот!

В чудесных, баснословных странах
Визг пуль и пушек ровный рев,
Повязки белые на ранах
И пятна красные крестов!

Внимая дальнему удару,
Встают народы как враги,
И по всему земному шару
Бегут и ширятся круги.

Варшава, 2 декабря 1914

ЗА ЧТО?

«За что?» — стонали в Муцраиме
Евреи, руки ввысь воздев...
Но с каждым днем неумолимей
Порабощал их божий гнев.

«За что? Грех наших своеволий
Каэнишь иль за отцов — детей?»
И длился вопль года, доколе
Не встал Водитель-Моисей.

И тот же стон над нами ныне
Стоит: «За что?» — Ответа нет...
Но, может быть, и к нам в пустыне
С Синая прогремит ответ:

«За что? — За то, что вы терпели,
Дрожа, насилие и гнет;
Не научили — к высшей цели
Стремиться свой родной народ;

Что под бичом самодержавья
Вы пригибались пять веков;
Пред миром, не стыдясь бесславья,
Сносили прозвище рабов;

Что не сомкнулись вы в едином
Порыве — за свободу пасть,
А победив, с чутьем звериным
Свою, в добыче, рвали часть!

За ужас долгого позора,
За дни презренья к малым сим,
За грех безволя и раздора —
Сегодня целый край казним!

Бьет срок — сплотиться, чтобы новый
Вождь, тот, пред коим где-нибудь
Теперь пылает куст терновый,
Обрел готовых в трудный путь».

1918

ЗАВЕТ СВЯТОСЛАВА

По знакомой дороге назад
Возвращались полки Святослава.
Потрясен был надменный Царьград,
Над героями реяла слава,
Близки были родимой земли
И равнины и мощные реки...
Но в горах на путях залегли,
Поджидая, коварные греки.

И, шеломы врагов опознав
По холмам и утесам соседним,
Так дружине сказал Святослав:
«Видно, день — биться боем последним!
Пусть враги нас порубят, побьют,
Пусть обратно добычу отымут —
Но певцы про нас славу споют,
Ибо мертвые сраму не имут!»

И рубились они до конца,
Полегли до последнего в поле;
Не осталось в живых и певца,
Чтобы спеть о губительной доле.
Сгиб в траве Святослава скелет,

Вихрем выветрен, ливнями вымыт...
Но поет ему славу поэт,
Ибо мертвые сраму не имут.

В наши грозные, тяжкие дни
Вспомним снова завет Святослава!
Как во тьме путевые огни,
Веку новому — прошлого слава!
Уступает народу народ
Города, и равнины, и реки —
Только доблесть бессмертно живет,
Ибо храбрые славны вовеки!

Июль 1915

К АРМЕНИИ

В тот год, когда господь сурово
Над нами длань отяготил, —
Я, в жажде сумрачного крова,
Скрываясь от лица дневного,
Бежал к бесстрастию могил.

Я думал: божескую гневность
Избужу я в святой тиши:
Смирит тоску святая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит недуги души.

Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрел:
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы,
И смерти луг — в цветах расцвел.

Не мертвым голосом былины —
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: Живи!

Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков.
Во славу благостной природы,
Любви, познания и свободы —
Песнь цепь ломающих рабов.

Армения! Твой древний голос —
Как свежий ветер в летний зной:
Как бодро он взывает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

Москва—Тифлис, 1915

К АРМЯНАМ

Да, вы поставлены на грани
Двух разных, спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волненья мира,
Летя, касались вас крылом —
И гром глухой походов Кира
И Александра бранный гром.

Вы низили, в смятении стана,
При Каррах, римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;

Нередко вас клонили бури,
Как вихри — нежный цвет весны, —
При Чингиз-Хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.

Но — воин стойкий — под ударом
Ваш дух не уступил Судьбе;
Два мира вкрут него недаром
Кипели, смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Ширази,
И блеск Гомерова огня.

И уцелел ваш край Наирский
В крушеньях царств, меж мук земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа,

И — ключ божественной улады,
Нетленный в переменах лет,
На светлом пламени Эллады
Зажженный — ваших песен свет!

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали — обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было, — вечно живо!
В былом — награда и урок.
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.

А мы, великому наследию
Дивясь, обеты слышим в нем...
Так! Прошрое тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.

И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преоолевав,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев,

Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве вышем соединит!

23 января 1916

В ТИФЛИСЕ

Увидеть с улицы грохочущей
Вершины снежных гор —
Неизъяснимое пророчащий
Зазубренный узор;

Отметить монастырь, поставленный
На сгорбленный уступ,
И вдоль реки, снегами сдавленной,
Ряд кипарисных куп;

Вступив в толпу многоодежную,
В шум разных языков,
Следить чадру, как дали снежную,
Иль строгий ход волов;

Смотреть на поступи верблюжие
Под зеркалом-окном,
Где эталажи неуклюжие
Сверкают серебром;

Пройдя базары многолюдные,
С их криком без конца,
Разглядывать остатки скудные
Грузинского дворца;

В мечтах восставить над обломками
Пленителей молвы:
Тамары век с делами громкими
И век Саят-Новы;

Припоминать преданья пестрые,
Веков цветной узор, —
И заглядеться вновь на острые
Вершины снежных гор.

Январь 1916

Летайте, птицы, —
И мы за вами!
Нам нет границы,
И над громами,
Над чернью туч,
Челн Человека
Победу века
Гласит, летуч!

Прорезал небо
Руль моноплана,
Соперник Феба!
Глубь океана
И волны рек,
И воздух горный
Тебе покорны,
О Человек!

1916

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ ПОСТНИКОВУ

Что в протоплазме зыблил океан,
Что древле чувствовал летучий ящер,
В чем жизнь была первичных обезьян —
Все ты впитал в себя, мой давний пращур!

И плоть живую передал ты мне,
Где каждый мускул, все суставы, кости
Гласят, как знак, о грозной старине,
О тех, что спят на мировом погосте.

Наследие бесчисленных веков,
Мое так мудро слепленное тело!
Ты — книга, где записано без слов
То прошлое, что было и истлело.

Ты говоришь про жизнь в морских волнах,
Про ползанье, летанье, о трехглазом
Чудовище, о гнездах на ветвях...
Блажен, кто слух склонил к твоим
рассказам!

Блажен, кто понял, вешнее, тебя
И, видя человеческую брeннoсть,

Умеет в ней разгадывать, любя,
Природы беспредельной неизменность!

Завидую тому, кто, острый взор
Склонив на эти связки, эти вены,
За ними видит мировой простор
И вечной жизни радостные смены!

1916

ТРИ ЯБЛОКА

Три яблока, излюбленных преданьем,
Три символа земного мятежа,
В саду веков, воссозданном сознанием,
Они горят, под ветром през дрожа.

Ты, яблоко губительное Евы!
Ты вырвало из глаз Эдемский свет,
На нас обрушив божеские гневны,
Но было то восстанье на запрет.

Другое — яблоко Вильгельма Телля —
Свободы весть промчалось над землей;
Одной стрелой в родного сына целя,
Стрелок в тиранов метился другой.

А третье — третье яблоко Ньютона,
Оно упало в час своей поры,
И понял ум незыблемость закона,
Что движет землю, небо и миры.

То третье яблоко вернуло рай нам,
Сравнило всех, владыку и раба,
Открыло нам дорогу к вечным тайнам,
Чтоб не страшила больше и Судьба.

1916

ТРИДЦАТЫЙ МЕСЯЦ

Тридцатый месяц в нашем мире
Война взметает алый прах,
И кони черные валькирий
Бессменно мчатся в облаках!

Тридцатый месяц Смерть и Голод,
Бродя, стучат у всех дверей:
Клеймят, кто стар, клеймят, кто
Детей в объятьях матерей!

Тридцатый месяц бог Европы,
Свободный Труд — поработен:
Он роет для войны окопы,
Для Смерти льет снаряды он!

Призывы светлые забыты
Первоначальных дней борьбы.
В лесах грызутся троглодиты
Под барабан и зов трубы!

Достались в жертву суесловью
Мечты поработанных стран:
Тот опьянел бездонной кровью,
Тот золотом безмерным пьян...

Борьба за право стала бойней;
Унижен, Идеал поник...
И все нелепей, все нестройней
Крик о победе, дикий крик!

А Некто темный, Некто властный,
Событий нити ухватив,
С улыбкой дьявольски-бесстрастной
Длит обескрыленный порыв.

О горе! Будет! будет! будет!
Мы хаос развязали. Кто ж
Решеньем роковым рассудит
Весь этот ужас, эту ложь?

Пора отвергнуть призрак мнимый,
Понять, что подменили цель...
О, счастье — под напев любимый
Родную зыблить колыбель!

Февраль 1917

ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ

Освобожденная Россия —
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости — жива!
Как много раз в былые годы
Мы различали властный зов:
Зов обновления и свободы,
Стон-вызов будущих веков!

Они, пред нами стоя, грозно
Нас вопрошали: «Долго ль ждать?
Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать.
Пусть вам тяжелый жребий выпал:
Вы ль отречетесь от него?
По всем столетьям рок рассыпал
Задачи, труд и торжество!»

Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп среди долгой тьмы?
С восторгом первый гул суровый,
Обвала гул признали мы.

То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь, под голос грома,
Сорвался и летит обвал!

И тем, кто в том работал, — слава!
Недаром жертвы без числа
Россия, в дни борьбы кровавой
И в дни былого, принесла!
Недаром стибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и в снегах!
Их смертный стон был гимн отчизне,
Их подвиг оживет в веках!

Как те, и наше поколение
Свой долг исполнило вполне.
Блажен, въявь видевший мгновенья,
Что прежде презились во сне!
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала — наконец!

Март 1917

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ В ИЮЛЕ 1917 ГОДА

В*** громили памятник Пушкина;
в*** артисты отказались играть
«На дне».

(Газетное сообщение 1917 г.)

Не в первый раз мы наблюдаем это:
В толпе опять безумный шум возник,
И вот она, подымля буйный крик,
Заносит руку на кумир поэта.

Но неизменно в новых бурях света
Его спокойный и прекрасный лик;
На вопль детей он не дает ответа,
Задумчив и божественно велик.

И тот же шум вокруг твоих созданий —
В толпе, забывшей гром рукоплесканий,
С каким она лелеяла «На дне».

И так же образы любимой драмы,
Бессмертные, величественно-прямые,
Стоят над нами в ясной вышине.

17 июля 1917

СНЕЖНАЯ РОССИЯ

За полем снежным — поле снежное,
Безмерно-белые луга;
Везде — молчанье неизбежное,
Снега, снега, снега, снега!

Деревни кое-где расставлены,
Как пятна в безднах белизны:
Дома сугробами задавлены,
Плетни под снегом не видны.

Леса вдали чернеют, голые, —
Ветвей запутанная сеть.
Лишь ветер песни невеселые
В них, иней вея, смеет петь.

Змеится путь, в снегах затерянный:
По белизне — две борозды...
Лошадка рысью неуверенной
Новит чуть зримые следы.

Но скрылись санки — словно белая
Их поглотила пустота;
И вновь равнина опустелая
Нема, беззвучна и чиста.

И лишь вороны стаяй бдительной
Порой над пустотой кружат
Да вечером, в тиши томительной,
Горит оранжевый закат.

Огни лимонно-апельсинные
На небе бледноголубом
Дрожат... Но быстро тени длинные
Закутывают все кругом.

1917

РАБОТА

Единое счастье — работа.
В полях, за станком, за столом:
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета, —
Часы за упорным трудом!

Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подпругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!

На фабрике, в шуме стозвонном
Машин и колес и ремней,
Заполни с лицом непреклонным
Свой день в череду миллионном
Рабочих, преемственных дней!

Иль — согнут над белой страницей, —
Что сердце диктует, пиши:
Пусть небо зажжется денницей —
Всю ночь выводи вереницей
Заветные мысли души!

Посеянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глуби бесчисленных умов.

Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет.
Что станет с плодами — неизвестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ.

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета,
Все счастье земли — за трудом.

Август 1917

БИБЛИОТЕКИ

Власть, времени сильней, затаена
В рядах страниц, на полках библиотек:
Пылая факелом во мгле, она
Порой язвит, как ядовитый дротик.

В былых столетьях чей-то ум зажег
Сверканье, — и оно доныне светит!
Иль жилы тетивы напярчь возмог, —
И в ту же цель стрела поныне метит!

Мы дышим светом отжитых веков,
Вскрывающих пред нами даль дороги,
Повсюду отблеск вдохновенных слов, —
То солнце дня, то месяц сребророгий!

Но нам дороже золотой колчан
Певучих стрел, завещанный в страницах.
Оружие для всех времен и стран,
На всех путях, на всех земных границах.

Во мгле, куда суд жизни не достиг,
Где тени лжи извилисты и зыбки, —
Там дротик мстительный бессмертных книг,
Веками изошрен, бьет без ошибки.

1917

ВЕСНЯНКА

Лишь на севере мы ценим
Весь восторг весны, —
Вешней неги не обменим
На иные сны.

После долгой ночи зимней
Нежен вешний день,
Ткани мглы гостеприимней
Расстилагает тень.

Там, где землю крыл по склонам
Одноцветный снег,
Жжет глаза в лесу зеленом
Молодой побег!

В душу нам глядит подснежник
Взором голубым;
Даже, старый хлам, валежник
Кажется живым!

Мы весной живем как дети,
Словно бредим вслух;
В свежих красках, в ясном свете
Оживает дух!

Каждый маю стал союзник
И врагом зимы,
Каждый счастлив, словно узник,
Выйдя из тюрьмы!

1918

СВЕТОЧ МЫСЛИ

(Венок сонетов)

1. АТЛАНТИДА

Над буйным хаосом стихийных сил
Зажглось издревле Слово в человеке:
Твердь оживили имена светил,
Злак разошелся с тварью, с сушей — реки.

Врубаясь в мир, ведя везде просеки,
Под свист пращи, под визги первых пил,
Охотник, пастырь, плужник — кто чем
был —
Вскрывали части тайны в каждом веке.

Впервые светоч из священных слов
Зажгли Лемуры, хмурые гиганты;
Его до неба вознесли Атланты.

Он заблистал для будущих веков,
И с той поры все пламенней, все шире
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.

II. ХАЛДЕЯ

Сияла людям Мысль, как свет в эфире;
Ее лучи лились чрез океан —
Из Атлантиды в души разных стран;
Так луч зенита отражен в надире!

Свет приняли — Китай и Индостан,
Края Эгейцев и страна Наири,
Он просверкал у Аймарá и в Тире,
Где чтим был Ягве, Зевс и Кукулкан.

И ярко факел вспыхнул в Вавилоне;
Вещанья звезд прочтя на небосклоне,
Их в символы Семит пытливый влил.

Седьмица дней и Зодиак — идеи
Пребудут зна́ком, что уже в Халдее
Исканьем тайн дух человека жил.

III. ЕГИПЕТ

Исканьем тайн дух человека жил,
И он сберег Атлантов древних тайны
В стране, где, просверлив песок
бескрайный,
Поит пустыню многоводный Нил.

Терпенье, труд, упорный, чрезвычайный,
Воздвигли там ряд каменных могил,

Чтоб в них навек зов истины застыл:
Их формы, грани, связи — не случайны!

Египет цели благостной достиг.
Хранят поныне плиты пирамиды
Живой завет погибшей Атлантиды.

Бог Тот чертил слова гигантских книг,
Чтоб в числах три, двенадцать и четыре
Мощь разума распространялась в мире.

IV. ЭЛЛАДА

Мощь разума распространялась в мире —
Египет креп, как строгое звено,
Но было людям жизнь понять дано
И в радости: в резце, в палитре, в лире.

Влилась в века Эллада, как вино, —
В дворцовой фреске, в мраморном кумире,
В живом стихе, в обточенном сапфире,
Явя, что было, есть и суждено.

Но строя храмы, вознося колонны,
Могла ль она забыть зов потаенный,
Что край Озириса ей повторил?

Шел Эллин к знанью по пути мистерий —
Но дух народа блеск давал и вере,
Прекрасен, светел, венчан, златокрыл.

У. ЭЛЛИНИЗМ И РИМ

Прекрасен, светел, венчан, златокрыл
Цвел гений Греции. Но предстояло
Спать в одно — халдейские начала
И мысли эллинской священный пыл.

Встал Александр! Все ж Року было мало
Фалангой всюду созданных горнил;
И вот, чтоб Рим весь мир объединил,
Медь грозных легионов застонала.

В те дни, как Азия спешила взять
Дар Запада, и каждый край, как призма,
Лил, преломляя, краски эллинизма,

К завоеванью всей вселенной — рать
Вел Римлянин; при первом триумвире
Он встал, как царь, в торжественной
порфире.

VI. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Он встал, как царь, в торжественной
порфире,
Укрыв под ней весь мировой простор,
От скал Сахары до Шотландских гор,
От врат Мелькарта до снегов Сибири.

Столений и племен смиряя спор,
Сливая голоса в безмерном клире,

Всем дав участие на вселенском пире,
Рим над землей свое крыло простер.

Все истины, что выступали к свету, —
Под гул побед, под сенью римских прав,
Переплавлились властно в новый сплав.

Вела империя работу эту,
Хоть вихрь порой величья не щадил,
Хоть иногда лампы Рок гасил.

VII. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Хоть иногда лампы Рок гасил,
Рим до конца исполнил труд владыки.
Он был свершен, когда, под вопль и крики,
Сонм варваров империю свалил.

Народы хлынули, свирепы, дики;
Мрак разостлался, тягостен, уныл;
Казалось: луч наук навек почил,
И тщетно трон свой высил Карл Великий.

Но в мгле крушений отблеск золотой
Искал путей, везде сверкал мечтой,
Под стук мечей, под грозный скок
валькирий.

Меж камней, бывших кесарских палат,
Под робкий свет монашеских лампад
Дух знания жил, скрыт в тайном эликсире.

VIII. СРЕДНИЕ ВЕКА

Дух знания жил, скрыт в тайном эликсире,
Поя целебно мутный мрак веков.
Пусть жизнь была сплошной борьбой врагов,
Пусть меч звенел в бою и на турнире —

Искал алхимик камень мудрецов,
Ум утончался в пренях о вампире,
Познать творца пытался богослов —
И мысль качала мировые гири.

Монах, судейский, рыцарь, менестрель —
Все смутно видели святую цель,
Хоть к ней и шли не по одной дороге.

В дни ужасов, огня, убийств, тревоги
Та цель сияла, как звезда: она
Во все века жила, затаена.

IX. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Во все века жила, затаена,
И жажда светлых, благостных веселий.
Настали сроки: струны вновь запели,
И краски вновь зардели с полотна.

Из дряхлой Византии в жизнь — весна
Вошла, напомнив о любви, о теле;
В своих созданьях Винчи, Рафаэли
Блеск бытия исчерпали до дна.

Те плыли за Колумбом в даль Америк,
Те с Кортесом несли на чуждый берег
Крест, чтоб с ним меч победно пронести.

Стремились все — открыть, изобрести,
Найти, создать... Царила в эти годы
Надежда — вскрыть все таинства природы.

Х. РЕФОРМАЦИЯ

Надежда — вскрыть все таинства природы —
Мир к высшей тайне привела, — и бог
Восстал над бурей будничных тревог,
Над сном народов, над игрушкой моды.

За громом Лютера прошли походы
Густава, Тилли; снова сумрак, строг,
Окутал землю, и военный рог
К войне за веру звал из рода в роды.

Промчался Кромвель; прогремела Ночь
Варфоломея; люди в пытках гибли;
Стал дыбой — крест, костром — страницы
библей.

Но Истина, исканий смелых дочь,
Жива осталась в вихрях непогоды;
К великой цели двигались народы.

ХІ. РЕВОЛЮЦИЯ

К великой цели двигались народы.
Век философии расцвел, отцвел;
Он разум обострил, вскрыл глубины зол
И людям вспыхнул маяком свободы.

Упали с гулом вековые своды,
Был свергнут в бездну старый произвол,
Поток идей разлился, словно воды,
Что в марте затопляли луг и дол.

Гудели волны буйного потока,
Ученье братства разнеся широко,
Под знамя воли клича племена.

Бороться с правдой силился напрасно
Державный Север: под зарницей красной,
Шумя, Европу обняла война.

ХІІ. НАПОЛЕОН

Шумя, Европу обняла война,
Глася: «Мир хижинам и гибель тронам!»
Пусть эта брань потом Наполеоном,
В дыму побед, была усмирена.

Навек осталась вскрытой глубина;
Над ней теперь гудело вещим звоном —

Все то, об чем шептали лишь ученым
Намеки книг в былые времена.

Ваграм и Дрезден, Аустерлиц и Иена,
Вы — двух начал таинственная смена:
Толпе открыли вы свободный путь.

Народ рванулся ветром тайн дохнуть...
Но не давал дышать им в полной мере
Все ж топот армий, гулы артиллерий.

ХІІІ. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Все ж топот армий, гулы артиллерий
Затихли; смолк войны зловеющий звон;
И к знанью сразу распахнулись двери,
Природу человек вдруг взял в полон.

Упали в прах обломки суеверий,
Наука в правду обратила сон:
В пар, в телеграф, в фонограф, в телефон,
Познав составы звезд и жизнь бактерий.

Античный мир вел к вечным тайнам нить;
Мир новый дал уму власть над природой;
Века борьбы венчали всех свободой.

Осталось: знанье с тайной соединить.
Мы близимся к концу, и новой эре
Не заглушить стремленья к высшей сфере.

ХIV. МИРОВАЯ ВОЙНА XX ВЕКА

Не заглушить стремленья к высшей сфере
И буре той, что днесь шумит кругом!
Пусть вновь все люди — злобный враг
с врагом,
Пусть в новых душах вновь воскресли звери.

На суше, в море, в вольной атмосфере,
Везде — война, кровь, выстрелы и гром...
Рок ныне судит неземным судом
Позор республик лживых и империй!

Сквозь эту бурю истина пройдет,
Народ свободу полно обретет
И сам найдет пути к мечте столетий!

Пройдут бессильно ужасы и эти,
И Мысль взлетит размахом мощных крыл
Над буйным хаосом стихийных сил!

ХV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Над буйным хаосом стихийных сил
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.
Исканьем тайн дух человека жил,
Мощь разума распространялась в мире.

Прекрасен, светел, венчан, златокрыл,
Он встал, как царь, в торжественной
порфире.

Хоть иногда лампы Рок гасил,
Дух знания жил, скрыт в дивном эликсире.

Во все века жила, затаена,
Надежда — вскрыть все таинства природы,
К великой цели двигались народы.

Шумя, Европу обняла война...
Все ж топот армий, громы артиллерий
Не заглушат стремленья к высшей сфере.

1918

МИРОВОЙ КИНЕМАТОГРАФ

В годину бед, когда народной вере
Рок слишком много ставит испытаний, —
В безмерном зале мировых преданий
Проходят призраки былых империй,
Как ряд картин на световом экране.

По Нилу мчится барка Сына Солнца,
До неба всходят башни Вавилона,
Перс возвещает землям волю с трона, —
Но дерзко рушат рати Македонца
Престол Царя Царей и Фараона.

Выходят римляне, сурово-строги.
Под стук мечей куется их держава,
И кесарских орлов не меркнет слава.
Бегут в пустынях римские дороги,
Народы рабствуют в оковах права.

Пирует Рим, льет вина, множит яства...
Вдруг варвары, как буря, злы и дики,
Спадают с гор, крушат всё в яром крике,
И, вновь пленен мечтой миродержавства,
Свой трон в руинах ставит Карл Великий.

Потом самым пролетают в мире
Арабы, славя свой коран; монголы
Несметным сонмом топчут высь и доли...
Над царством царства вырастают шире...
Сверкает Бонапарта меч тяжелый...

Но, жив и волен, из глухих крушений
Выходит строй народов грозно-длинный:
Евреи, эллины, германцы, финны,
Славяне, персы, итальянцы — тени,
Восставшие, чтоб спеть свой гимн
старинный.

О, сколько царств, сжимавших мир!
Природа
Глядит с улыбкой на державства эти:
Нет, не цари — ее родные дети.
Пусть гибнут троны, только б дух народа,
Как феникс, ожил на костре столетий!

14 марта 1918

Слепой циклон, опустошив
Селенья и поля в отчизне,
Уходит в даль... Кто только жив,
С земли вставай для новой жизни!

Тела разбросаны вокруг...
Не время тосковать на тризне!
Свой заступ ладь, веди свой плуг, —
Пора за труд — для новой жизни!

Иной в час бури был не смел:
Что пользы в поздней укоризне?
Сзывай работать всех, кто цел, —
Готовить жатву новой жизни!

Судьба меняет часто вид,
Лукавой женщины капризней,
И ярче после гроз горит
В лазури солнце новой жизни!

На души мертвые людей
Живой водой, как в сказке, брызни:
Зови! буди! Надежды сей!
Сам верь в возможность новой жизни!

1918

Народные вожди! вы — вал, взметенный
бурей

И ветром поднятый победно в вышину.

Вкруг — неумолчный рев, крик разъяренных
фурий,

Шум яростной волны, сшибающей волну;

Вкруг — гибель кораблей: изломанные
снасти,

Обломки мачт и рей, скарб жалкий, и везде

Мельканье чьих-то тел — у темных сил

Носимых горестно на досках по воде!
во власти

И видят в грозный миг, глотая соль,
матросы,

Как вал, велик и горд, проходит мимо них,

Чтоб грудью поднятой ударить об утесы

И дальше путь пробить для вольных волн
морских!

За ним громады волн стремятся, и покорно

Они идут, куда их вал зовет итти:

То губят вместе с ним под твердью
грозно-черной,

То вместе с ним творят грядущему пути.

ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жутью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ:
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек.

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневной
Шум ее, и гул, и гам,
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

ТОВАРИЩАМ ИНТЕЛЛИГЕНТАМ

(Инвектива)

Еще недавно всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица:
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали, и вы внимали
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий.

Вам были любы — трагизм и гибель,
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа.

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы взброшены в невероятность.

Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;

Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.

В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись «бренность».
И в новых ликах, живой причудой
Пред нами реет современность.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено, в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите в вихре событий
Упитья бурей, грозно-странной,
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам.
Мечта была мила как дальность,
И только в книгах, да в лад с поэтом,
Любили вы оригинальность?

Февраль—март 1919

ТРУД

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут, —
Золотых, стальных, алмазных, —
Нет священной слова: «труд»!

Троглодит стал человеком
В тот заветный день, когда
Он сошник повел к просекам,
Начиная круг труда.

Все, что пьем мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Все довольство жизни нашей,
Все, чем красен каждый дом.

Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лет бесследный,
Все — наследие трудов!

Все искусства, знанья, книги —
Воплощенные труды!
В каждом шаге, в каждом миге
Явно видны их следы.

И на место в жизни право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам — слава,
Только им — венок в веках!

Но когда заря смеется,
Встретив позднюю звезду, —
Что за радость в душу льется
Всех, кто бодро встал к труду!

И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награжден,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершен!

1919

Я вырастал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих,
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был не нужен стих.

Но смутно слышались мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен Февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

Март 1920

РОССИИ

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукротенных бурь —
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь.

Россия! в злые дни Батыя
Кто, кто монгольскому потоку
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингизхановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений
Вдруг, ярким выкриком костра, —
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь, —

Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

1920

БУНТ

В огне ночном мне некий дух предрек:
«Что значит бунт? — Начало жизни новой.
Объято небо полосой багровой,
Кровь метит волны возмущенных рек.

Великим днем в века пройдет наш век,
Крушит он яро скрепы и основы,
Разверста даль; приять венец готовый,
В сиянье братства входит человек.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горний;
Поют, поют в земле святые корни —
Но первой жатвы не увидишь ты!»

1920

ВЕСНОЙ

Не в первый раз твои поля
Обозреваю я, Россия;
Чернеет взрытая земля,
Дрожат, клонясь, овсы тугие
И, тихо листья шевеля,
Берез извилины родные.

Вот косогор, а вон река,
За лесом — вышка колокольни;
Даль беспредельно широка,
Простор лугов, что шаг, раздольней;
Плывут неспешно облака,
Так высоко над жизнью дольней.

Вы неизменны, дали нив,
Где свежий колос нежно зреет.
Сон пашни новой, ты красив,
Тебя встающий день лелеет.
И с неба радостный призыв
Опять в весеннем ветре веет.

Да, много ты перенесла,
Россия, сумрачной невзгоды,

Пока, алея, не взошла
Заря сознания и свободы.
Но сила творчества — светла
В глубоких тайниках природы.

Нет места для сомнений тут,
Где вольны дали, глуби сини,
Где васильки во ржи цветут,
Где запах мяты и полыни,
Где от начала бодрый Труд
Был торжествующей святыней.

7 июня 1920

Пусть вечно милы посевы, скаты,
Кудрявость рощи, кресты церквей,
Что в яркой сини живут, сверкая, —
И все ж деревня, прощай, родная!
Обречена ты, обречена ты
Железным ходом судьбы своей.

Весь этот мирный, весь этот старый,
Немного грубый, тупой уклад
Померкнуть должен, как в полдень брачный,
Рассветных тучек узор прозрачный.
Уже, как громы, гудят удары,
Тараны рока твой храм дробят.

Так что ж! В грядущем прекрасней будет
Земли воскресшей живой убор.
Придут иные, те, кто могучи,
Кто плыть по воле заставят тучи,
Кто чрево пашни рождать принудят,
Кто дланью сдавят морской простор.

Я вижу — фермы под вязью кленов;
Извивы свежих цветных садов;
Разлив потоков в гранитах яркок,
Под легкой стаей моторных барок,

Лес, возвращенный на мудрых склонах,
Листвы гигантской сгущает кров.

Победно весел в блистаньи светов,
Не затененных ненужной мглой,
Труд всенародный, труд хороводный,
Работный праздник души свободной,
Меж гордых статуй, под песнь поэтов,
Подобный пляске рука с рукой.

Ступив на поле, шагнув чрез пропасть,
Послушны чутко людским умам,
В размерном гуле стучат машины,
Взрывая глыбы под взмах единый,
И, словно призрак, кидают лопасть
С земли покорной, ввысь, к облакам.

22 июля 1920

ПАРКИ В МОСКВЕ

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в октябре.

Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И, когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.

То народными пирожницами,
То крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.

Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испить,
Но они в толпе выискивали
Всей народной жизни нить.

И на площади, — мне сказывали, —
Там, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель;

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодра, легка,
И тянулась нить, рассученная
Вновь на долгие века!

5 октября 1920

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ

1917—1920

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клетки,
Нищих вали по пути;

Догоняй поезда на уклонах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожа на мешках с крупой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят.

В городах, бесфонарных, беззаборных,
Где пляшет нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,

Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай, —
Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнем опаляй!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под гром,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы новые гимны поем?

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!

Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопя над встревоженным миром
Золотую зарю времен.

Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрах, в тоске, в нищете
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;

Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой все властней, все державней
Земные ведет племена!

7 октября 1920

К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Все вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дrobiшь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! яростно прынув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседают гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток,
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий,
Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

4 декабря 1920

НАМ ПРОБА

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма,
Жизнь вокруг свистит ледяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма,

Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»

Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветер, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.

В час бури ропот — вопль измени,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь.

Строг выбор: строй, рази — иль падай!
Нам нужен — воин, кормчий, страж.
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот не наш!

Гордись, хоть миги жгли б, как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что в свете молний мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

1920

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

В дни победы, где в вихре жестоком
Все бывшее могло потонуть,
Усмотрел ты провидящим оком
Над развалом зиждительный путь.

Пусть пьянил победителей смелых
Разрушений божественный хмель,
Ты провидел, в далеких пределах,
За смятеньем конечную цель.

Стоя первым в ряду озаренном
Молодых созидателей, ты
Указал им в былом, осужденном
Дорогие навеки черты.

В ослеплении поднятый молот
Ты любовной рукой удержал,
И кумир Бельведерский, расколот,
Не повергнут на свой пьедестал.

Ты широко вскрываешь ворота
Всем, в ком трепет надежд не погиб, —
Чтоб они для великой работы
С сонмом радостным слиться могли б,

Чтоб под черными громами, в
Буре мира — века охранить
И вселенского нового храма
Адамантовый цоколь сложить!

1920

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА

Есть месяцы, отмеченные Роком
В календаре столетий. Кто сотрет
На мировых скрижалях иды марта,
Когда последний римский вольнолюбец
Тирану в грудь направил свой клинок?
Как позабыть, в холодно-мглистом полдне,
Строй дерзких, град картечи, все, что
слито

С глухим четырнадцатым декабря?
Как знамена, кровавым блеском реют
Над морем Революции Великой
Двадцатое июня, и десятый
День августа, и скорбный день брюмер.
И та же Франция явила два пыланья —
Февральской и июльской новизны.
Но выше всех над датами святыми,
Над декабрем, чем светел пятый год,
Над февралем семнадцатого года,
Сверкаешь ты, слепительный октябрь,
Преобразивший сумрачную осень
В ликующую силами весну,
Зажегший новый день над дряхлой жизнью
И, заревом немеркнувшим, победно
Нам озаривший правый путь в веках!

1920

ОДНО ЛИШЬ

Я ль не искал под бурей гибели,
Бросая киль в разрез волны,
Когда, гудя, все ветры зыбили
Вкруг черный омут глубины?

Не я ль, смеясь над жизнью старящей,
Хранил всех юных сил разбег,
Когда сребрил виски товарищей,
Губя их пыл, предсмертный снег?

Ах, много в прошлом — листья спадшие —
Друзей, любовниц, книг и снов!
Но вновь в пути мне братья младшие
Плели венки живых цветов.

За кругом круг сменив видения,
Я к новым далям страсть донес,
Пью грозы дней земных, не менее,
Чем прежде, пьян от нежных слез.

К чему ж судьбой, слепой прелестницей,
В огне и тьме я был храним
И долгих лет спиральной лестницей
В блеск молний вышел, невредим?

Одно лишь знаю: дальше к свету я
Пойду, громам нежданным рад,
Ловя все миги и не сетуя —
Отцветший час бросать назад.

9 января 1921

СЕРП И МОЛОТ

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.

Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Недаром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни
Лети за грань, в планетный холод.
Вселенский серп, сев истин жни,
Толщъ тайн дробит, вселенский молот!

Мир долго жил! Довольно жи!
Как в осень, плод поспелый золот!
В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!

Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод.
Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот.

13 мая 1921

ОКЛИКИ

ЧЕТВЕРТЫЙ ОКТЯБРЬ

Окликаю Коршуна в пустыне:
«Что летишь, озлоблен и несмел?» —
«Кончен пир мой! более не стынет
Труп за трупом там, где бой гремел».

Окликаю Волка, что поводит
Сумрачно зрачками: «Что уныл?» —
«Нет мне места на пустом заводе:
Утром колокол на нем звонил...»

Окликаю Ветер: «Почему ты
Вой ведешь на сумрачных ладах?» —
«Больше мне нельзя в годину смуты
Раздувать пожары в городах».

Окликаю Зиму: «Эй, старуха!
Что твоя повисла голова?» —
«Плохо мне! Прикончена разруха,
Всюду мне в лицо трещат дрова».

Чу! гудок фабричный! чу! зывают
Свистом, пролетая, поезда.
Красные знамена обвивают
Русь былую, словно пояса.

Что грозило, выло и рычало,
Все притихло, чуя пятый год.
Люди, люди! Это лишь начало,
Октября четвертого приход!

Из войны, из распрь и потрясений
Все мы вышли к бодрому труду;
Мы куем, справляя срок весенний,
Новой жизни новую руду.

Кто трудился, всяк на праздник прошен!
Путь вперед — роскошен и широк.
Это — зов, что в глубь столетий брошен,
Это — наше право, это — рок.

25—30 октября 1921

НАД КАРТОЙ ЕВРОПЫ 1922 г.

Встарь исчерченная карта
Блещет в красках новизны —
От былых Столбов Мелькарта
До Колхидской крутизны.

Кто зигзаги да разводы
Рисовал здесь набелó?
Словно временем на своды
Сотню трещин навело.

Или призрачны седины
Праарийских стариков,
И напрасно стяг единый
Подымался в гарь веков?

Там, где гений Александра
В общий остров единил —
Край Перикла, край Лисандра,
Царства Мидий, древний Нил?

Там, где гордость Газдрубала,
Словно молотом хрусталь.
Беспощадно разрубала
Рима пламенная сталь?

Там, где папы громоздили
Вновь на Оссу Пелион?
Там, где огненных идилий
Был творцом Наполеон?

Где мечты? Везде пределы,
Каждый с каждым снова враг;
Голубь мира поседельный
Брошен был весной в овраг.

Это — Крон седобородый
Говорит веками нам:
Суждено спясть народы
Только красным знаменам.

26 марта 1922

МИР ЭЛЕКТРОНА

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там все, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.

Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;

А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч погасил!

13 августа 1922

ЛЕСНАЯ ТЬМА

Безлюдье. Глушь. Зеленоватый
Свет. Но в тиши есть голоса:
Те, чем живут, те, чем чреватые
В июльски-жаркий день леса.

Писк птицы; стрекот насекомых;
Скрип двух стволов; да вдалеке,
Меж звуков чуждых, но знакомых,
Моторной лодки треск в реке.

Нет! чу! еще! сквозь мириады
Зеленых листьев — плащ земной —
Шум, что не ведали дриады:
Гудит пропеллер надо мной.

Не знаю, здесь, где полюс близко,
Блуждал ли древле старый Пан,
Но хищным шипом василиска
Его встревожил бы биплан.

Гуд оживленного металла
Прорезал дали; власть ума
Богов Эллады разметала,
И светит вдруг лесная тьма.

Шум листьев в сумрачном хорале
Притих; идут, смелей, грозней,
Электропуг, электротраллер,
Чудовища грядущих дней.

19 июля 1923

НЕ ПАМЯТЬ...

Как дни тревожит сон вчерашний,
Не память — зов, хмельней вина,
Зовет в поля, где комья пашни
Бьет в плуг, цепляясь, целина.

Рука гудит наследьем кровным —
Сев разметать, в ладонь собрав;
Цеп над снопом обрушить; ровным
Размахом срезать роскошь трав.

Во мне вдруг вздрогнет доля деда,
Кто вел соху под барский бич...
И (клич сквозь ночь!) я снова, где-то,
Все тот же старый костромич.

И с солнцем тают (радуг льдины)
Витражи стран, кулисы книг:
Идет вдоль всей земли единый,
Русь, твой синеющий сошник!

Мужичья Русь! там, вне заводов,
Без фабрик, — обреченный край,
Где кроет бор под бурей сводов,
Где домовый прет спать в сарай!

Как ты в мечты стучишь огнивом!
Не память — зов, хмельней вина,
К стогам снегов, к весенним нивам,
Где с Волгой делит дол Двина!

30 сентября 1923

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ „МЕДНОГО ВСАДНИКА“

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом;
Дождь мелкий моросил; туман
Все облекал в плащ затрапезный.
Все тот же медный великан,
Топча змею, скакал над бездной.

Там, у ограды, преклонен,
Громадой камня отенен,
Стоял он. Мыслей вихрь слепящий
Летел, взвивая ряд картин —
Надежд, падений и годин.
Вот — вечер; тот же город спящий,
Здесь двое под одним плащом
Стоят, кропимые дождем,
Укрыты сумрачным гранитом,
Спиной к приподнятым копытам.
Как тесно руки двух слиты!
Вольнолюбивые мечты
Спешат признаньями меняться;
Встает в грядущем день, когда
Народы мира — навсегда
В одну семью соединятся.

Но годы шли. Другой не тут.
И рати царские метут
Литвы мятежной прах кровавый
Под грозный зов его стихов.
И заглушат ли гулы славы
Вопль здесь встающих голосов,
Где первой вольности предтечи
Легли под взрывами картечи!
Иль слабый стон, каким душа
Вильгельма плачет с Иртыша!
А тот же, пристально-суровый
Гигант, взнесенный на скале!
Ужасен ты в окрестной мгле,
Ты, демон площади Петровой!
Виденье призрачных сибилл,
В змею — коня копыта вбил,
Уздой железной взвил Россию,
Чтоб двух племен гнев, стыд и страх,
Как укрощенную стихию,
Праправнук мог топтать во прах!

Он поднял взор. Его чело
К решетке холодной прилегло,
И мыслей вихрь вскрутился, черный,
Зубцами молний искривлен.
«Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебе!» — так думал он.
И сквозь безумное мечтанье,
Как будто грома грохотанье,
Он слышит топот роковой.
Уже пуста была ограда;
Уже скакал по камням града,

Над мутно плещущей Невой,
С рукой простертой Всадник Медный...
Куда он мчал слепой порыв?
И, исполину путь закрыв,
С лучом рассвета бело-бледный,
Стоял в веках Евгений бедный.

28 октября 1923

МАГИСТРАЛЬ

Были лемуры, атланты и прочие...
Были Египты, Эллады и Рим...
Варвары, грузы империй ворочая,
Лишь наводили на мир новый грим...

Карты пестрели потом под феодами,
Чтоб королям клочья стран собирать...
Рушились троны и крепли... И одами
Славили музы борьбу, рать на рать...

Царства плотились в союзы, в империи,
Башнями строя штыки в высоту...
Новый бой шел за земные артерии...
Азию, Африку, всё — под пята!

Труд поникал у машин и над нивами...
Армии шли — убивать, умирать...
Кто-то, чтоб взять всю добычу, ленивыми
Пальцами двигал борьбу, рать на рать.

Было так, длилось под разными флагами,
С Семирамиды до Пуанкаре...
Кто-то, засев властелином над благами,
Тесно сжимал роковое каре.

Небо сияло над гордыми, зваными...
Жизнь миллионов плелась в их руках...
Но — ветер взвыл над людскими саваннами,
Буря, что издавна тлела в веках!

И грань легла меж прошлым и грядущим,
Отмечена там, где-то, дата дат:
Из гроз последних лет пред миром ждущим
Под красным стягом встал иной солдат.

Мир раскололся на две половины:
Они и мы! Мы — юны, скудны, — но
В века скользим с могуществом лавины,
И шар земной сплотить нам суждено!

Союз Республик! В новой магистрали
Сольют свой путь все племена Европ,
Америк, Азий, Африк и Австралий,
Чтоб скрыть в цветах былых столетий гроб.

20—25 января 1924

НА СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был Ленин!
Кто громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»

Сюда, под знаменем Советов,
Борцы из армии Труда!
Пусть умер он: его заветов
Мы не забудем никогда!

Он повел нас в последний
И решительный бой,
И к победе мы, Ленин,
Смело шли за тобой!
Мысль твоя твердо знала,
Где наш путь и какой:

С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Мы стали вольны, стали сильны,
Нас к торжеству ведет судьба,
И мы кладем на прах могильный
Борца — его призыв: Борьба!

Он громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»
Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был Ленин!

22 января 1924

ЛЕНИН

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний смякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: Ленин
На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

25 января 1924

ПОСЛЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА

Не только здесь, у стен Кремля,
Где сотням тысяч — страшны, странны
Дни без вождя! нет, вся земля,
Материки, народы, страны,

От тропиков по пояс льда,
По всем кривым меридианам,
Все роты в армии труда,
Разрозненные океаном,

В тревоге ждут, что будет впредь,
И, может быть, иной — отчаян:
Кто поведет? Кому гореть,
Путь к новой жизни намечая?

Товарищи! Но кто был он?
Воль миллионных воплощенье!
Веков закрученный циклон!
Надежд земных осуществленье!

Пусть эти воли не сдадут!
Пусть этот вихрь все так же давит!
Они нас к цели доведут,
С пути не сбиться нас — заставят!

Но не умалим дела дел!
Завета трудного не сузим!
Как он в грядущее глядел,
Так мир сплотим и осоюзим!

Нет «революций», есть — одна:
Преображенная планета!
Мир всех трудящихся! И эта
Задача — им нам задана.

28 января 1924

ПЕРЕВОДЫ

Народные песни

ВОЕННАЯ ЭРЗЕРУМСКАЯ ПЕСНЯ

Поднялся крик с огромных гор, где дремлет
Эрзерум,
Сердца армян потрясены, заслышав бранный
шум.

Крестьянин, знавший до того лишь ремесло
свое,
Бросает старое село, держа в руке ружье.

Старик, на посох опершись, с слезами
крестит лоб.
«Свободной родину узреть, а там хотя б
и в гроб»,

Ласкаясь, женщины мужьям сурово говорят:
«Ступай, сражайся и без ран не приходи
назад!»

И девам легкая их жизнь отныне тяжела, —
Они торопят женихов на славные дела.

Рыдала слишком долго ты, о мать,
Айастан!
Пусть голодны твои сыны, но бодр их
бранный стан.

В объятия их свои прими, прижми к груди
своей,
Свои священные поля их кровью отогрей!

НОКТЮРН

Луна нежна, ветер нежен,
И сон земледелов нежен;
Луна высоко взошла,
И голос свирели нежен;
Пастух распустил быков,
И сон под чинарой нежен;
Прохлада веет в листве,
И ветер приморский нежен;
По камням ручей журчит,
И говор струй его нежен;
Все птички по гнездам спят,
Но свист соловья так нежен;
Как сладко пахнет в лесу:
То запах розы так нежен!

Из них ты делаешь вельмож, их ты доводишь
до венца,
И шлешь по горам и полям бродить за
хлебом мудреца,

Теперь еще труднее нам, когда Татарин сел
на трон,
Всех обделил он и воров поставил господами
он.
Но ты ни с кем ведь не родня: вновь
повернется ось времен,
Ударишь ты, и нет царя, исчезнет он, как
утром сон.

Как верить, Колесо, тебе, ведь ты
не любишь никого!
Нет правды у тебя, нет клятв, нет совести,
нет ничего!
Сегодня возведешь на трон, а завтра
сокрушишь его,
Повергнешь в пепл и в прах, лишишь —
честей, короны и всего.

Лишь, исподобия взглянув, Судьба хребет
свой повернет. —
Что тут бумага, что перо иль даже
всадников сто сот!

Все терпят: от пинков Судьбы и царь
спины не сбережет.
Не сдержишь стрелами тебя и полетишь на
дно с высот!

Судья неправедный! зачем ты правый
презираешь суд?
Ты с правым во вражде всегда, а твой
любимец — вор иль плут.
Ошибки чаще ты творишь, Судьба, чем
на земле весь люд.
Ты землю, море, небо, все — заворачиваешь
в пять минут.

Невежда пред тобой велик, а мудрый
головой поник.
И, что крутом ты не права, какой
не вымолвит язык!
Но, слышу, мне Судьба в ответ: «Не лай,
как пес, пустой старик,
С тех пор, как я — Судьба, никто еще
не лгал, как этот Фрик!»

— Моя судьба, меня ты бьешь, ты — мой
 неправедный судья,
Но вспомни, что от бога все, и власть его,
 а не моя! —
Судьба еще: «Величит бог как бедняка, так
 и царя,
Хоть я — Судьба, но вот тебе дать ничего
 нечестно мне!»

Бог повелит — ты будешь царь, я посажу
тебя в чертог,
Бог не велит — и будешь ты скитаться
нищим вдоль дорог».
— Судьба, я замолкаю: все — прекрасно,
что дозволил бог,
Но нашим по грехам, порой Армянский
к нам создатель строг.

И о а н н Е р з ы н к а й с к и й

* * *

Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз
влечет судьба;
Верх падает, и вновь ему взнестись
настанет череда.
Так плотник мастерит равно и колыбели
и гроба:
Приходит сей, уходит тот, а он работает
всегда.

* * *

Язык для речи служит нам: речь
праведных — что злата звон;
Бог людям дал один язык, язык у змия —
раздвоен.
И у кого два языка, один — колюч,
другой — червлен,
Становится сродни змее и всеми
ненавидим он.

О в а н е с

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Я гибну! Сжался надо мной! Любовь
сказала: умирай!
Возьми же заступ золотой и мне могилу
ископай.

Пусть на костре сожгут меня: душа, стена,
взлетит огнем.
Кто не знал сего огня? И сушь и зелень
гибнет в нем.

Мой бедный прах вином омыв, пускай певец
над ним споет,
Как в саван, в листья положив, в саду
весеннем погребет.

Жестокая! Глаза твои — учить могли бы
палачей,
Ты всех влечешь в тюрьму любви,
и бойня — камни перед ней!

О! сердце ты мое сожгла, чтоб углем
брови подвести.
О! кровь мою ты пролила, чтоб алый сок
для ног найти.

Кидайте яблоки в меня! Я нежным ранен
языком,
Я пленник твой! Мой дух, пьяня, ты поишь
сладостным вином.

Мне нынче ночью снился сон, что на куски
я разнесен:
Зверье сосало кровь мою, мой труп
достался воронью.

Льва надо мной зияла пасть; и все
струилась кровь моя...
Твоя искала крови страсть, — являйся,
жажды не тая.

Землей, что топчет удалец, клянусь: во мне
душа — одна!
Меня сожгла ты! Наконец, пей кровь мою,
взамен вина!

С моей главы на сердце вдруг упали клубы
черных туч.
Желчь разлилась, туман вокруг, а слез
поток — кровав и жгуч.

Медленна годов в мире череда.
Да услышит бог, растворит врата!
Жизнь хариба — грусть, взор — в слезах
всегда.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Боже! пожалей, кто живет изгнан!
Грудь хариба — скорбь, сердце — полно ран,
Хлеб, что ест он, — желчь, ключ,
что пьет, — поган...
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Праздников мне нет, будни — день за днем!
Вертелом пронзен, я сожжен огнем.
Но не память жжет: память о былом!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

От Багдада путь до границ далек!
Вот, возьми письмо, я даю в залог, —
Верности твоей будь порукой бог:
Ты снеси, доставь милым мой залог.

Я пишу в письме, что мой свет погас,
Что ни в ночь, ни днем не открыть мне
глаз,
Что я здесь томлюсь, милые, по вас!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?

Осень настает... Что же! поспешай!
Стаю ты собрал меж бессчетных стай;
Не ответив, ты улетел в наш край...
Крунк! из этих мест скройся, улетай!

**ИЗ ПОЭМЫ
„СМЕРТЬ ХРАБРОГО ВАРДАНА
МАМИКОНЯНА“**

И теперь нам молчать, о друзья, и теперь,
Когда враг нас терзает, как яростный зверь,
Прямо в грудь направляет свой меч роковой,
Не смущаясь рыданием и скорбной мольбой?
О братья-армяне! пора отвечать:
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Захватил ухищреньем наш отчий очаг,
Имя Гайка низверг, что блистало в былом,
И, великий в веках, обесчестил Торгом!
Лишил языка, отнял скипетр и рать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Отнял меч-оборону, унизив наш стяг,
У работников плуг вырвал дерзко из рук,
Переделал на цепи тот меч и тот плуг?
О горе! в плену мы должны изнывать!
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Поднимая оружие, как гибельный знак,
Нас таить заставляет рыдания невзгод,
То, что душу гнетет, нам сказать не дает?
Чтоб плакать, где свой нам Евфрат
отыскать?

И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Совершая с надменностью каждый свой шаг,
Голос правды в душе у себя заглушив,
Гонит нас из страны, от родных наших нив?
Скитальцам, нам некуда, братья, бежать!
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг,
Равнодушно взирая на толпы бродяг,
Нагло руку простер и, преступно глумясь,
Оборвал между братьев последнюю связь?
Так близко погибель армян! Что начать?
И ныне молчать?

И теперь нам молчать, когда яростный враг
Нас лишает последних, божественных благ?
Нашу церковь гнетет, чтоб сломить нас
верней,
Волка в шкуре овечьей поставив над ней?
Нет храмов, где б нам принимать благодать!
И ныне молчать?

* * *

Ребенка святой колыбелью клянусь
И светлой святыней отцовского гроба!
Крещеньем в священной купели клянусь,
Родимой, мне жизнь подарившей, утробой!

Свидетелем будь мне гора Арарат,
Что встала в веках пьедесталом ковчега,
И ты, о Аракса живой водопад,
Что мать-Айастан орошаешь с разбега!

И вы, о строители царства армян,
Храните свидетельство клятвы безгрешной:
Саак, и Мэсроп, и Хэвонд, и Вартан,
Ашот милосердный, Гагик неутешный!

Все отдал тебе я, народ мой родной:
Жизнь, радость, богатство — во имя обета!
И только любовь остается со мной...
Но, если так надо, возьмите и это!

Петрос Дурьян

МОЯ СМЕРТЬ

Если смерти ангел бледный
Мне предстанет, взор склонив,
Светет скорбь рукой победной —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если светом бледным свечи,
Ложь смерти озарив,
Мне зальют лицо и плечи —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если друг, в слезах, быть может,
Льдистым саваном обвив,
В черный гроб меня положит —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если колокол застонет —
Смерти смех, ее призыв,
И мой гроб в толпе потонет —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если близкие, с рыданием
Гроб в могилу опустив,

Не промедлят с расставаньем —
Знайте: я, как прежде, жив!

Если ж та могила станет
Всем чужой и навсегда
Память обо мне увянет —
Знайте, что я — мертв тогда!

* * *

Близ океана голубого,
Где блещут золотом пески,
Когда в золе, покрывшей снова
Весь пепел грез, тех роз тоски,
Зари засветятся огни,
Мою любовь ты вспомяни!

Когда опять в листве зеленой,
Чью тень любили мы с тобой,
Где часто, в час замороженный,
Сердце мы пили сладкий зной,
Лист дрогнет, как в былые дни,
Мои признанья вспомяни!

И утром, на заре весенней,
Когда простор и ал и чист,
Иди в поля, в простор цветений,
Смотри, где сух, где зелен лист...
Вдруг птичка запоеет в тени:
Мои мечты ты вспомяни!

Чамлы-Чая взойди на кручи,
Иль на уступ Бахлар-Баши:

Мы любовались там на тучи,
Мы там блуждали — две души!
Зефир шепнет тебе «усни»!
Мою судьбу ты вспомяни!

Когда ночь летняя приветит
Тебя, звездиста и чиста,
И, как фонарь, луна засветит,
Чтоб озарить твой путь к Мота,
Былым мечтам не измени,
Мою печаль ты вспомяни!

Когда посмотришь ты, угрюмый,
На черноликий небосвод,
И сдавят сумрачные думы
Твое чело и взор, как гнет,
Ударит колокол... Вздохни
И смерть мою ты вспомяни!

РОПОТЫ

Прощайте, бог и солнце, — мир лучей,
Горящий знойно над душой моей!
Собой умножу в небесах огни.
Что звезды? Не проклятье ли они
Несчастных, неповинных душ, чело
Браздящих неба, горько и светло?
О, ружья огненные бога! вы
Основы молний, перлы синевы!

Что я сказал? Испепели меня,
Разбей, о боже! Атом жалкий, я
Осмелился стремиться к небесам!
Желал взнестись к божественным огням!
Молюсь тебе, о боже, в дрожи мук,
Цветение и луч, волна и звук,
О, снявший розу с моего чела,
Огонь — с очей, с уст — трепет, блеск —
с крыла!

Ты сердцу вздохи дал и взорам — тьму,
Сказал, что в Смерти я тебя пойму.
За гробом жизнь, о верю, для меня
Ты сохранил: молитв, цветов, огня!
А если мне исчезнуть суждено,

Беззвучно, безответно пасть на дно, —
Дай бледной молнией теперь же стать,
Над именем твоим восстав, кричать,
Что ты — «бог мести», впиться в грудь
твоею
Проклятием, подобно острию!

Ах, я дрожу, я бледен, я заклят,
Во мне вся внутренность кипит, как ад...
Меж стонов кипарисов черный вздох,
Я — лист осенний, что поблек, иссох.
Мне искру дайте, искру, чтобы жить!
Как после грез холодный гроб взлюбить?
О боже, как судьба моя черна!
Могильной сажеей вписана она.
О, влей хоть каплю пламени в нее!
Я жить хочу, хочу любить еще...
Мне в душу падайте, огни небес,
Чтоб ваш любовник горестный воскрес!

Весна челу ни розы не дает,
Ни луч с небес улыбкой не скользнет:
Ночь — гроб мой; звезды — факелы; уныл,
Блуждает месяц, плача, средь могил.
Для тех, над кем никто не сронит слез,
Ты этот месяц в небеса вознес.
Кто к смерти близки, все же нужны тем
Сначала — жизнь, и плакальщик затем.
Писали тщетно звезды мне: «Любовь!»
Пел тщетно соловей: «Люби же вновь!»
Твердили тщетно ветры о любви
И отражали ясный лик ручьи!

Напрасно лес при мне был молчалив,
Молчали листья, тайну затаив,
Чтоб не смутить мечты святой моей,
Напрасно я всегда мечтал об ней,
Напрасно вы, весенние цветы,
Струили ладан на мои мечты!
Нет, все смеялось в злобе торжества,
И этот мир — насмешка божества!

Иоаннес Иоаннисян

* * *

Все вперед! все наверх! бесконечен мой
Истомилися руки, о, где же конец? путь,
Где удастся коленам моим отдохнуть?
Все вперед, все наверх, непреклонный боец!

Пусть твердеют уступы нахмуренных гор,
Пусть грозней предвещают стремнины —
Есть дыханье в груди, и ногам есть упор, конец,
Все вперед, все наверх, неустанный боец.

Пусть далеко вершина, светла и чиста,
Пусть еще не сегодня страданьям конец,
Завтра будет наверно победа взята.
Все вперед, все наверх, вдохновенный боец!

ЦАРЬ АРТАВАЗД

Легенда

Бей молотом по наковальне, кузнец!
Бей молотом: звенья да крепнут цепей!
Врага ненавистного звенья цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!

Угрюмые тучи пришли, собрались;
Седого Масиса чело облекли.
И буря ревет, словно звери сошлись,
Свистит, стонет, буйствует ветер вдали.

Бей молотом! Дикий рев повторя,
Ужасные вопли из бездны звучат;
И молния блещет со взоров царя,
И искры от гнева высоко летят!

Он, мстительный, хочет вернуться опять,
Чтоб яд смертоносный страданий своих
По лону земли без конца разливать, —
Но крепко он стиснут в цепях роковых

Пусть верные псы те оковы грызут,
Грызут беспрестанно оковы царя, —

Страдания твои, Артавазд, не пройдут,
Последняя в мире — далеко заря!

Твоей обессиленной злобы порыв
Под молотом нашим опять упадет!
Мы верим: наш край еще будет счастлив,
И грешный народ еще благо найдет!

Но, если будем подобны камням,
Расслышать не сможем призывов души, —
Спасенья купель не откроется нам:
Наш молот тогда, Артавазд, сокруши!

Когда перестанем мы молотом бить, —
Вы, псы, разгрызите железо оков:
Пора наступила — царя отпустить,
Он ринется в мир, и жесток и суров...

Но нет! не пришла роковая пора!
Нам с нового неба затеплился свет!
То — радуги, в семь переливов, игра:
Свободной и светлой судьбины завет!

Бей молотом, бей неустанно, кузнец!
Бей молотом, звенья да крепнут цепей!
Царя ненавистного тяжесть цепей!
Бей молотом по наковальне, кузнец!

Александр Цатурян

РЫБАК

«**Ч**то ты спешишь к волне ревучей,
Рыбак! Где у тебя глаза?
Смотри: чернея, всходят тучи
На голубые небеса.

Чу! гром вдали грохочет строго,
Весь кругозор сурово дик.
Смотри: и море понемногу
Наморщило свой ясный лик!»

— Эх, барин! Не велико горе!
Ведь берег — колыбель моя.
Все детство я провел на море,
Дарами моря вскормлен я.

Пусть много сердце повстречало
На море бурь, как в жизни бед:
Меня волна, как мать, качала,
И в море нового мне нет.

Отец был у меня, — в пучине
Погиб, в глухую ночь пропал;
Все братья спят под зыбью синей,
Друзей пожрал сердитый вал.

Жизнь хороша. Но с Роком споря,
Зачем от смерти убегать?
Нам хлеб дают просторы моря,
И в море будет сладко спать! —

Сказал, и смело весла двинул,
Направил, с громкой песней, челн,
И малой точкой в далях сгинул,
Рубя громады черных волн.

В а а н Т е р њ я н

* * *

Скользкой стопой, словно нежным крылом
шелестя темноты,
Прошла чья-то тень, обледев во мгле трав
белеющий цвет;
Вечерней порой — легковесный вздох, что
ласкает кусты, —
Виденье прошло, женский призрак мелькнул,
белым флером одет.

В пустынный простор бесконечных полей
 прошептала она, —
Не слово ль любви прошептала она
 задремавшим полям?
Остался в цветах этот шопот навек, словно
 отзвуки сна,
И, шопот лоя, этот шопот святой,
 я склоняюсь к цветам!

* * *

Опять спустилась ночь, опять! и снова
Ты — одинока, ты — обнажена,
Во власти ты смущения больного,
И страхом, страхом снова ты полна!

Как лист, встречая ветер предосенний,
Трепещешь ты, как стебель камыша,
Ты пред собой сама без сил, без
охранений,
Ты пред собой сама, — моя душа!

* * *

У жель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?
Сон или смерть — та скорбь твоя,
О светлая страна Наири?

Во мгле, бездомный, я поник,
Томясь мечтой об осиянной,
И лишь твой царственный язык
Звучит молитвой неустанной.

Звучит, и светел и глубок,
Жжет и наносит сердцу раны.
Что ярче: розы ли цветок
Иль кровь из сердца, ток багряный?

И стонет, в страхе, мысль моя:
«О, воссияй, мечта, Наири!
Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?»

А в е т и к И с а а к я н

* * *

Сорванную розу ветке не вернуть,
Мигом миновавшим снова не вздохнуть.

Что пережила ты — все во сне, в тумане,
И любовь и горе — тень воспоминаний.

Сохраняй же чистым сердце, доброй будь,
Чтоб на память жизни не осела муть,

Не спеши... Смерть глянет поздно или
рано...
Все пройдет бесследно: сны и мгла тумана!

* * *

Безвестна, безымянна, позабыта
Могила есть в безжизненной степи.
— Чей пепел тлеет под плитой разбитой,
Кто, плача, здесь молился: «Мирно спи!»

Немой стопой столетия проходят;
Вновь жаворонка песнь беспечна днем,
Вновь ветер волны травяные водит...
— Кем был любим он? кто мечтал об нем?

Ян Райнис

СОСНЫ

Ряд сосен царственных гроза сломила,
На дюнах вставших, над прибоем вод.
Смотрели гордо сосны в небосвод.
Склонять стволы им нестерпимо было!

«Ты нас сломила, вражеская сила!
Но мы отмстить сумеем в свой черед.
Наш вздох последний о вражде поет,
И в каждой ветке ненависть почил!»

И сосны выплыли в простор зыбей
Свободной стаей гордых кораблей,
Их груди смело мчатся против бури.

И закипает вновь с грозой борьба:
«Бушуй, безумствуй, грозная Судьба,
Мы все ж пробьемся к областям лазури!»

СТАНЬ ТВЕРДОЙ, МЫСЛЬ!

Стань твердой, мысль!
Стань зычным, слово!
Стань наковальней, мысль!
Стань колоколом, слово!

Тьмы кузнецов тебя куют века:
Ковач великий, беспощадный голод,
Всею тяжестью обрушивает молот,
А скромным сонмом бьют исподтишка,
Со стороны, и сгорблены и седы,
Старухи-сестры, маленькие беды.

Стань твердой, мысль!
Стань зычным, слово!

В горниле мук белей раскалено,
Закалено огнем и сожжено!
Мехи вздувают пламя неуклонно,
Тебя палят неистовым огнем,
Толкают в самый жар, сжимают в нем
Давленьем атмосферы раскаленной.
Стань рассекающим мечом!

Стань острой, мысль
Стань грозным, слово!

Стань чуждым ржавчине клинком из стали,
Чтоб гражданин мог смело взять тебя,
Чтоб ты сверкало, камни стен дробя,
Чтоб цепи пред тобой и брони пали!

Стань острой, мысль!
Стань грозным, слово!

ДУМЫ ВЕСНОЙ

Все пало, завяло, зарыто в земле,
Я — гибнущий в ужасе, в тайне, во мгле.

Что делать? Сжать губы и жизнь дотянуть,
Пока еще дышит усталая грудь.

Что делать? Сжать зубы, терпеть и терпеть!
И пусть все надежды должны умереть.

Пусть падают руки и сил уже нет, —
В глубинах из мрака рождается свет.

В ГОРАХ

За годом год, все глубже ты отметишь,
Как одинок ты! Отойдут друзья.
Лишь изредка в пути родного встретишь
Иль стебелек сорвет рука твоя.

Потом и то исчезнет... На вершинах
Замрет душа в безмолвии глухом...
Ты отдыха не обрешь на льдинах.

Но будет все ж — под ледяным щитом —
Тоска земли в тебе пылать огнем.

ЗЕРНА МЕЖ ЖЕРНОВОВ

Прекрасные мечты ночей бессонных,
Заветы, идеалы, сердца зов, —
Все мелется меж мигов обыденных,
Как зерна меж тяжелых жерновов.

ВОЛЧЬЯ БЕРЛОГА

Как волк сжился с своей берлогой
И без нее не хочет жить,
Так память повторяет строго
Все то, что жаждешь ты забыть.

Идешь ты к скалам и к стремнинам...
Ты разве их не избегал?
И внемлешь бурям и пучинам,
Как прежде столько раз внимал.

Себя повсюду узнаешь ты,
Бежишь к берлоге без следа... \
Когда-нибудь в нее войдешь ты,
Чтоб в ней остаться навсегда!

НОВАЯ СИЛА

Разрушить это тело — в вашей власти,
Мой стан согнуть и кости сокрушить,
Лучи огней бездремных потушить
И, по суду, суставы рвать на части;
Во власти пытками и дух терзать,
Пока застонет он от мук суровых,
Чтоб скорбь свою страдальцам передать...
Но дух — не ваш! И преданный оковам,
Свободен, он восстанет с солнцем новым!

Джордж - Гордон Байрон

ХОЧУ Я БЫТЬ РЕБЕНКОМ ВОЛЬНЫМ

Хочу я быть ребенком вольным
И снова жить в родных горах,
Скитаться по лесам раздольным,
Качаться на морских волнах.
Не сжиться мне душой свободной
С саксонской пышной суетой!
Милее мне — над зыбью водной
Утес, в который бьет прибой!

Судьба! возьми назад щедроты
И титул, что в веках звучит!
Жить меж рабов — мне нет охоты,
Их руки пожимать мне стыд!
Верни мне край мой одичалый,
Где знал я грезы ранних лет,
Где реву Океана — скалы
Шлют свой бестрепетный ответ!

О! я не стар! Но мир, бесспорно,
Был сотворен не для меня!
Зачем же скрыты тенью черной
Приметы рокового дня?

Мне прежде снился сон прекрасный,
Виденье дивной красоты...
Действительность! ты речью властной
Разогнала мои мечты.

Кто был мне друг — в краю далеком,
Кого любил — тех нет со мной.
Уныло в сердце одиноком,
Когда надежд исчезнет рой!
Порой над чашами веселья
Забудусь я на краткий срок...
Но что мгновенный бред похмелья!
Я сердцем, сердцем — одинок!

Как глупо слушать рассужденья,
О, не друзей и не врагов!
Тех, кто по прихоти рожденья
Стал сотоварищем пиров.
Верните мне друзей заветных,
Деливших трепет юных дум,
И брошу оргий дорассветных
Я блеск пустой и праздный шум.

А женщина!.. Тебя считал я
Надеждой! утешеньем! всем!
Каким же мертвым камнем стал я,
Когда твой лик для сердца нем!
Дары судьбы, ее пристрастия,
Весь этот праздник без конца
Я отдал бы за каплю счастья,
Что знают чистые сердца!

Я изнемог от мук веселья,
Мне ненавистен род людской,
И жаждет грудь моя ущелья,
Где мгла нависнет над душой!
Когда б я мог, расправив крылья,
Как голубь к радостям гнезда,
Умчаться в небо без усилия,
Прочь, прочь от жизни — навсегда!

КОГДА Я, КАК ГОРЕЦ...

Когда я, как горец, бродил по вершинам,
О Морвен, топтал твою снежную высь,
И мимо потоки сбегали к долинам,
И тучи внизу подо мною неслись, —
В душе, не отравленной знаньями, смелой,
Суровой, как гор мне родные хребты,
Одно только чувство упорно горело:
О милая Мери, мне помнилась — ты!

Любви в эти дни я не знал и названья...
Ребенка ли сердцу испытывать страсть?
Но снова в груди моей то же страданье,
И чувствам былым отдаюсь я во власть!
Любил свои хмурые скалы тогда я,
К иной красоте не стремились мечты,
Я жил, упоен, ничего не желая,
Чисты были грезы, и в них была — ты!

На заре я вставал, и с собакой все дни я
Со скалы на скалу между гор кочевал;
Иль грудью боролся я с волнами Дия,
А пастуший рожок издалека взывал.

Когда ж я дремал за случайным порогом,
Твой образ, о Мери, слетал с высоты,
И дух мой в восторге склонялся пред богом,
И к первой молитве влекла меня — ты!

Я покинул мой дом, и виденье уплыло,
И горы исчезли, и юности нет,
И, в роде последний, я вяну уныло:
Все счастье мне — память промчавшихся
лет!

Пусть роскошнее жизнь, но невесело жить
мне,
И больше я знаю в былом красоты;
Хоть погибли надежды, но их не забыть мне,
Хоть и холодно сердце, но все же
в нем — ты!

Увижу ли холм, до туч восстающий,
Вспоминаю Кольбин, великана меж гор,
Увижу ли взор я лазурный, зовущий,
Вспоминаю, о Мери, твой благостный
взор!

Мне встретятся ль локоны с ясным отливом,
Вспоминаю твои неземные черты,
Золотистые кудри над ликом стыдливым,
Эти кудри, какими владеешь лишь ты!

Быть может, опять дни свиданья настанут,
И горы, одетые снежным плащом,
Все те же, как прежде, пред взорами
встанут, —
Но встретит ли Мери меня, как в былом?

О нет! Так расстанусь я с Морвеном снова!
Прощайте навек, снеговые хребты!
Я в долинах родных не найду себе крова:
Мне родина, Мери, там только, где ты!

Виктор Гюго

ПИСАНО В 1853 г.

О родина! когда без силы
Ты пред тираном пала ниц,
Раздастся песня из могилы —
В ответ на стоны из темниц!

Изгнанник, стану я у моря,
Как черный призрак на скале,
И, с гулом волн прибрежных споря,
Мой голос зазвучит во мгле;

И эти яростные звуки
Вокруг сиянье разольют,
Как чьи-то пламенные руки
Мечами сумрак рассекут;

Как громы, грянут на колонны,
На глыбы неподвижных гор,
Чтоб, светом молний озаренный,
Затрепетал тревожно бор;

Как некий колокол гудящий,
Угрюмых воронов вспугнут
И на могилах стебель спящий
Дыханьем вещим шелохнут!

Я крикну: «Горе беззаконным!
Насильники, убийцы — вам!»
И воззову я к душам сонным,
Как вождь к смутившимся бойцам.

И верю: откликами встретят
Набат моих суровых слов.
Когда ж живые не ответят,
Восстанут мертвые на зов!

ПЕСЕНКА

Бог с дьяволом однажды
Играли в карты. Каждый
По ставке нá кон дал.
Бог, открывая карты,
Поставил Бонапарта,
Чорт — Пия показал.
Один — аббатик бедный,
Другой — худой и бледный,
Бесправный претендент...
Что жалче этих ставок?
Обоих их, вдобавок,
Чорт выиграл в момент!
«Бери! — сказал создатель. —
На что мне их, приятель?»
Чорт возразил: «Постой!»
И стал на зло препонам
Один — Наполеоном,
А папой стал другой.

Джерсей, июль, 1853

ВЕЧЕР

Полнеба сумраком объято.
Присев у двери, как всегда,
Любуюсь я, как луч заката
Святит последний луч труда.

Там, где поля омыты мглами, —
Лохмотья старика; смущен,
Я вижу: в борозды горстями
Грядущий сев бросает он.

Высоким черным очертаньем
Царя над глубиной полей,
С каким спокойным упованьем
Он ждет благого бега дней:

Идет средь сумрака пустого,
Вперед, назад; найдя межу,
Бросает горсть, уходит снова...
Свидетель темный, я слежу.

А тень, раскидывая крылья,
Величит образ старика,
И кажется, что без усилия
До звезд взнёслась его рука.

ОКЕАН

(Отрывок)

Лады, чьи подняты ветрила,
Плывут, куда Судьба судила
И Рок слепой.

О кормы их стучатся волны,
И дует ветер грудью полной
В их легкий рой.

Рассеявшись в степи огромной,
Лот опускают в вероломный
Покой валов;
Хотя есть карты водной шири,
Летят, куда летят четыре
Орла ветров.

Плывем, — так шепчут бригадины, —
Мы — к Гибралтару, мы — в Афины,
Мы — в Тафилет.
Плывем, — так говорят матросы, —
На Мальту, где прозрачны росы
И нежен свет.

Плывем, — нам скажут капитаны, —
Мы — в Индию, в чужие страны,
 Мы — в Тетуан,
На Кипр, где солнце ярко светит...
— И в страны мертвецов! — ответит
 Им Океан.

КО ДНЮ ВОЗВРАЩЕНИЯ ВО ФРАНЦИЮ

Кто в дни, когда и бог ответа не найдет
На все вопросы,
Укажет, — в свет иль мрак свершат свой
поворот
Судьбы колеса?

К чему нас поведут, о Рок, твои труды?
Позорно-черный
Прольется ль мрак на мир, иль утренней
звезды
Луч животворный?

Мне разом видятся вдали — добро и зло:
Достойны были
Аустерлица мы, но также Ватерлоо
Мы заслужили!

Париж! в тебя, мечтам священная страна,
Вернусь я смело:
Я душу приношу изгнанника: она
Всегда горела.

Не встать в ряды бойцов упорных в этот
час

Мне было б стыдно:
Извне грозит нам тигр, а изнутри на нас
Шипит ехидна.

И в дни, когда померк наш чистый идеал, —
Пред вражьи́м строем,
Кто чересчур велик, чтоб пасть? иль
слишком мал,
Чтоб стать героем?

Когда, грозя войной, зажглась угрюмо
твердь
Зарей кровавой
И встретить впереди нас может только —
смерть
Иль только слава;

Когда — повсюду кровь, когда вот-вот —
в огне
Дома займутся,
Когда трусы дрожат, бегут, я вижу: мне
Пора вернуться!

Когда надменно враг с границ готов
грозить,
Скажу я смело:
Я власти не ищу; опасности делить
Хочу всецело!

Враг! Не вчера ли он, как гость, входил
в наш дом?

Везде — измена!
Позволь, о родина! мне пред твоим грехом
Пасть на колена!

Твой сын, я не могу во дни кошмарных снов
Быть одиноким:
И обличу врагов, их сумрачных орлов —
Стихом жестоким!

Покрытая стыдом, повергнута во прах,
Ты все ж — святая!
Твой след я целовать хочу с огнем в очах,
Дрожа, рыдая!

Когда, в чаду побед, плясала ты, пьяна,
С бесстыдным смехом,
И пела, веря в ложь, на миг ослеплена
Своим успехом,

И шум твоих пиров катился, как поток,
До граней мира, —
Париж покинул я, как сумрачный пророк
Вертепы Тира!

Когда, преобразя Лютецию в Содом,
С Гоморрой споря.
Цвела Империя, — я перенес свой дом
К роптанью моря.

Под гулы волн внимал я гул твоих утех,
Затмивших разум;
Я отвечал на твой призыв, и крик, и смех
Всегда отказом.

Но вот грозит тебя Аттила растоптать
Своей ордою:
И рушится вокруг весь мир, — и я опять
Теперь с тобою!

О Франция! на твой позорный эшафот
Взойду, ликуя,
О мать моя! твоих цепей тяжелый гнет
Делить хочу я!

Спешу к тебе затем, что ядер страшный град
Тебя осыпал!
Хочу сказать, что я с тобой страданий яд
До капли выпил!

И, может быть, в земле, где в темной
глубине
Роятся силы,
В награду за мое изгнанье — дашь ты мне
Приют могилы!

Брюссель, 31 августа 1870

Эмиль Верхарн

МЯТЕЖ

Туда, где над площадью — нож гильотины,
Где рыщут мятеж и набат по домам!
Мечты вдруг, безумные, — там!

Бьют сбор барабаны былых оскорблений,
Проклятий бессильных, раздавленных в прах.
Бьют сбор барабаны в умах.

Глядит циферблат колокольни старинной
С угрюмого неба ночного, как глаз...
Чу! бьет предназначенный час!

Над крышами вырвалось мстящее пламя,
И ветер змеистые жала разнес,
Как космы кровавых волос.

Все те, для кого безнадежность — надежда,
Кому вне отчаянья — радости нет,
Выходят из мрака на свет.

Бессчетных шагов возрастающий топот
Все громче и громче в зловещей тени,
На дороге в грядущие дни.

Протянуты руки к разорванным тучам,
Где вдруг прогремел угрожающий гром,
И молнии ловят излом.

Безумцы! кричите свои повеленья!
Сегодня всему наступает пора,
Что бредом казалось вчера.

Зовут... приближаются... ломаются
в двери...
Удары прикладов качают окно, —
Убивать — умереть — все равно!

НЕ ЗНАЮ ГДЕ

Это где-то на севере, где, я не знаю,
Это где-то на полюсе, в мире стальном,
Там, где стужа когтями скребется по краю
Селитренных скал, изукрашенных льдом.

Это — холод великий, едва отраженный
В серебряном зеркале мертвых озер;
Это — иней, что точит, морочит бессонный,
Низкорослый, безлиственный бор.

Это — полночь, огромный скелет обнаженный
Над серебряным зеркалом мертвых озер,
Это — полночь, что точит, морочит,
хохочет,
Но раздвинуть руками гигантскими хочет
Холодный и звездный простор.

В дали полуночной, безвольной
Это — смолкнувший звон колокольный,
Это — убранный снегом и льдами собор.

Это — хор похоронный, с которым без слов
я рыдаю,
Литургия Великого Холода в мире стальном.
Это где-то, — не в старом ли северном
крае? — не знаю!
Это где-то, — не в старом ли северном
сердце? — в моем!

КУЗНЕЦ

Где выезд в поле, где конец
Жилых домов, седой кузнец,
Старик угрюмый и громадный,
С тех пор, как, ярость затая,
Легла руда под молот жадный,
С тех пор, как дым взошел над горном,
Кует и правит лезвья
Терпенья — над огнем упорным...

И знают жители селенья,
Те, что поблизости живут
И в сжатых кулаках таят ожесточенье,
Зачем он принял этот труд
И что́ дает ему терпенье
Сдавить свой гневный крик в зубах!
А те, живущие в равнине, на полях,
Чьи тщетные слова — лай пред кустом
без зверя,

То увлекаясь, то не веря,
Скрывают страх
И с недоверчивым вниманьем
Глядят в глаза, манящие молчаньем.

Кузнец стучит, старик кует,
За днями день, за годом год.
В свой горн он бросил крик проклятий
И гнев, глухой и вековой;
Холодный вождь безвестных ратей,
В свой горн, горящий, золотой,
Он бросил ярость, горесть — злобы
И мятежа гудящий рев,
Чтоб дать им яркость молний, чтобы
Им дать закал стальных клинков.

Вот он,
Сомнений чужд и чуждый страха,
Склоненный над огнем, внезапно озарен,
И пламя перед ним — как ряд живых корон;
Вот, молот бросивши с размаха,
Его вздымает он, упрям и напряжен,
Свой молот, вольный и блестящий,
Свой молот, из руды творящий
Оружие побед
Тех, что провидит он за далью лет!

Пред ним все виды зол, бессчетных,
всевозможных:
Голодным беднякам — подарки слов пустых,
Слепцы, ведущие уверенно других;
Желчь отвердевшая — в речах пророков
ложных;
Над каждой мыслью — робости рога;
Пред справедливостью — из текстов
баррикады;

Мощь рабских рук, не знающих награды
Ни в шуме городском, ни там, где спят
луга;

Деревни, скошенные тенью,
Что падает серпом от сумрачных церквей;
И весь народ, привыкший к униженью,
Упавший ниц под нищетой своей,
Не мучимый раскаяньем напрасным,
Сжимающий клинок, что все же станет
красным;

И право жить, и право быть собой —
В тюрьме законности, толкуемой неверно;
И пламя радости и нежности мужской,
Погасшее в руках морали лицемерной;
И отравляемый божественный родник,
В котором жадно пьет сознание человека;
И после всяких клятв, и после всех улик,
Все то же вновь и вновь, доныне и от века!

Кузнец, в спокойствии немом,
Не верит хартиям, в которых
Вскрывают смысл иной потом.
В дни действий гибель — договоры!
И он молчит, давно молчит,
Мужскую гордость сжав зубами воли,
Неистовец из тех, кому две доли:
Он мертв падет иль победит!
Чего он хочет, хочет непреклонно,
Круша своим хотением гранит,
Сгибая им во тьме бездонной
Кривые мировых орбит,

И слушая, как снова, снова
Струятся слезы всех сердец, —
Невозмутимый и суровый,
Седой кузнец.
Он верит пламенно, что злобы неизменной,
Глухих отчаяний безмерная волна,
К единому стремлением сильна,
Однажды повернет к иному времена
И золотой рычаг вселенной!
Что должно ждать с оружием в руках,
Когда родится Миг в чернеющих ночах!
Что должно подавлять преступный крик
разлада,
Когда знамена ветер споров рвет;
Что меньше надо слов, но лучше слушать
надо,
Чтоб Мига различить во мраке мерный ход;
Что знаменьям не быть ни на земле, ни
в небе,
Что бог-спаситель к людям не сойдет,
Но что безмолвные возьмут свой жребий!

Он знает, что толпа, возвысив голос свой
(О сила страшная, чей яркий луч далеко
Сверкает на челе торжественного Рока),
Вдруг выхватит безжалостной рукой
Какой-то новый мир из мрака и из крови,
И счастье вырастет, как на полях цветы,
И станет сущностью и жизни и мечты,
Все будет радостью, все будет внове!
И ясно пред собой он видит эти дни,

Как если б наконец уже зажглись они:
Когда содружества простейшие уроки
Дадут народам — мир, а жизни — светлый
строй;

Не будут люди, злобны и жестоки,
Как волки грызться меж собой;
Сойдет Любовь, чья благостная сила
Еще неведома в последних глубинах,
С надеждой к тем, кого судьба забыла;
И брешь пробьет в пузатых сундуках
(Где дремлет золото, хранимое напрасно)
День справедливости, несдержанной
и красной;

Подвалы, тюрьмы, банки и дворцы
Исчезнут в дни, когда умрут гордыни;
И люди, лишь себя величающие ныне,
Себялюбивые слепцы,
Всем братьям расточат свои живые миги;
И будет жизнь людей проста, ясна;
Слова (их угадать еще не могут книги)
Все разъяснят, раскроют все до дна,
Что кажется теперь запутанным и темным;
Причастны Целому, с своим уделом скромным
Сроднятся слабые; и тайны вещества,
Быть может, явят тайну божества...

За днями день, за годом год
Кузнец стучит, старик кует
За гранью города, в тиши,
Как будто лезвья души,
Над красным горном наклонен,

Во глубь столетий смотрит он,
Кует, их светом озарен,
Предвидя сроков окончанье,
Клинки терпенья и молчанья.

ФЕВРАЛЬ

Есть в мире скорбные сердца,
Что плачут, плачут без конца;
Как мрамор плит в лучах луны,
Они бледны.

Есть в мире много скорбных спин,
Согбенных под ярмом годин,
Как кровли нищенских домов
У берегов.

Есть в мире много скорбных рук,
Иссохших от вседневных мук,
Как листья желтые у ног
В пыли дорог.

Есть в мире много скорбных глаз,
Глядящих с робостью на нас,
Как овцы в час грозы ночной
Глядят с тоской.

Да, много скорбных есть людей,
Усталых в кротости своей,
Что, сгорблены, бегут вдали
По всем путям большой земли.

ГОРОД

Приводят все дороги в Город.

Там из туманного дыма,
Громоздя этажи к этажам,
Восхождения лестниц больших
к небесам, —

Словно со дна сновидения, там
Город вздымается непобедимо.

Кинуты там,
Заплетены из железа, мосты,
Прыжками через провал пустоты;
Глыбы камней и устои колонн
Над пиками страшных горгон,
Над предместьями — башни.
Крыш и коньков
Взлеты кривые над грудой домов.
Град-осьминог,
Грозен и строг,
Встал над равниной и пашней.

Над туманом,
Отсветом рдяным,
С мачт и столбов горят фонари
От зари до зари,

Как ряды золотых непонятных яиц;
Ни солнца, ни ярких зарниц!
Лицо и полудня незримо
За клубами сажи и дыма!
Нефть и смола, зыбями реки,
Бьются о сваи и бьют о быки;
Жутки свистки проходящих судов,
В страхе кричащих в глубинах тумана;
Зелены светы — огни их эрачков, —
Устремленные в даль океана.

На набережных стук сцепившихся фургонов,
И лязганье цепей в движении вагонов;
Там кубы темные железный вносит крюк
И в огненный подвал спускает их упорно;
Мосты вскрываются меж мачт бесчисленных
вдруг,
Вздымаясь к небу виселицей черной,
И буквы медные сверкают в вышине,
На крыше, на карнизе, на стене,
Как в битве неизменной,
Глася о всех концах вселенной!

А наверху, там кэбов стук, пролеток стон,
Движенье поездов, вся полнота усилий;
Полеты дерзкие на мили и на мили
До станций, чей застыл сверкающий фронтон.
Уходят в глубину рельс длинных
разветвления,
То в кратер, то в тоннель, чтоб кверху
вновь взлететь —

В шум, в суету, в смятение,
Как молний блещущая сеть.
Град-осьминог вершит свои хотенья.

Потоки улицы (как сумрачный канат,
Закрученный вокруг памятников) льются
Излучинами, приходя назад,
И толпы неизменны остаются:
Безумье рук, блеск яростных зрачков
И лихорадочность шагов.
Опережающее время
Хватают зубы их днем, ночью, на заре,
В смятении, в страхе, в скорби и в игре;
Бросают наугад они живое семя
Туда, и мчит его мгновенье на простор;
И двери грохают в неодолимом шуме
Огромных банков и глухих контор
И по притонам звякает затвор —
Под взрывом ветра роковых безумий.

Наружи — заглушенный свет,
Неверно-рдяный, как лоскут горящий,
От фонаря шлет фонарю ответ.
Захвачен алкоголем мир гудящий.
Как ряд зеркальных скиний, бары
Сверкают окнами на тротуары,
И пьянство буйное отражено в стекле;
Слепая девочка, прильнув к стене во мгле,
Свет предлагает: грош за короб (только б
взяли!);
Совокупляется блуд с голодом в подвале;

И схватки черные тоски плотской
Повсюду пляшут насмерть танец свой.
Но вожделение за мигом миг растет,
И ярость делается бурей,
И жажда золота и фосфора влечет
Давить друг друга эти толпы фурий.
И женщины стремятся всех вперед,
Сонм бледных идолов, в чьих косах — знаки
пола —

Воспламененно рыжий небосвод
Вскрывается порой какой-то чашей полой.
Тогда, безумен и велик,
К сиянью вносится из общей бури крик;
Дома, отели, площади, все зданья
С таким неистовством ревут, распалены,
Что умирающий напрасно ждет молчанья,
Чтоб мирно взор смежить в минуту тишины.

Таков он днем. Когда ж вечерний час
Ваяет молотом эбеновым просторы,
Над долом властвуя, Град привлекает взоры,
Безмерностью ночных надежд смущая глаз.
Он высится: желанье, роскошь, чара
Его сияния возносят к небесам
В бесчисленных светах отблеском пожара;
И иглы рельс влекут по дерзостным путям
К обманчивым, но сладостным мечтам,
Сопровождаемым удачей, упоеньем...
Как войско мощное, стоит громада стен,
И доходящие туманы, дым и тлен
Призывом радостным являются к селеньям.

То — город-осьминог,
Спрут пламенный, со щупальцами, жадный,
Костяк торжественно-громадный.

Со всех дорог
Из бесконечности пути приводят в Город.

В ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Пусть тот, кто некогда, в неведомых веках,
Склонив в вечерний час над этой книгой
 вежды,
Моих забвенных строк встревожит давний
 прах,
Чтоб наших дней понять желанья и надежды,

О, пусть он ведаёт, с каким восторгом я,
Сквозь ярость и мятеж, борьбы внимая
 кличу,
Бросался в бой страстей и в буйство бытия,
Чтоб вынести из мук — Любовь, свою
 добычу!

Люблю свой острый мозг, огонь своих очей,
Стук сердца своего и кровь своих артерий,
Люблю себя и мир, хочу природе всей
И человечеству отдаться в полной мере!

Жить: это — взяв, отдать с весельем жизнь свою.
Со мною равны те, кто миром так же пьяны!
С бессонной жадностью пред жизнью я стою,
Стремлюсь в ее самум, в ее поток багряный!

Паденье и полет, величье и позор —
Преображает все костер существованья.
О, только б кругозор сменив на кругозор,
Всегда готовым быть на новые исканья!

Кто ищет, жаждет кто — сливает трепет свой
С мятущейся толпой, с таинственной
вселенной.

Ум жаждет вечности, он дышит широтой,
И надобно любить, чтоб мыслить
вдохновенно!

Безмерной Нежностью всеведение полно,
В ней — красота миров, в ней — зиждущая
сила,
Причины тайные ей разгадать дано...
О ты, кого мечта в грядущем посетила,

Моих былых стихов тебе открыть ли смысл?
Я жду, что в дни твои пришедший мощный
гений

Из неизбежного, из пасти мертвых числ
Исторгнет истину всемирных примирений!

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэтическое наследство Брюсова составляет п я т н а д ц а т ь сборников стихов, не считая стихотворных переводов, стихотворений, которые Брюсов не включил в эти сборники или вовсе не печатал, и сборника «Опыты»¹, имеющего характер своего рода хрестоматии по стихосложению. В настоящее издание могла войти лишь небольшая часть этого огромного материала. В подборе стихотворений составитель руководствовался не столько их исторической характерностью для Брюсова, сколько их значением для советского читателя. Поэтому в книге преобладают те стихотворения, в которых отразились наиболее ценные стороны творческого наследия поэта.

Основная часть напечатанных здесь оригинальных стихотворений Брю-

¹ Полное заглавие: Валерий Брюсов, «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам (Стихи 1912—1918 гг.)», изд-во «Геликон», М., 1918.

сова соответствует «каноническому составу» его сочинений. Эти стихотворения воспроизводятся по тексту последних прижизненных изданий Брюсова, а именно по книгам: «Полное собрание сочинений и переводов», тт. 1—4, изд-во «Сирин», СПб, 1913; «Все напевы» в сборнике «Пути и перепутья», т. 3, изд-во «Скорпион», М., 1909; «Зеркало теней», изд-во «Скорпион», М., 1912; «Семь цветов радуги», изд-во К. Ф. Некрасова, М., 1916; «Последние мечты», М., 1920; «В такие дни», ГИЗ, М., 1921; «Миг», изд-во З. И. Гржебина, Берлин—Петербург, 1922; «Дали», ГИЗ, М., 1922; «Меа», ГИЗ, М., [1924].

Стихотворения, правленные Брюсовым в последний период его жизни для сборников избранной лирики («Кругозор», ГИЗ, М., 1922, и «Избранные произведения», ГИЗ, М., 1926), печатаются по тексту этих сборников.

Кроме того, в состав книги входит целый ряд стихотворений Брюсова, не включенных им в его основные сборники или не изданных при его жизни. Эти стихотворения были опубликованы в двух сборниках Брюсова: «Неизданные стихи, 1914—1924», ГИЗ, М.—Л., 1928 и «Неизданные стихотворения», ГИЗ, М., 1935.

Приводим заглавия этих стихотворений: «Октава», «Кучи свезенного снега», «Надо струны перестроить», «К народу», «Нить»,

«Эмилю Верхарну», «Эллису», «Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи», «За что?», «Завет Святослава», «Летайте, птицы», «Светоч мысли», «Слепой циклон, опустошив», «Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей», «Труд», «Я выросал в глухое время», «Бунт», «На смерть вождя».

Стихотворение Москва публикуется впервые по копии, предоставленной И. М. Брюсовой.

Названия указанных стихотворений отмечены в оглавлении звездочкой.

Располагаются стихотворения, поскольку это возможно, по хронологическому принципу. Датировка их принадлежит Брюсову. За основу принимаются даты, проставленные Брюсовым в рукописях и в печатных текстах. Исправление и уточнение дат по рукописям осуществлено И. М. Брюсовой.

Тексты стихотворных переводов воспроизведены по книгам: «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», под ред. В. Брюсова, издание Московск. армянского комитета, 1916; «Сборник латышской литературы», под ред. В. Брюсова и М. Горького, книгоизд-во «Парус», П., 1916; Байрон, Собрание сочинений под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауза-Ефрона, т. III, СПб, 1905; В. Брюсов, «Французские лирики XIX века», Полное собрание сочинений, изд-во «Сирин», т. 21, СПб, 1913; Э. Верхарн, «Поэмы», перев.

В. Брюсова, изд-во «Всемирная литература», П.—М., 1923. Переводы стихотворений В. Гюго «Песенка» и «Ко дню возвращения во Францию» напечатаны: первый — по тексту «Литературной газеты», 1933, № 46, второй — по книге В. Гюго «Избранные произведения», М., 1936.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ассаргадон. Ассирийский царь-завоеватель VII века до н. э. **Сидон** — финикийский город. **Элам** — государство, граничившее с Ассирией. Древняя надпись Ассаргадона о его подвигах сохранилась доныне. Стихотворение входит в поэтический цикл Брюсова «Любимцы веков». В этом цикле, так же как и в других, подобных ему, Брюсов пытался художественно воспроизвести монументальные образы знаменитых деятелей истории, культуры и мифологических героев. Об идейном значении этих образов см. вступительную статью.

Халдейский пастух. *Халдеи* — древний народ, живший на северо-западном берегу Персидского залива, усвоивший вавилонскую культуру. Халдеям приписывается создание астрономии и математики.

В дни запустений. В неоконченном здании. Замкнутые. (В полном

тексте у Брюсова подзаголовок: «Сатирическая поэма»). В этих стихотворениях и в поэме, очень характерных для Брюсова, отражены его отношение к буржуазной цивилизации и его раздумья о ее будущем. Она представляется Брюсову «растущей тюрьмой», «неконченным зданием», угрожающим человеку гибелью. Дальнейшее развитие этой цивилизации должно привести ее к полному застою и окончательному омертвлению.

Сатирическому изображению такой омертвевшей цивилизации, с ее механизированной религией, с ее выродившейся наукой, с ее внутренне опустошенным искусством, с ее продажной любовью, и посвящена поэма «Замкнутые».

Брюсов понимал, что общество, лишенное творческих сил и загнивающее еще при жизни, не может продолжать свое существование. Но конкретного представления о тех реальных путях, которые должны привести капиталистический строй к гибели, у Брюсова в то время не было. Более того, Брюсов создает в своих произведениях («В дни запустений», отчасти драма «Земля») фантастические мифы о разрушении цивилизации силами восставшей «первозданной» природы. Однако, наряду с этой беспочвенной утопией, Брюсов рисует картину жизни людей будущего — счастливых, демократически организованных, покоривших себе природу

(«К счастливым»). Мечта о будущем, о великой преемственности человеческой культуры, воплощенная в образе «смельчака», «желанного друга неведомых столетий», присутствует и в стихотворении Брюсова «В дни запустений».

Каменщик. Стихотворение «Каменщик» получило широкое распространение и вошло в народный песенный репертуар. В «Библиографии В. Брюсова» сообщается, что в Каргополе, Олонецкой губ., «в местной тюрьме арестанты пели «Каменщика» на мотив, сложенный ими самими» («Библиография В. Брюсова», М., 1913, стр. 43).

В ответ. П. П. Перцов — критик, близкий к символистам. Брюсов вел с ним систематическую переписку.

Ночь. Вариант последнего стиха (по рукописи): «К вождю вызывающие рати».

Блудный сын. Сюжет стихотворения соответствует евангельской притче о блудном сыне. Брюсов вкладывает в этот сюжет свое собственное лирическое содержание.

Конь блед. Одно из самых известных стихотворений Брюсова о капиталистическом городе. В нем использованы образы

Апокалипсиса — мистической книги, содержащей в себе пророчества о конце мира. В числе «знамений», предвещающих этот конец, Апокалипсис называет появление смерти — всадника на белом (бледном) коне. Однако апокалиптические образы не делают стихотворение Брюсова мистическим и не заслоняют реальной действительности, которая в нем отразилась. Показательно, что оно было написано, как свидетельствует И. М. Брюсова, под впечатлением какого-то несчастного случая, который произошел на глазах поэта на одной из парижских улиц.

М и р. Поэма имеет автобиографический характер.

К Д е м е т р е. *Деметра* — богиня плодородия у древних греков.

О р ф е й и Э в р и д и к а. *Орфей* — в греческой мифологии вдохновенный поэт-певец, муж *Эвридики*; своей игрой на лире он укрощал зверей и сдвигал с места горы. «Орфей, — пишет Брюсов в примечании к первому изданию «Венка», — очаровал своей лирой бога подземного царства, и тот возвратил ему *Эвридику*, но с условием, что Орфей ни разу не оглянется на нее, пока будет вести ее из мира мертвых в мир живых».

С л а в а т о л п е. В этом стихотворении ярко отразились противоречия в идейных позициях Брюсова. Он прославляет здесь «дворцы золотые разврата» и одновременно революцию. Тем не менее, революционная тема, вступающая в конце стихотворения, т. е. в наиболее весомой, «итоговой» его части, несомненно преобладает.

Ф о н а р и к и. *Периклов век* (V век до н. э.) — время расцвета афинской демократии и культуры. *Леонардо* — Леонардо да Винчи (XV—XVI век) — гениальный художник и ученый итальянского Возрождения. *Лютер*, *Мартин* (XVI век) — основатель лютеранского вероисповедания в Германии.

Н а н о в ы й 1 9 0 5 г о д. Это стихотворение является откликом на русско-японскую войну 1904—1905 гг.

Г р е б ц ы т р и р е м ы. Стихотворение имеет аллегорический смысл. Брюсов уподобляет судьбу человека в современном ему обществе судьбе раба, прикованного к веслам триремы. *Трирема* — римское судно с тремя ярусами весел. *Гребцы триремы* — рабы, обычно из числа пленных. *Фризская тина* — Северное море у Голландского берега. *Пахин* — древнее наименование мыса в Сицилии. *Тритон* (греч.). — бог морской волны, сын владыки моря Посейдона.

Ахиллес у алтаря. Ахиллес — легендарный преческий герой, прославленный Гомером, участник похода против Трои. «По одной версии сказаний, — пишет Брюсов в примечании к этому стихотворению, — греки и трояне в конце войны думали заключить мир, сочетав браком Ахиллеса и Поликсену, дочь Приама (троянского царя. — *Ред.*). Но Ахиллес был убит стрелой, пущенной Парисом и направленной самим Аполлоном».

Юлий Цезарь. В этом стихотворении с помощью образов римской истории (I век до н. э.) Брюсов судит о русской действительности. Он резко осуждает здесь государственный строй царской России и заявляет о своем переходе к борьбе с правительством. «Образцом» служит ему Юлий Цезарь, восставший против римского сената и Помпея, ставшего под знамя аристократической партии и назначенного сенатом на пост главнокомандующего. Брюсов не пытается здесь раскрыть внутренний смысл деятельности Цезаря, которая, окрашиваясь в демократические цвета, по существу оформляла в римском государстве переход от аристократической республики к режиму империи. Активные действия Цезаря начались переправой его через речку Рубикон, — название, которое стало с тех пор символическим. Милон и Клодий — римские

трибуны-демагоги, которые со своими сторонниками беспрестанно нападали друг на друга. *Парфяне* — сильный, воинственный народ в Западной Азии; они разбили римское войско при Каррах (53 год до н. э.) и захватили римские знамена (*значки*); упоминание о парфянах, Брюсов имеет в виду современных ему японцев.

Знакомая песнь. Гармодий — греческий юноша, который вместе с Аристогитоном организовал заговор (VI век до н. э.) против афинских тиранов Гиппарха и Гиппия. Имена Гармодия и Аристогитона стали в древней Греции символом тираноборства. *Брут* — (I век до н. э.) возглавил республиканский заговор против Юлия Цезаря и участвовал в его убийстве. *Марат* — Ж. П. Марат (Marat). *Неискусных звонарей.* — Вначале Брюсову казалось, что революционеры не использовали тех возможностей, которые предоставляла им русская революционная действительность (см. его письмо к П. П. Перцову от 24 сентября 1905 года). Но вскоре в письме к своему редактору Г. Чулкову он изменил это мнение, прося его поставить под стихотворением «Знакомая песнь» дату «август 1905 года», «показывающую, что стихи написаны до революционного октябрьского взрыва» (письмо от 1 ноября 1905 года). «Знакомая песнь» первоначально была запрещена цензурой.

Д о в о л ь н ы м. Стихотворение датировано следующим днем после объявления царским правительством так называемой «кущей конституции» и относится именно к этому событию. *Агора* — украшенная площадь для народных собраний в древнегреческих городах.

К н а р о д у. *Vox populi* — голос народа. *Арго* — на корабле, носящем это имя, мифические герои древней Греции — аргонавты отправились в Колхиду в поисках золотого руна.

Н а Г о т л а н д е. *Готланд* — самый большой из островов Балтийского моря, принадлежит Швеции.

Н и т ь. *Ацтеки* — мексиканский народ, достигший высокой степени культуры, поработенный испанскими завоевателями.

В е к з а в е к о м. *Микула Селянинович* — герой русской былины, ставший символом земледельческого труда.

С л у ж и т е л ю м у з. *Архимед* (III век до н. э.) — греческий математик и физик, жил в греческой колонии *Сиракузы* (Сицилия). Когда римляне напали на его родину, Архимед оказал ей огромную помощь своим инженерным искусством. *Урания* — муза астрономии; здесь имя ее взято как символ отвлеченной науки.

Н а ч и н а ю щ е м у. *Пиндар* — греческий поэт-лирик VI—V века до н. э. *Полигимния* — одна из девяти муз, изобретательница лиры.

Д е д а л и И к а р. Согласно греческому мифу, великий мастер Дедал спасается от преследования со своим сыном Икаром при помощи сделанных им из перьев и воска крыльев. Икар погиб, так как неосторожно приблизился к солнцу и его крылья растаяли. Дедал же благополучно прибыл в *Кумы* (Италия). Сравните со стихотворением «Кому-то», об авиации, которое было написано Брюсовым в том же году.

Л и к о р н. *Ликорн* — единорог, мифическое животное с телом лошади и с рогом на лбу. *Норны* — в скандинавской мифологии девы судьбы.

К о м у - т о. *Фарман* и *Райт* — авиаторы. Полеты Райта Брюсов наблюдал в Париже в 1908 году.

Н а Ф о р у м е. *Арки Константина* — триумфальные арки римского императора IV века Константина Великого. В эпоху *Траяна* (I век н. э.) римлянами были созданы многие знаменитые сооружения, в том числе и римский Форум.

К с о б о р у К э м п е р а. *Кэмпер* — ста-

ринный город в Бретани (Франция). *Изида* — древнеегипетская богиня.

Эней. В основе стихотворения — эпизод из жизни легендарного троянского героя Энея, основателя *Новой Трои*, т. е. Рима (ср. *Энеиду*, Вергилий, кн. IV). Морская буря (*Нептун* — бог моря) занесла Энея в Карфаген. Его приняла как гостя и страстно полюбила карфагенская царица *Дидона*. Но Юпитер повелел Энею через своего посланца Меркурия (*Цилления*) покинуть Дидону и плыть к пределам *Итала* (в Италию) для осуществления его высокой миссии.

Москва. Печатается впервые, рукопись — в архиве Брюсова, датируется предположительно.

Sed non satiat us. Перевод: «Но не утоленный».

Иматра. Живописный водопад, вернее водоскат, в Финляндии.

У круглого камня. Все собственные имена заимствованы из финской мифологии и эпоса. *Отава* — Большая медведица. *Пейва* — олицетворение солнца. *Укко* — старец, божество неба и грома, то же, что *Юмала*. *Ахти* — он же Лемминкяйнен — младший из героев Калевалы. *Туони* — божество страны мертвых.

Над Северным морем. *Фризы* — древнее германское племя, обосновавшееся на месте теперешней Голландии.

Сухие листья. Стихотворение включено Брюсовым в сборник «Опыты» (М., 1918), как один из образцов звукописи.

Эмилю Верхарну. О Верхарне см. примечание к переводам его стихов в конце этой книги.

Гарибальди. *Гарибальди* — знаменитый вождь итальянских патриотов, боровшихся в середине XIX века за освобождение Италии от австрийского ига и за ее национальное объединение, демократ. *Ладзарони* — неаполитанский босьяк. *Капре-ра* — остров в Тирренском море, у берегов Сардинии, где Гарибальди провел последние годы жизни и где он был похоронен.

Эллису. *Эллис* (псевдоним Л. Л. Кобылинского) — московский декадент 900-х годов, мистик, позже перешел в католичество. В этом стихотворении отразилось характерное для Брюсова отрицательное отношение к декадентской религиозной мистике.

Орел двуглавый. Двуглавый орел с короной — герб Российской империи, символ самодержавия.

Последняя война. В начале империалистической войны Брюсов пытался найти в ней высокий освободительный смысл. В дальнейшем эти иллюзии его развеялись. Вавилонский царь *Валтасар* пировал в ночь падения Вавилона.

«Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи». *Атлантида* — мифический населенный людьми материк, будто бы находившийся в Атлантическом океане и погружившийся в волны. Стихотворение написано в Варшаве, недалеко от фронта, под впечатлением войны.

Круги на воде. *Ангола* — португальская колония в Африке. *Пе-че-ли* — Печелыйский залив, северо-западная часть Желтого моря.

Зачто? В стихотворении отразились негодование Брюсова против империалистической войны и революционные предчувствия. Все это выражено с помощью библейских сказаний о Моисее. *Водитель-Моисей* вывел евреев из Египта (*Муураима* или *Миураима*), в порабощении у которого они находились. На это высокое дело Моисей, по рассказу Библии, был призван богом, явившимся ему в пылающем терновом кусте. Когда же еврейский народ вышел из Египта, бог объявил ему через Моисея свои законы с горы Синая.

Завет Святослава. *Святослав Игоревич* (X век) — великий князь киевский; успешно воевал на Балканском полуострове: сначала вместе с греками, потом — против них. На обратном пути он был убит печенегами, которые действовали как союзники греков. *Мертвые сраму не имут* — слова Святослава.

К армянам. *Кир* (VI век до н. э.) — основатель древнеперсидского царства. *При Каррах* (53 год до н. э.) армяно-парфянские войска разгромили огромную римскую армию. *Юстиниан Великий* (VI век) — император Восточной римской империи (Византии). *Чингиз-Хан* (XII век) и *Ленгтимур*, или *Тамерлан* (XIV век) — монгольские завоеватели. *Торжество Луны* — турецкое завоевание. *Шираз* — южноперсидский город. *Наири* — область древней Армении, название это применялось ко всей Армении. *Агурамазда* (Ормузд) — светлое божественное начало древнеиранской религии Зороастра. *Тигран II* (I век до н. э.) — знаменитый царь Армении.

В Т и ф л и с е. *Тамара* (1184—1213) — знаменитая грузинская царица. *Саят-Новая* — замечательный народный поэт; родился в Тифлисе в 1719 году, умер (был убит) там же, в 1795 году; писал стихи на разных языках: грузинском, армянском, татарском, турецком.

Петру Ивановичу Постникову.
Обращено к московскому хирургу, в лечеб-
нице которого Брюсов лежал в 1916 году.

Три яблока. Эдемский — райский.
Вильгельм Тель традиционно считается историческим лицом, национальным героем Швейцарии, участником освободительного движения XIV века. Сказание о нем сводится к следующему: жестокий наместник германского императора в Швейцарии Геслер повесил на шесте шляпу австрийского герцога и отдал распоряжение, чтобы всякий проходящий ей кланялся; знаменитый стрелок крестьянин Вильгельм Тель не исполнил этого распоряжения; тогда Геслер принудил его стрелять в яблоко, положенное на голове собственного сына Телля; выполнив этот приказ, Вильгельм Тель признался, что если бы он попал в сына одной стрелой, то другую пустил бы в Геслера; его отправили в тюрьму, но он убежал в горы, подстерег Геслера и убил его. *Яблоко Ньютона*. Существует рассказ о том, что сорвавшееся с яблони и упавшее к ногам Ньютона яблоко навело его на мысль о законе всемирного тяготения.

Максиму Горькому в июле 1917 года. Этим стихотворением Брюсов выступил против той травли, которую поднимали петроградские контрреволюционные

газеты, всячески клеветавшие на Горького в связи с его антивоенными настроениями.

Получив стихотворение Брюсова, Горький ответил ему следующим письмом:

«Вы очень тронули меня за сердце, Валерий Яковлевич, — редко случалось, чтоб я был так глубоко взволнован, как взволновало меня ваше дружеское письмо и милый ваш сонет.

Спасибо вам. Вы — первый литератор, почтивший меня выражением сочувствия, и — совершенно искренно говорю вам — я хотел бы, чтоб вы остались и единственным. Не сумею объяснить вам, почему мне хочется, чтоб было так, но — вы можете верить — я горжусь, что именно вы прислали мне славное письмо. Мы с вами редко встречались, вы мало знаете меня, и мы, вероятно, далеки друг другу по духу нашему, по разнообразию и противоречию интересов, стремлений.

Тем лучше. Вы поймете это, — тем ценнее для меня ваше письмо. Спасибо.

Давно и пристально слежу я за вашей подвижнической жизнью, за вашей культурной работой, и я всегда говорю о вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы не знаю; это — искренно.

Будьте здоровы, Валерий Яковлевич, и всего доброго!

А. Пешков».

С в е т о ч м ы с л и. Произведение очень характерно для Брюсова. В нем обнаружались две очень важные особенности творчества Брюсова: историзм и стремление поэтически приблизиться к культуре отдаленных эпох и синтетически ее осмыслить. В основе произведения лежит гуманистическая идея о прогрессе человеческой мысли, который декаденты упорно отрицали, как отрицает его и большинство современных «философов от империализма». Однако концепция прогресса у Брюсова — идеалистическая. Брюсов не умел увидеть в культуре отражение социального мира со всеми его противоречиями и мыслил ее как некое «сплошное» самодовлеющее и саморазвивающееся начало, управляемое таинственным роком. Поэтому и вопрос о преемственности культур освещается Брюсовым идеалистически и абстрактно, а в его определении конечного идеала культуры как соединения знания и «тайны» присутствует мистический оттенок. В освещении Брюсовым отдельных явлений истории культуры и в его исторических версиях также немало сомнительного и произвольного (например, миф об Атлантиде). Бесспорно преувеличивает Брюсов и значение религий в историческом развитии знаний.

І. А т л а н т и д а. *Лемуры и атланты.* Так назывались, согласно преданию, достигшие высокой культуры легендарные

обитатели будто бы существовавших материков Лемурии и Атлантиды.

II. Халдея. *Аймара* — индейское племя в Южной Америке. *Яве* — библейский бог, Иегова. *Кукулкан* — верховный бог племени Аймара. *Седьмица дней и Зодиак* — намек на астрономические наблюдения и расчеты, которые, по преданию, велись древними халдеями.

III. Египет. *Тот* — бог мудрости в древнем Египте. *Числа три, двенадцать и четыре* — священные цифры египтян, которые, по мнению Брюсова, возникли как результат их занятий астрономией.

IV. Эллада. *Край Озириса* — Египет.

V. Эллинизм и Рим. *Первый триумвир* — Юлий Цезарь, член первого триумвирата (I век до н. э.).

VI. Римская империя. *Врата Мелькарта* — Гибралтарский пролив.

VII. Переселение народов. *Валькирии* (сканд. мифол.) — летающие бессмертные девы-воительницы.

VIII. Средние века. *Менестрель* — странствующий средневековый певец-поэт.

IX. Возрождение. *Кортец* (XVI век) — испанский мореплаватель, завоеватель Мексики, беспощадно подавлявший местное население.

X. Реформация. *Король Густав-Адольф* (XVII век) возглавлял шведскую протестантскую армию в Тридцатилетней

войне (в Средней Европе). *Тилли* — немецкий фельдмаршал, командовавший реакционной католической армией в этой войне. *Кромвель* (XVII век) — вождь английской буржуазной революции, ставший лордом-протектором Англии, в сущности — королем. *Варфоломеевская ночь* — кровавое истребление католиками гугенотов, совершившееся во Франции в ночь с 23 на 24 августа 1572 года.

XI. Революция. Речь идет о французской буржуазной революции 1789 года. *Державный Север* — контрреволюционный союз монархов Северной Европы, боровшийся против революционной Франции.

XII. Наполеон. *Ваграм, Дрезден, Аустерлиц, Иена* — названия сражений, выигранных Наполеоном.

Мировой кинематограф. *Сын Солнца* — египетский бог Озирис. *Македонец* — Александр Македонский (IV век до н. э.). *Царь Царей* — наименование восточных царей, в данном случае Дария III персидского, побежденного Александром Македонским. *Карл Великий* (VIII—IX век) — король франков, впоследствии император, объединивший под своей властью целый ряд стран Западной Европы.

«Народные вожди! вы — вал,
взметенный бурей...» Заключительные строчки этого стихотворения дают новое

для Брюсова и правильное решение темы героя. В начале 900-х годов Брюсов нередко поэтизировал героев, оторванных от народа и даже противостоящих ему.

Товарищам интеллигентам. *Инвектива* — обличительная речь. *Леру* Пьер — французский публицист XIX века утопического направления, последователь Сен-Симона.

Труд. *Троглодиты* (греч.) — дикие племена, жившие в пещерах; также — человекообразные обезьяны.

Парки в Москве. *Парки* у древних римлян — богини судьбы; их три сестры: одна из них держит прялку, другая сучит, третья перерезывает нить жизни.

Нам проба. *Понт* (греч.) — море.

Октябрь 1917 года. *Иды марта* по римскому календарю — 15 марта. В этот день в 44 году до н. э. Юний Брут (*последний римский вольнолюбец*) убил Юлия Цезаря. *Двадцатого июня* 1789 года депутаты французского Национального собрания, вопреки воле короля, собрались в зале для игры в мяч и поклялись собираться всюду, где потребуют обстоятельства, до тех пор, пока не будет выработана государственная конституция. *Десятый день авгу-*

ста. — 10 августа 1792 года была создана якобинская Парижская коммуна и свергнута монархия во Франции. *Скорбный день брюмер.* — 18 брюмера 8 года (т. е. 9 ноября 1799 года) Наполеон Бонапарт захватил верховную власть во Франции. В 1830 году — июльская революция во Франции. В феврале — революция 1848 года, свержение монархии Луи-Филиппа.

К у б о к Э л л а д ы. *Мойры* — богини судьбы в Греции. *Саваоф* — одно из библейских наименований бога. *Кипридой* называлась греческая богиня любви Афродита, культ которой был особенно распространен на острове Кипре.

Над картой Европы 1922 г. «*Столбы Мелькарта, позже Геркулеса, — Гибралтарский пролив. Колхида — Кавказ. Край Перикла — Аттика. Край Лисандра — Спарта. Царства Мидий — Персия. Газдрубал — полководец карфагенян в их последней борьбе с Римом. На Оссу Пелион — намек на сказание о борьбе гигантов с Зевсом. Крон — Хронос*» (примечание В. Брюсова).

М и р э л е к т р о н а. «Современная физика рассматривает атом как систему, где вокруг центрального ядра вращаются электроны» (примечание В. Брюсова).

Лесная тьма. «Пан в греческой мифологии — божество природы; дриады, там же, — лесные полубожества» (примечание Брюсова). Василиск — сказочное чудовище.

Не память... «Автор — внук костромского крестьянина» (примечание В. Брюсова).

Вариации на тему «Медного Всадника». «Он вариаций — Пушкин; время действия — эпоха польского восстания 1831 года. Двое под одним плащом — Пушкин и Мицкевич; сохранилось известие, что Пушкин и Мицкевич однажды, во время ненастья, укрывались у памятника Петра под одним плащом. Народы мира и т. д. — намек на стихи Пушкина к Мицкевичу, мечтавшему «о временах, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Другой — Мицкевич. Здесь — на Сенатской площади. Первой вольности предтечи — декабристы. Вильгельм — школьный товарищ Пушкина, Вильгельм Кюхельбекер, один из декабристов, сосланный в Сибирь. В стихотворении — ряд стихов и выражений из «Медного Всадника» Пушкина...» (примечание В. Брюсова).

Магистраль. «Лемуры, атланты — полумифические расы, создатели первых куль-

тур на земле» (примечание В. Брюсова). Семирамида — по преданию, царица древнего ассирийского царства и основательница Вавилона. Пуанкаре — в 10-х и 20-х годах XX века занимал руководящие посты во французском правительстве, ярый империалист. Саванны — тропические пустыни в Америке.

ПЕРЕВОДЫ

С а р м я н с к о г о

Военная Эрзерумская песня.
Айастан или *Гайастан* — Армения.

Ф р и к

Армянский поэт XIII—XIV века. «Поэзия Фрика, — пишет Брюсов, — еще дидактична, но уже смело подступает к самой жгучей современности... Во многих отношениях поэмы Фрика можно назвать сатирами в лучшем смысле слова: поэт с горечью изображает те отрицательные стороны жизни, какие подметил... Но Фрик и в другом отношении порывает с традициями своих предшественников... Поэт как бы начинает грозную тяжбу с создателем, обвиняя в несправедном суде и его и самую сущность

вещей, судьбу (стихотв. «Колесо Судьбы»). Дух свободной критики впервые загорается в этих стихах армянского вольнодумца XIV в.»

И о а н н Е р з ы н к а й с к и й
или О в а н е с Е р з ы н к а ц и
(1250—1326)

Родился в городе Ерзынка, много путешествовал. Писал в разных жанрах: ученые трактаты, песни, нравоучительные стихи. «В стихах Иоанна Ерзынкайского и Фрика, — замечает В. Брюсов, — армянская лирика освобождается от церковности и библейских образов».

О в а н е с

«Он жил... в XV в., если не в конце XIV в. Дошло до нас лишь одно стихотворение Ованеса, но этого достаточно, чтобы сохранить за поэтом самостоятельное место в истории лирики... Ованес, быть может, простой монах, затерянный в армянском... монастыре... в выражении своего чувства во многом опередил всю современную ему поэзию на 2 или 3 века» (В. Брюсов).

Песня любви. *Алый сок для ног —*
на Востоке женщины красят ноги хной.

Кидайте яблоки — «яблоками кидают в женихов» (примечание В. Брюсова).

Н а а п е т К у ч а к

Жил, повидимому, в XVI веке. Один из наиболее крупных поэтов армянского средневековья.

Крунк. *Крунк* — журавль. *Алеппо* — большой город в Сирии, недалеко от Багдада. *Хариб* — живущий на чужбине.

Р а ф а э л П а т к а н я н (1830—1892)

Поэт и прозаик. По словам Брюсова, основная сила поэзии Патканяна — «в чувстве высокого патриотизма, в той огненной и бескорыстной любви к родному народу, которая выражается не в одних дифирамбах, но и в горьких сатирах».

Из поэмы «Смерть храброго Вардана Мамиконяна». *Вардан Мамиконян* — «армянский национальный герой, погибший в битве с персами на Аварайрском поле (451 год по Р. Х.). *Гайк* и *Торгом* — мифические прародители армян» (примечание В. Брюсова). Здесь Торгом — в смысле рода Торгома. *Ефрат* — самая большая река в ближней Азии.

«Ребенка святой колыбелью
клянусь». «Саак, Месроп и др. — высоко-
чтимые деятели армянской истории» (приме-
чание В. Брюсова).

Петрос Дурьян (1851—1872)

Крупный лирик и драматург, один из основоположников новой армянской поэзии, романтик и страстный патриот. «Среди других, более спокойных поэтов, — пишет Брюсов, — он показал, что значит в творчестве «темперамент», сила непосредственных переживаний».

«Близ океана голубого». «Чамлы-Чай, Бахлар-Баши — горы. Мота — известный в свое время ресторан» (примечание В. Брюсова).

Ропоты. Одно из популярных стихотворений Дурьяна. Тема смерти и бунта против бога имеет в нем не только общий, но и биографический смысл: Дурьян тяжело болел, остро нуждался и чувствовал свою обреченность.

Иоаннес Иоаннисиан или Ованес Ованисян (1864—1929)

Иоаннисиан, по словам Брюсова, «в многих отношениях был создателем новейшей

фазы армянской поэзии... Песня, ода, элегия, обработка исторической легенды, философское раздумье — все эти и другие основные формы лирики были любовно и тщательно культивированы Иоаннисианом. Он с бóльшим вниманием, чем его предшественники, отнесся также к технике своего искусства... Выдающейся особенностью поэзии Иоаннисиана является ее близость к народной песне».

Ц а р ь А р т а в а з д. Легенда. «Легенда говорит, что царь Артавазд, в оковах, заключен в пропасти Арарата; верные псы грызут цепи царя, но раз в году, в страстную пятницу, кузнецы ударяют молотами, и оковы вновь крепнут; выйдет же на волю царь лишь в последний день мира, чтобы внести гибель и разрушение. *Масис — Арарат*» (примечание В. Брюсова).

А л е к с а н д р Ц а т у р я н (1865—1917)

«Цатурян... — пишет Брюсов, — связал свою поэзию с вопросами общественными, которым посвятил значительную часть своих стихов, особенно позднейшего периода. Но рядом с ними он дал и образцы непосредственного лиризма... Воспитывая свой вкус преимущественно на лучших созданиях

русской поэзии, Цатурян много внимания уделял отделке языка... Выдающееся положение занимает Цатурян в армянской литературе как переводчик стихами».

Ваан Терьян (1855—1920)

Терьян — крупный армянский лирик, тонкий мастер стиха. В его ранней поэзии сказалось влияние символизма. Однако Терьян не удовлетворялся буржуазной действительностью и вполне закономерно пришел к принятию Великой Октябрьской революции и вступил в ряды коммунистической партии. Был членом ВЦИК.

«Ужель поэт последний я...»
Наири — страна рек; это название применялось к древней Армении.

Аветик Исаакян (Род. в 1875 году)

Крупнейший поэт Армении. Брюсов отмечает в творчестве Исаакяна «две половины». «Первую составляют его песни, в которых поэт так близко подошел к складу народной лирики, что иные стихотворения кажутся созданиями безыменных певцов... Другую половину в творчестве Исаакяна образуют его рефлексивные стихотворения и его боль-

шая поэма «Абу-Ала-Маари», в которых... сказывается влияние символического периода литературы». До революции Исаакян долго жил за границей. Вернулся в Советскую Армению в 1936 году. В 1945 году ему присуждена Сталинская премия первой степени.

С л а т ы ш с к о г о

Я н Р а й н и с (1865—1929)

Ян Райнис (псевдоним Яна Плекшанса) — крупнейший национальный латышский поэт, драматург и активный участник революционного движения. В 900-х годах в поэзии Райниса ярко отражается революционная борьба латышского пролетариата и твердая вера в торжество демократических сил, которая не покидала Райниса даже в самые суровые годы реакции. Райнис преимущественно поэт-лирик. Стихи его тесно связаны с латышским фольклором. Исключительная концентрированность и ясность мысли сочетаются в его поэзии с полнотою и взволнованностью чувства.

С о с н ы. Н о в а я с и л а. Стихотворения эти написаны в период революции 1905 года; стихотворение «У м е р е н н о м у» — в годы реакции.

С а н г л и й с к о г о

Д ж о р д ж - Г о р д о н Б а й р о н
(1788—1824)

Хочу я быть ребенком вольным. Когда я, как горец... Оба стихотворения относятся к ранней лирике Байрона. *Мери Чаворт* — предмет юношеской любви Байрона.

С ф р а н ц у з с к о г о

В и к т о р Г ю г о (1802—1885)

Писано в 1853 г. В этом стихотворении, которое было написано за пределами Франции, в вынужденной эмиграции, Гюго призывает к борьбе с империей французской контрреволюционной буржуазии, возглавляемой Наполеоном III.

Песенка. Этот стихотворный перевод, опубликованный после смерти Брюсова, не был доведен им до окончательной обработки. *Бонапарт* — Наполеон III. *Пий* — папа римский Пий IX.

Писано в изгнании. *Иксион* и *Атрей* — персонажи греческой мифологии. Иксион в наказание за безнравственные поступки был, по воле Зевса, прикован к ог-

ненному колесу, которое вечно вертелось. Атрей, будучи царем в Микенах, совершил ряд страшных преступлений.

О к е а н. *Тафилет* — густо населенный оазис в Марокко. *Тетуан* — приморский город в Марокко.

К о д н ю в о з в р а щ е н и я в о Ф р а н ц и ю. Вернувшись во Францию из эмиграции в 1870 году, Гюго застал свою родину в чрезвычайно тяжелом положении: сильная прусская армия вторглась во Францию и угрожала Парижу. В стихотворении отразился горячий патриотический порыв, который охватил Гюго под влиянием этих событий. При *Аустерлице* Наполеоном I была разбита в 1805 году соединенная русско-австрийская армия. При *Ватерлоо* союзные войска разгромили в 1815 году армию Наполеона I. *Тир* — древний финикийский город. *Лутеция* — древнее, римское название Парижа. *Содом* и *Гоморра* — мифические древние города в Палестине, население которых отличалось порочностью. *Аттила* — царь и полководец гуннов.

Э м и л ь В е р х а р н (1855—1916)

Крупный поэт, бельгиец, писал на французском языке. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская рассказывает, что В. И. Ленин «в бессонные ночи зачитывал-

ся Верхарном». «Творчество Верхарна многообразно, — пишет Брюсов. — Его поэзия прежде всего поражает читателя духом современности... Города, кишящие многомиллионной толпой... медленное умирание деревень, звон золота в банкирских конторах, крик народа на баррикадах в день революции — все стороны современной жизни нашли своего певца в Верхарне». Но Верхарн, кроме того, поэт-философ и поэт-патриот, прославлявший родную ему Фландрию, ее историю и ее природу. Страстная и вместе с тем глубоко интеллектуальная поэзия Верхарна исключительно своеобразна по своему стилю и по форме стиха. Верхарн — создатель так называемого «свободного стиха», который является одним из наиболее характерных признаков его поэзии.

Брюсов перевел многие произведения Верхарна в период первой русской революции и воспринимал его поэзию в свете революционных событий. «Верхарн воистину революционный поэт, и надо, чтобы его узнали теперь», — писал он Г. Чулкову в октябре 1905 года.

Стихотворения Верхарна, переводы которых здесь печатаются, написаны главным образом в середине 90-х годов. В эти годы Верхарн особенно горячо интересовался социальными вопросами.

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Брюсов. Вступительная статья	5
<i>Д. Максимова</i>	

СТИХОТВОРЕНИЯ

* Октава	65
Первый снег	66
Сонет к форме	67
«И ночи и дни примелькались»	68
* Кучи свезенного снега	69
Опять сон	71
Туманные ночи	73
«Холод ночи; смерзлись лужи»	74
«Не плачь и не думай»	75
«О, когда бы я назвал своею»	76
Ассаргадон	77
«Месячный свет электрический»	78
«Я люблю большие дома»	79
Халдейский пастух	80
Мыши	81
«Жадно тобой наслаждаюсь»	82

«Люблю вечерний свет, и первые огни» .	83
Слепой	84
В дни запустений	85
В неконченном задании	87
Из поэмы «Замкнутые»	89
«По улицам узким, и в шуме и ночью, в театрах, в садах я бродил» . . .	100
У себя	101
Работа	102
Фабричная («Как пойду я по бульвару»	104
Фабричная («Есть улица в нашей столице»)	106
Каменщик	109
Последнее желание	110
* «Надо струны перестроить»	111
У земли	112
На скачках	114
В ответ	115
Ночь	117
Блудный сын	119
К устью	121
Конь блед	122
Мир	125
Кинжал	129
Приветствие	130
Вечерняя песня	132
Помню вечер	133
К Деметре	134
Орфей и Эвридика	136
Крысолов	139
Слава толпе	141

Фонарики	144
К Тихому океану	147
На новый 1905 год	149
Гребцы триремы	151
Ахиллес у алтаря	153
Юлий Цезарь	155
Знакомая песнь	157
Одному из братьев	158
Довольным	160
К олимпийцам	161
* К народу	163
К счастливым	166
Вечерний прилив	168
Сумерки	170
На Готланде	171
На гранитах	172
* Нить	173
Хвала человеку	174
Городу	177
Век за веком	179
Служителю муз	180
Сеятель	181
Начинающему	183
Дедал и Икар	184
Ликорн	187
Кому-то	188
На Форуме	190
К собору Кэмпера	191
Эней	192
Коварность	194
«На сухой осине серая ворона»	196
На лесной дороге	197

В ресторане	199
На заре	201
* Москва	203
К моей стране	205
Египетский раб	207
Родной язык	208
Офелия	210
Sed non satiatuz	211
Земле	213
Сын земли	215
Иматра	217
У круглого камня	218
Над Северным морем	220
Сухие листья	222
Простенькая песня	224
* Эмилю Верхарну	226
Гарибальди	227
* Эллису	229
Юношам	230
Детские упования	232
Орел двуглавый	234
Последняя война	236
* «Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи»	238
Крути на воде	239
* За что?	241
* Завет Святослава	243
К Армении	245
К армянам	247
В Тифлисе	250
* «Летайте, птицы»	252
Петру Ивановичу Постникову	253

Три яблока	255
Тридцатый месяц	256
Освобожденная Россия	258
Максиму Горькому в июле 1917 года	260
Снежная Россия	261
Работа	263
Библиотеки	265
Веснянка	266
* Светоч мысли	268
Мировой кинематограф	279
* «Слепой циклон, опустошив»	281
* «Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей»	282
Только русский	284
Товарищам интеллигентам	286
* Труд	288
* «Я выросал в глухое время»	290
России	292
* Бунт	294
Весной	295
«Пусть вечно милы посевы, скаты»	297
Парки в Москве	299
Третья осень	301
К русской революции	303
Нам проба	305
А. В. Луначарскому	307
Октябрь 1917 года	309
Одно лишь	310
Кубок Эллады	312
Серп и молот	313
Оклики	314
Над картой Европы 1922 г.	316

Мир электрона	318
Лесная тьма	319
Не память	321
Вариации на тему «Медного всадника»	323
Магистраль	326
* На смерть вождя	328
Ленин	330
После смерти В. И. Ленина	331

ПЕРЕВОДЫ

С армянского

Народные песни	
Военная Эрзерумская песня	335
Ноктюрн	337
Фрик	
Колесо судьбы	338
Иоанн Ерзынкайский	
«Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечет судьба»	342
«Язык для речи служит нам: речь праведных — что злата звон»	343
Ованес	
Песня любви	344
Наапет Кучак	
Крунк	347
Рафаэл Патканян	
Из поэмы «Смерть храброго Вардана Мамиконяна»	350
«Ребенка святой колыбелью клянусь»	353

Петрос Дурьян	
Моя смерть	354
«Близ океана голубого»	356
Ропоты	358
Иоаннес Иоаннисиан	
«Все вперед! все наверх! бесконечен мой путь»	361
Царь Артавазд	362
Александр Цатурян	
Рыбак	364
Ваан Терьян	
«Скользящей стопой, словно нежным крылом шелестя темноты»	366
«Опять спустилась ночь, опять! и снова»	367
«Ужель поэт последний я»	368
Аветик Исаакян	
«Сорванную розу ветке не вернуть»	369
«Безвестна, безымянна, позабыта» .	370

С л а т ы ш с к о г о

Ян Райнис	
Сосны	371
Стань твердой, мысль!	372
Умеренному	374
Думы весной	375
В горах	376
Зерна меж жерновов	377
Волчья берлога	378
Новая сила	379

С англійского

Джордж-Гордон Байрон	
Хочу я быть ребенком вольным . . .	380
Когда я, как горец.	383

С французского

Виктор Гюго	
Писано в 1853 г.	386
Песенка	388
Писано в изгнании	389
Вечер	390
Океан	391
Ко дню возвращения во Францию .	393
Эмиль Верхарн	
Мятеж	397
Не знаю где	399
Кузнец	401
Февраль	407
Город	408
В вечерний час	413
Примечания	415

Редакционная коллегия

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Еголин, В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев,
В. М. Саянов, А. К. Тарасенков,
А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. П. Щипачев*

Редактор И. Сергиевский
Художник Л. Хижинский
Худож. редактор И. Серов
Техн. редактор В. Комм
Корректор З. Петрова

М 33337. Подписано к печати 21/VI 1952 г.
Формат бумаги 70 $\times$ 108/₆₄—3,59 бум. л. =
9,85 печ. л. Авт. л. 10,79. Уч.-изд. л.
11,48. Тираж 20 000. Заказ № 529.
Цена 6 р. 75 к.
(по прейскуранту 1952 г.)

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

